

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ МАТВЕЕВ

Сборник научных трудов и воспоминаний

Посвящен памяти А.В. Матвеева

Тюмень
2014

ББК 63.401
А46

Рекомендовано к печати
редакционно-издательским советом
Тюменского государственного университета

А46 Александр Васильевич Матвеев: Сборник научных трудов и воспоминаний. Посвящен памяти А.В. Матвеева / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. 164 с., 24 с. цв. ил.
ISBN 978-5-89181-068-6

В сборнике памяти известного российского археолога и организатора науки доктора исторических наук Александра Васильевича Матвеева представлены разные стороны деятельности и личности ученого в отзывах и статьях его коллег из институтов Сибирского отделения РАН и Тюменского университета, бывших студентов, учеников, журналистов, друзей. Опубликована одна рукописная работа А.В. Матвеева, его биография, аннотированная библиография трудов, списки выступлений в СМИ и работ, посвященных исследователю.

В книгу включена серия фотографий, иллюстрирующая этапы жизни Александра Васильевича. Фотографии предоставлены О.М. Аношко, С.В. Берлиной, В.П. Коротяевым, В.М. Костомаровым, Ю.В. Лихановым, Н.П. Матвеевой, Н.М. Пейновичем, Д. Ткачуком, Л.С. Саленко, Л.В. Татауровой, И.Ю. Чикуновой.

Для археологов, историков, краеведов, историков науки, всех любителей древностей.

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук О.М. Аношко, д-р ист. наук А.Н. Багашев,
канд. ист. наук А.Д. Дегтярева, д-р ист. наук, проф. Н.П. Матвеева

Благодарим всех приславших статьи, отзывы и фотографии

Без объявления

ББК 63.401

ISBN 978-5-89181-068-6

© Изд-во ИПОС СО РАН, 2014

Содержание

Об Александре Васильевиче Матвееве. Биография (<i>Н.П. Матвеева</i>).....	4
Аннотированная библиография научных трудов А.В. Матвеева	19
Ответственное редактирование	46
В зеркале прессы Статьи А.В. Матвеева в средствах массовой информации. Интервью. Журналисты о деятельности ученого	47
Personalia	51
<i>Матвеев А.В.</i> Федоровская культура в лесостепном Зауралье	53
Студенческие годы. Первые исследования (<i>В.А. Зах</i>)	94
Вклад А.В. Матвеева в изучение эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири (<i>В.М. Костомаров, А.Д. Дегтярева</i>)	100
Памяти А.В. Матвеева (<i>С.С. Тихонов, О.И. Новикова</i>)	108
Скруплезный, doskonaльный человек... (<i>Л.В. Татаурова</i>)	117
Об изучении поселений (взгляд издалека) (<i>Й. Шнеевайс</i>)	128
Слово об учителе (<i>О.М. Аношко</i>)	141
Александр Васильевич Матвеев (<i>Е.Н. Волков</i>)	148
Выпускники истфака: in memoriam (<i>А.А. Кононенко, А.А. Чеблаков, М.А. Широкова</i>)	154
«Кому как не нам... находить эти следы?»: А.В. Матвеев и формирование региональной идентичности (<i>В.П. Клюева, Р.О. Поплавский, В.Я. Темплинг</i>)	159

ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ МАТВЕЕВЕ. БИОГРАФИЯ

А.В. Матвеев известен как талантливый археолог, организатор двух вузовских и академического научных коллективов.

Он родился в Новосибирске 9 ноября 1955 года. Мать его после окончания мединститута служила в госпитале, закончила войну в Восточной Пруссии, награждена орденами и медалями, затем работала врачом-фтизиатром в клинике. Отец был ученым, изобретателем, руководил патентным отделом в Институте химии твердого тела СО РАН, а дома писал картины.

В школе Саня, как его называли в детстве и юности, учился без особого прилежания, больше занимался чтением и музыкой, посещал вечернюю музыкальную школу, играл на гитаре в самодеятельном ансамбле. В 1973 году, получив посредственный аттестат, он не стал,

как собирался, поступать в Новосибирский университет, полагая такую попытку бесполезной, а пошел в пединститут на исторический факультет. Там Саня совершенно неожиданно для себя увлекся археологией, благодаря главным образом обаянию личности Татьяны Николаевны Троицкой, которая преподавала археологию, и атмосфере дружбы и энтузиазма, царившей в ее экспедициях. Поскольку Саня хорошо рисовал и серьезно относился ко всем поручениям, он помогал составлять отчеты о раскопках, постигая азы археологической специальности под руководством Т.Н. Троицкой, ставшей для него учителем и старшим другом на всю жизнь.

Становлению Александра в качестве археолога, а не преподавателя истории, как предусматривалось программой обучения в НГПИ, способствовало самообразование и общение в археологическом кружке с товарищами, которые также стали профессиональными археологами: В.И. Молодиным, В.И. Соболевым, В.А. Захом, И.В. Сальниковой и др. Исключительно сильным стимулом развития для начинающего археолога Матвеева была дружба с Евгением Алексеевичем Сидоровым, интеллектуальным и увлеченным человеком, закончившим уже пединститут, когда с ним познакомился первокурсник Матвеев. Дискуссии друзей касались самых разнообразных тем: методики раскопок и реконструкций, анализа данных, организации науки, демократических форм самоуправления в профессиональной среде, археологического законодательства и приемов работы с молодежью. Всем этим аспектам в своей деятельности он уделял внимание в дальнейшем и после ранней кончины друга, но не находил с другими коллегами такого полного взаимопонимания.

Тогда было принято уже в студенчестве выписывать журнал «Советская археология», следить за новыми открытиями, комплектовать домашнюю научную библиотеку, делать доклады на научных конференциях. Закономерно, что талантливый и трудолюбивый студент уже имел тему своих научных изысканий: «Памятник ирменской культуры эпохи поздней бронзы». В 1975 году он получил первый Открытый лист на право проведения археологических разведок в Новосибирской области. А в 1976 году ему был выдан первый Открытый лист на право раскопок, вышла первая научная работа. Раскопки поселения Быстровка-4 ирменской культуры в дальнейшем имели большое значение для понимания ее особенностей. Одновременно с учебой он работал лаборантом в НГПИ и занимался оформлением учебного археологического музея.

К Татьяне Николаевне он каждый раз, бывая в Новосибирске, ездил домой, чтобы повидаться, посоветоваться. Рассказывал он о ней своим молодым сотрудникам и студентам часто. Пересказывал занятные истории из ее полевой и научной практики, происшествия в экспедициях и события в пединституте, которым был свидетелем. В этих воспоминаниях не чувствовалось особого пиетета, он даже подчеркивал

неприхотливость, простоту и находчивость своего руководителя. И только те, кто слышали такие рассказы неоднократно, понимали, что за ними стоят глубокие любовь и уважение к человеку огромного жизненного и археологического опыта, кругозора и педагогического таланта, который всегда умеет быть собой, а также тактичный намек, что надо стремиться «быть», а не «казаться».

В последние годы их дружба подкреплялась долгими, почти часовыми телефонными разговорами о новых интересных публикациях, о событиях в жизни коллег, о появившихся идеях, о семейных новостях. А самому Александру Васильевичу стойкость Татьяны Николаевны и мужественная борьба с болезнью была примером и придавала сил искать новое поприще своим способностям. Он с несомненной гордостью сообщал при удобном случае, что его учитель все еще в строю, пишет учебники, статьи, руководит аспирантами.

А.В. Матвеев рядом с учителем

Т.Н.Троицкая:

Ушел от нас Матвеев Александр Васильевич... Для меня он навсегда остается «Саней», тем самым Саней или просто «Санечкой», который вошел в мою жизнь еще тогда, когда он был моим студентом, перешедшим на второй курс исторического факультета Новосибирского педагогического института. Как хорошего студента я знала его с самого начала учебы на первом курсе, а с первой же экспедиции, совпавшей для него с археологической практикой, он стал для меня просто «Саней». Я обратила внимание на его безусловный талант археолога. Матвеев очень быстро понял сущность полевой археологической работы и стал вначале помогать мне вести полевые чертежные работы, а затем и выполнять отдельные задания. Еще студентом он получил Открытый лист вначале на проведение разведок, а затем и самостоятельных раскопок. Все, что думала о Сани, я высказала в сво-

ем сообщении в его юбилейном сборнике, повторять одно и то же не стоит. Просто я очень любила и именно уважала его за его ум, честность, интеллигентность и скромность, я часто советовалась с ним по телефону. И сейчас меня буквально тянет к тому, чтобы взять трубку и в очередной раз поговорить с ним. Я никогда не думала, что переживу его, но жизнь сложна и неожиданна. Я до сих пор не могу представить, что Сани больше нет и что я больше не услышу его голос, не поговорю с ним...

По распределению учителем истории в село Сузун Новосибирской области Александр не поехал, так как накануне женился и переехал в Тюмень, где в университете уже работала его жена и для него открывалась научная перспектива, которой работа учителя дать не могла. Этот поступок помешал ему поступить в заочную аспирантуру при ИИФ СО АН СССР к академику А.П. Окладникову, которому его рекомендовала Т.Н. Троицкая, так как положительную характеристику ему пединститут не дал.

В 1978 году работу в Тюмени Александр начал с преподавания истории в школе № 26, и только через несколько месяцев после долгих переговоров между ТюмГУ и областным отделом народного образования ему разрешили перейти в вуз. Там была открыта хозяйственная научно-исследовательская археологическая лаборатория (ХНИАЛ), первые кадры которой составили супруги Матвеевы, а уже с 1979 года к ним присоединились Л.А. Дрябина, В.И. Семенова, И.В. Жилина, Л.А. Осоткина, закончившие УрГУ. Потом Александр был призван в армию на полтора года, служил в железнодорожных войсках в подмосковном Щелково.

К трудностям армейской жизни солдат Матвеев относился с юмором, и благодаря доброжелательности и обаянию обзавелся друзьями как в своем взводе, в котором служили только выпускники вузов, так и в библиотеке, спортклубе и в политической части. Поскольку он хорошо рисовал, то охотно делал наброски в «дембельские альбомы», стенгазеты. С армейскими друзьями, призванными также из Тюмени, он потом встречался много лет, а с Ренатом Саттаровым и до последнего времени.

Александр посылал и юмористические репортажи из своей армейской жизни в почти ежедневных письмах домой: как выглядит он сам и его сослуживцы, чем заняты на службе и в свободное время, о чем говорят и мечтают.

Хотя он, как все военнослужащие в том 1979 году, писал заявление под диктовку замполита с просьбой послать в зону боевых действий в Афганистане, но туда не попал.

Как человек, умеющий правильно вести отчетную документацию и переписку, печатающий на машинке (тогда это ценилось) и отлично рисующий, он после выпуска из «учебки» был оставлен в штабе своей воинской части для оформления музея боевой славы и ведения делопроизводства по политработе.

Пользуясь расположением своего начальника майора Агейчикова, Саня регулярно бывал в Москве в увольнениях, которые посвящал, кроме покупки материалов для создаваемого музея, посещению Института археологии и поискам научной литературы, которую, прочтя, пересылал домой.

К слову, начальник разрешал звонить домашним в его кабинет и приглашал к телефону Саню, что по нравам тогдашней армии было необычайно гуманно.

Увлеченность его наукой была так велика, что вызывала уважение окружающих.

Метаморфозы

Первобытный музыкант

Ранний подъем. Марс — бог войны

Древний пейзаж

Как ни удивительно, но в армии Александр сумел получить свободное вечернее время, много читал и занимался в библиотеке перебеливанием черновых рисунков по материалам своих раскопок, которые привез ему в одну из своих московских командировок его отец Василий Егорович. Интересно, что он сделал в Щелково половину готового альбома будущей диссертации.

А.В. Матвеев уволился в запас в декабре 1980 года. После возвращения в ТюмГУ Александр стал старшим сотрудником научно-исследовательского сектора, а с марта 1981 года — ассистентом кафедры всеобщей истории. В 1982 году поступил в заочную аспирантуру в Новосибирск, где его руководителем был доктор исторических наук Р.С. Васильевский, в то время заместитель директора Института истории, филологии и философии СО АН СССР. О встречах со своим научным руководителем он с удовольствием рассказывал, главным образом подмечая удивительные организаторские способности, умение работать с людьми, великолепно держаться на публике в любых обстоятельствах.

По складу мышления Александр Васильевич был ближе всего к М.П. Грязнову, знал все его работы и считал себя его заочным учеником. В 1979 году, когда для диссертации понадобились материалы Ирмени-1 и состоялась встреча со знаменитым ученым, тот пригласил начинающего исследователя в соавторы для издания памятника отдельной монографией. С большим энтузиазмом он принялся за рукопись, закончив ее через год после возвращения из армии, довольно быстро, так как отчеты Михаила Петровича отличались большой детальностью и точностью. И хотя Александр в январе 1982 года представил рукопись на суд автора раскопок, никаких ремарок и отзывов о ней в тексте и бумагах после смерти М.П. Грязнова не оказалось: полагаю, что из-за болезни у него просто не было сил ею заниматься. Рукопись «Ирмени-1» так и не была опубликована, поскольку А.В. Матвеев посчитал, что не имеет права «примазываться» к имени великого человека, коль нет письменного его на то согласия.

При огромной преподавательской нагрузке из трех лекционных курсов с семинарами по археологии, истории первобытного общества и этнографии на дневном и заочном отделениях, курсовых и дипломных работ, при руководстве хозяйственными проектами, созданием археологического музея на факультете, он вел археологический кружок. В нем он готовил археологов по примеру Т.Н. Троицкой. Все это было без утвержденной специализации, разрешения на которую так и не получил и в последующие годы, несмотря на большие успехи лаборатории и спрос на археологов в регионе. В кружке царили дух дружбы и воодушевление, студенты и молодые сотрудники жили одним коллективом, в начале мая праздновали «первую лопату», вместе отмечали дни рождения, по едва очистившейся от снега земле выезжали в разведки, проходя в день по двадцать-тридцать километров по полям и лесам.

В 1985 году Александр Васильевич защитил кандидатскую диссертацию «Ирменские поселения лесостепного Приобья», которая позднее, в 1993 году, была издана отдельной книгой. Эта монография и по сей день востребована научным сообществом, так как привлекает читателя своей ясностью, логикой доказательств.

В 1986 году он был избран старшим преподавателем кафедры всеобщей истории, а в 1988 году переведен на кафедру источниковедения и историографии истории в связи в произошедшей на факультете реорганизацией, затем избран там доцентом.

В 80-е годы коллектив хозрасчетной научно-исследовательской археологической лаборатории работал масштабно, одновременно выезжали до пяти отрядов Тюменской археологической экспедиции, он вырос также в своей квалификации: были защищены еще три кандидатские диссертации, стали работать по специальности первые ученики, на базе ТюмГУ проводились неоднократно научные археологические семинары и всероссийские конференции. В состав лабора-

тории влились В.А. Зах, А.Н. Панфилов, В.Т. Галкин, И.Ю. Чикунова, ставшие впоследствии высококвалифицированными специалистами.

Помимо раскопок и разведок в зонах промышленного освоения Севера Западной Сибири, за 12 лет ее сотрудниками и руководителем были написаны десятки научных статей, изданы несколько научных сборников, а также для подготовки археологической карты Тюменской области проведены обследования и выявление памятников в 17 административных районах. Впоследствии под редакцией А.В. Матвеева вышла коллективная монография «Археологическое наследие Тюменской области. Лесостепная и подтаежная зоны», описывающая около 1000 памятников.

Однако возможностей публикации книг и развертывания археологических исследований не было. ТюмГУ, созданный на базе пединститута, не стремился развивать научные направления и школы, поэтому полный сил и планов коллектив чувствовал себя в тупике.

Определенную роль в противодействии археологической специализации сыграло обособленное положение археологов на факультете, откровенное и дружное игнорирование ими партийной жизни и общественных мероприятий, которые тогда воспринимались нами как ритуальная демонстрация лояльности властям. Вместо первомайских демонстраций коллектив лаборатории вместе со студентами-археологами всегда выезжал в окрестности Тюмени на «первую лопату», завершая разведку на местности пикником.

В разведке в Абатском районе Тюменской области в 1984 г.

В осторожных выражениях, но вполне решительно А.В. Матвеев отклонял неоднократные предложения о вступлении в КПСС. Нельзя сказать, что кого-то преследовали за свободомыслие, но атмосфера доносительства делала обстановку напряженной. Впрочем, занятия хозяйственными делами весьма приветствовались, и в трудовой книжке у Александра Васильевича имеется 11 записей о благодарностях и премиях за эти годы.

Поэтому родившийся у меня план перейти двум-трем сотрудникам в Тюменский научный центр Александр Васильевич преобразовал в более масштабное мероприятие — создание лаборатории археологии и этнографии в Институте проблем освоения Севера (ИПОС) СО АН СССР. Заручившись ходатайством академика А.П. Деревянко и поддержкой академика В.П. Мельникова, почти весь коллектив университетских археологов подал заявления о переходе в Академию наук в мае 1990 года. Вследствие этих событий не состоялось присвоение ученого звания доцента А.В. Матвееву и прервалась его преподавательская работа.

Следующий этап жизни А.В. Матвеева — 12 лет связан с работой в Академии, и он его считал самым счастливым в своей жизни. Здесь у него появилась желанная свобода — подбирать коллектив, формировать направления поиска, задавать тон в профессиональной этике, выдавать весомые результаты, соответствующие академическому уровню, оценивать себя и других по «гамбургскому счету». Там он работал заведующим лабораторией, с 1991 года — заведующим гуманитарным отделением, с 1993 года — заместителем директора по науке.

Первые шаги лаборатории были трудными. Не было своего помещения, располагались в арендованном спортзале. Из-за скудного финансирования пришлось снова жить за счет хозяйственных договоров на Севере и прилагать большие усилия для получения поддержки областной администрации. После опыта, полученного в совместной российско-французской археологической экспедиции в Исетском районе Тюменской области в 1994 году, Александр Васильевич сумел организовать крупный проект «Комплексное изучение Ингальской долины», и дела пошли в гору. Удалось получить поддержку научных фондов: РГНФ, РФФИ, государственной программы «Интеграция» и реализовать ряд блестящих полевых и исследовательских замыслов.

Комплексный подход к археологическим источникам появился в силу двух обстоятельств: влияния на сибирскую молодежь новаторских трудов М.Ф. Косарева и знакомства Александра Васильевича с географами В.В. Козиным и С.И. Лариным, переросшего в дружбу и сотрудничество с последним и химиком-аналитиком Н.С. Лариной.

Занимаясь еще и подготовкой кадров, он получил ученое звание старшего научного сотрудника. В годы работы в ИПОС СО РАН Матвеев начал разрабатывать концепцию секвенции археологических культур, которую он назвал «андроновской семьей», по аналогии с

языковыми семьями, усматривая в течение II тысячелетия до н.э. расселение по Уралу и Сибири индоевропейцев. Эта работа, опиравшаяся на большой новый материал, была защищена как докторская диссертация. Еще до защиты, в 1998 году, вышла из печати часть этой диссертации — книга «Первые андроновцы в лесах Зауралья».

Ряд археологических культур бронзового века: пахомовскую, сузгунскую, бархатовскую — он считал гибридными, следствием смешения традиций пришлого и автохтонного населения. Эту тему он считал весьма актуальной и предлагал отдельные ее сюжеты своим аспирантам.

Увлеченно исследуя памятники названных культур эпохи бронзы, Александр Васильевич Матвеев стремился раскрыть их в развитии и локальной специфике с размахом, подбирая для раскопок в качестве опорных объектов по 2–3 однокультурных поселения. Однако половина этих новых источников по древней истории Западной Сибири осталась опубликованной лишь фрагментарно, успела выйти только монография по бархатовской культуре, написанная совместно с О.М. Аношко уже в стенах университета, в который он позднее вернулся.

Будучи заместителем директора по науке в 1993–2001 годах, А.В. Матвеев много времени уделял работе с гуманитарной частью академического коллектива, научным заседаниям, формированию программ, различного рода плановой и отчетной документации. В эти годы он также был участником учредительного съезда Российского археологического общества, одним из основных авторов Закона об охране историко-культурного наследия, принятого в 1996 году Тюменской областной Думой. Если учесть, что тогда же вышли ряд его статей в СМИ, в том числе в журнале «Природа», раздел в книге «Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям», то видно, что огромный труд он затрачивал на формирование заинтересованного и уважительного общественного мнения об археологах и роли археологии в обществе. В эти годы ему были вручены благодарности от президента РАН, почетные грамоты СО РАН.

В каких бы условиях семья ни жила, у Александра Васильевича всегда был свой кабинет, обставленный стеллажами с книгами, или рабочий угол в доме, оснащенный им собственноручно с большим тщанием.

С одной стороны, потому, что он любил ручной труд, ценил в людях прочность, «мужиковатость», презирал слабость и «интеллигентщину» (под которой понимал самолюбование, трусость и угодливость), с другой — потому что много курил, собираясь с мыслями, и всегда работал за полночь.

Беллетристики он почти не читал, интересовался больше историческими трудами; отдыхал, слушая музыку или подбирая мелодии на гитаре; хорошо знал советское и зарубежное кино, помнил имена почти всех актеров и режиссеров. Переносить трудности жизни, огорчения и разочарования, сохранять добрые отношения с подчиненными при неумолимой требовательности к людям ему помогало умение мягко шутить, рассказывать байки. Особенно он любил вспоминать

забавные истории про себя или далеких знакомых коллег применительно к обсуждению текущих проблем, воспитательный смысл которых становился ясен людям при обдумывании состоявшегося разговора.

Дома, на фоне стеллажа

Из интересных происшествий, снов или споров он умел составлять увлекательные рассказы, которые охотно повторял по просьбе друзей или в экспедиции у костра, часто затевал розыгрыши. Для своего шуточного домашнего творчества он придумал себе псевдоним «Борис Покусаев».

Когда Александр Васильевич размышлял, обязательно рисовал, преимущественно в юмористическом духе, часто набрасывал шаржи.

Зарисовки с натуры

Особенностью его была чуткость к слову: он легко рифмовал, сочинял шуточные стихи, перевертыши, «ашипки», перефразировал по-

говорки, но никто за ним не записывал, и многое забылось, за исключением двух-трех вещей.

Однако среди его учеников оказались люди, одаренные поэтическими способностями, подготовившие стихотворный спектакль на тему археологического пути Александра Васильевича к его 50-летию. Мне кажется, что лучшего подарка, чем этот, он не получал за всю свою жизнь.

К 2001 году, времени перехода Александра Васильевича в Тюменский университет, гуманитарный отдел ИПОС СО РАН состоял из трех лабораторий: археологии, этнографии и антропологии, палеоэкологии человека — и лидировал в Институте по своим научным результатам. Финансовое положение науки также несколько упрочилось, поскольку началось выделение средств по ряду регулярных конкурсов полевых и исследовательских работ, грантов; регулярную, хоть и небольшую помощь оказывала Губернская академия как форма поддержки фундаментальной науки из местного бюджета, основанная академиком В.П. Мельниковым. Посчитав свою роль организатора гуманитарного направления в Тюменском научном центре исчерпанной, так как «маточное» положение ИПОС оказалось несоответствующим практике свертывания научных подразделений, реализуемой правительством, и дальнейшего развития не предвиделось, Матвеев принял предложение ректора о подготовке археологических кадров в ТюмГУ, которое сулило прекрасные перспективы интеграции науки и высшей школы.

Полагая востребованными свои способности организатора, Александр Васильевич с энтузиазмом принял заведование вновь открытой кафедрой археологии и этнографии, к преподаванию на которой привлёк лучшие кадры Тюменского научного центра Академии. Однако планы руководства ТюмГУ в 2003 году неожиданно переменились: решив создать свой научный институт для усиления рейтинговых показателей вуза, кафедру слили с кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, а Александра Васильевича перевели на новое место работы — директора Института гуманитарных исследований. Конечно, пережить ликвидацию кафедры было нелегко, тем более что было понятно: все это приведет к свертыванию подготовки археологов и этнографов и вытеснению из преподавательской деятельности его самого и его коллег. Так и произошло: в один момент от него и двух других сотрудников потребовали подписать заявление об увольнении с кафедры, где он еще несколько лет до перехода университета на систему бакалавриата работал по совместительству. Не удивительно, что ученое звание профессора Александру Васильевичу также не присвоили, находили, что для этого ему не хватает методических работ. Хлопотать об этом, суетиться, готовя ненужные в обстановке сворачивания археологической специализации пособия, он не захотел.

Новое гуманитарное подразделение университета получило хорошие помещения, всю нужную технику, но скромный бюджет, рассматриваемый как необходимый минимум для коллектива, призванного заниматься «самообеспечением» и выдавать фундаментальные научные результаты. Возникли сектора археологии, культурологии, филологии, этноконфессиональных отношений, региональных энциклопедий, возглавляемые докторами наук. Уважение к опыту и мнению специалистов, стремление обеспечить свободу творчества со стороны директора создало в Институте замечательную обстановку сотрудничества и энтузиазма. Реализовывались крупные региональные проекты, хоздоговорные экспедиции, выходило по несколько книг в год. Институт стал приобретать авторитет и вносить свой вклад в престиж университета.

В эти годы Александр Васильевич отошел от изучения первобытной эпохи и обратился к Новому времени: к проблемам героической эпохи присоединения Западной Сибири к Российскому государству, становления первых русских городов в Сибири, культуре землепроходцев. В результате одним из направлений его научно-исследовательской деятельности стали раскопки в 2003–2005 годах в исторической части города Тюмени, а также великолепного по своей сохранности и насыщенности находками культурного слоя исторической части г. Тобольска, уже давшие уникальные материалы. Это новое направление в творчестве потребовало от него овладеть более сложной полевой методикой, используемой при раскопках городов.

На волне реформ системы образования и новых рейтинговых показателей, где важнейшим является объем привлеченных со стороны средств, зародилась новая идея — заставить сотрудников зарабатывать больше средств для университета, лишив их бюджетной заработной платы. И вот этой идее оценивать все рублем, в том числе научные заслуги и репутацию людей — стоимостью выполненных хоздоговоров, много лет противостоял Александр Васильевич. Каждый год он защищал Институт при бюджетировании, а потом по многу раз в год — от упреков в «дармоедстве». Но, к сожалению, ситуация в ИГИ явилась выразительным результатом общего негативного отношения к науке правительства. Уважение к открытию, научной мысли сведено в обществе к нулю, ценными признаются лишь обслуживающие потребности купли-продажи или политики результаты. Отсюда и множество химер: публикаций о гипербореях, атлантах, националистически окрашенных рассуждений о «древних корнях» современных народов. Александр Васильевич старался этому сопротивляться, надеялся выстоять, сохранить дух истинной науки...

Следуя требованиям времени и запросам на освещение важнейших событий исторического прошлого, он организовал в 2007–2012 годах замечательный проект изучения культурного слоя города Тобольска, объединивший в себе и глубокий анализ и мастерство

профессионалов, и патриотизм и благодарность к первопроходцам, и апелляцию к общественным нравственным ценностям... Попыткой сформировать круг объективных источников была экспедиция 2006 года в поисках места гибели Ермака. Ее А.В. Матвеев длительно готовил, анализируя разные письменные и картографические свидетельства за четыре века, с тем чтобы выстроить логику событий и изменения природного окружения в этом месте последней битвы.

Последним местом работы Александра Васильевича стала группа историко-археологического изучения Сибири в ИПОС СО РАН, в который он вернулся в мае 2012 года на должность главного научного сотрудника. Там он провел еще одну экспедицию в Тобольске, составил программу работ на будущее.

А.В. Матвеев написал более 170 научных и научно-популярных работ, в том числе 16 книг и брошюр. Особенно удачной получилась публикация им научно-популярной книги «Затерянный мир Ингальской долины» (Тюмень, 2004). Три издания выдержала книга, написанная в соавторстве с университетскими историками, — «Со времен князя Самара: в поисках исторических корней Ханты-Мансийска» (Ханты-Мансийск, 2005, 2007, 2013), с обоснованием нового возраста столицы Югры. Вышел из печати краткий очерк А.В. Матвеева с коллегами — «Казачьи Тюменского региона от Ермака до наших дней» (Тюмень, 2010).

Под его редакцией начал выходить «Вестник археологии, антропологии и этнографии», издающийся уже 16 лет. А.В. Матвеев был автором десятков статей в энциклопедиях Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Ямало-Ненецкого автономного округа, редактором ряда сборников статей и монографий.

К науке Александр Васильевич относился с большим уважением, поэтому требовательно подходил к выбору аспирантов, считал недопустимым «ставить на поток» защиты диссертаций. Будучи спокойным, доброжелательным и высокопорядочным человеком, он охотно соглашался оппонировать диссертации хорошо известных ему специалистов и всегда давал развернутые и уважительные отзывы, способствуя успешной защите соискателей.

Семью свою Александр Васильевич очень ценил, был надежным и верным человеком, большое внимание уделял дочери. Дочь Екатерина получила образование экономиста по рациональному природопользованию и эколога, училась и в России и за рубежом, работает в международной нефтегазовой компании.

По жизни его вело стремление открыть неизвестные страницы прошлого и сделать их доступными обществу. Он был занимательный рассказчик, впечатляющий лектор, хороший писатель и внимательный педагог, подготовивший десятки археологов, студентов и аспирантов. Всегда вокруг него была атмосфера доброго юмора, всегда он проявлял внимание к сотрудникам и находил способ поддержать

коллегу. Он охотно уделял время журналистам, краоведам, активистам национальных объединений, казаческого движения, организаторам детских археологических экспедиций. Спокойная благожелательность и обаяние, соединявшиеся с научной и человеческой взыскательностью, привлекали к нему людей.

Глубокими и разносторонними историко-археологическими исследованиями Александра Васильевича Матвеева были заполнены многие лакуны в древней и новой истории Западной Сибири, им последовательно сформированы три сильных исследовательских коллектива, воспитаны два поколения тюменских археологов. 28 января 2013 г. Ученый совет ТюмГУ наградил А.В. Матвеева медалью «За выдающиеся успехи».

Скончался Александр Васильевич Матвеев 24 апреля 2013 года на 58-м году жизни после тяжелой болезни.

Н.П. Матвеева
Тюменский государственный университет

В костюме гусара

С мамой Руфиной Иосифовной Соколовой
и бабушкой Прасковьей Андреевной Головиной

С отцом Василием Егоровичем Матвеевым

В НГПИ с участниками археологического кружка
Лидой Петровой, Колей Пейновичем и Леной Карпеевой, 1977 г.

4 курс НГПИ, 1977 г.

Выпускники А.Г. Платонов (крайний слева), А.В. Матвеев
и студент-первокурсник А.А. Адамов (крайний справа)

В экспедиции 1983 г.
с завхозом
А.Ф. Митченко

На конференции 1986 г.
в ТюмГУ

Слева направо: А.Ф. Шорин, В.П. Коротаев, Е.Б. Заболотный,
А.А. Болотов, А.В. Матвеев, С.П. Цыганкова, М.Ф. Косарев, И.Г. Глушков

В учебном музее
с преподавателем кафедры
всеобщей истории
В.Ф. Кузнецовым, 1984 г.

В экспедиции
на Чистослебяжском
могильнике в 1982 г.

В экспедиции
со студентами-археологами
И.Ю. Опенько (Чикуневой),
О.В. Зенчук (Михайловой),
Т.В. Бурлиной (Сарапуловой)

Хрипуны 1993 г.

С участниками раскопок Хрипуновского могильника в 1993 г.
Слева направо стоят А.В. Матвеев, В.Э. Чибиряк с М.А. Бусловой
и Е.А. Казаковой, В.А. Сусоров, А.Н. Багашев,
сидит в центре В.А. Зах

На экскурсии по саргатским памятникам
с участниками российско-французской экспедиции в 1994 г.

В рабочем кабинете
ИПОС СО РАН, 1998 г.

Международная конференция «Аркаим-1999». Полет в Аландское.
Слева направо: Н.А. Боковенко, А.И. Беседин, В.Т. Ковалева, И.В. Пьянков,
Т.М. Потемкина, А.В. Матвеев, сидит П.А. Косинцев

Поздравление с защитой докторской в Новосибирске, 2000 г.
Акад. А.П. Деревянко, д.и.н. В.Т. Петрин, акад. В.И. Молодин

После защиты докторской диссертации с друзьями.
 На переднем плане слева направо: Л.Н. Мыльников, Т.Н. Ключкова,
 А.Г. Платонов. На крыльце Р.С. Васильевский с аспирантками ИАЭТ СО РАН

В лаборатории археологии ИПОС СО РАН
 с И.Ю. Чикуновой, Н.Е. Рябогиной, 2000 г.

В Институте истории материальной культуры РАН
с известным ученым-андроноведом Е.Е. Кузьминой.
Справа И.Ю. Чикунова. 2003 г.

В разведке с ялуторовским краеведом П.А. Ведерниковым. 2003 г.

На студенческой конференции в ТюмГУ, 2003 г.

За рукописью «Затерянного мира Ингальской долины»
в экспедиции под Криволукским, 2004 г.

С Мартой в экспедиции,
2004 г.

На раскопках
поселения
Заводоуковское-9,
2006 г.

Н.П. и А.В. Матвеевы со студентами В.М. Костомаровым,
С.В. Берлиной, С.И. Цембалюк и Ю.В. Рыжковой (Костомаровой)
в экспедиции на раскопках археологического комплекса Имбиряй в 2004 г.

На юбилее Т.Н. Троицкой с В.А. Захом, 2005 г.

На Капри в 2005 г.

За председательским столом на конференции «IX Сулеймановские чтения»
с Р.М. Насибуллиным, зав. татарским читальным залом
областной научной библиотеки, 2006 г.

Экскурсия по Ингальской долине. С Н.А. Балюк. 2006 г.

Экскурсия по Ингальской долине. С Г.Б. Здановичем. 2006 г.

На совещании по охране культурного слоя в Тобольске в 2007 г.
(с А.В. Нескоровым, А.А. Адамовым, А.Н. Панфиловым)

На раскопках Хрипуновского могильника, 2007 г.
С И.С. Зевайкиной (Халиковой)

На Верхнем посаде в 2007 г.
(на заднем плане Т.В. Селиверстова, О.М. Аношко)

В Египте в 2007 г.

А.В. Матвеев и Д.Г. Савинов, 2008 г.

Н.П. Матвеева, В.В. Бобров, А.В. Матвеев. Суздаль, 2008 г.

Приветствие на научной конференции
«Экология древних и традиционных культур», Тюмень, 2007 г.

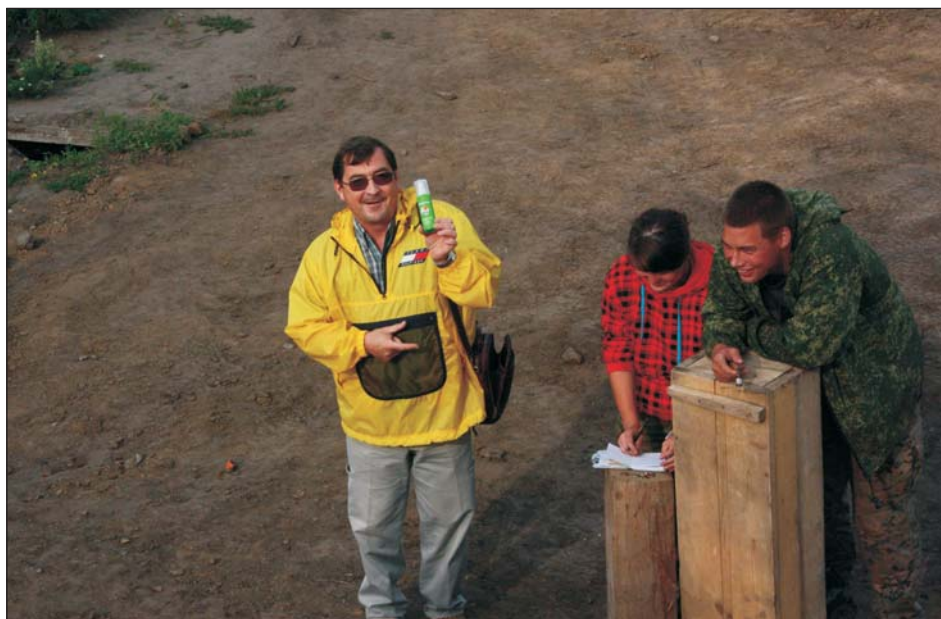
На Хрипуновском поселении в 2010 г.
на праздновании 10-летия «Исседона»

На встрече с сотрудниками газеты
«Тюменская область сегодня»,
2011 г. Фото Д. Ткачука

Тобольск, 2011 г.

На раскопках в Тобольске, 2011 г.

На конференции «Человек и Север», 2012 г.

С А.Д. Дегтяревой на конференции «Человек и Север», 2012 г.

С И.В. Беличем в разведке по местам татарской истории, 2012 г.

День археолога в Тобольске, 2010 г.
С Н.П. Матвеевой, Т.В. Селиверстовой, О.М. Аношко,
Н.И. Цембалюком, С.И. Цембалюк

А.В. Матвеев. Фото Ю. Лиханова

АННОТИРОВАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ А.В. МАТВЕЕВА

1976

1. Соболев В.И., Зах В.А., Сидоров Е.А., Елагин В.С., Матвеев А.В. Работы в Барабинской и Кулундинской степях // Археологические открытия 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 280–281.

Сообщение о разведочных работах в Новосибирском Приобье.

1977

2. Матвеев А.В., Колесин А.Н., Соболев В.И., Зах В.А. Работы Новосибирской экспедиции // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 221–222.

Сообщение о разведках и раскопках в Новосибирской области, в которых участвовал А.В. Матвеев, обнаружении Батуриного погребения и начале им работ на Быстровском поселении.

1978

3. Матвеев А.В. Исследования Быстровского поселения // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 256–257.

Сообщение о раскопках четырех жилищ на памятнике ирменской культуры, их конструкции, использовании и инвентаре.

1979

4. Матвеев А.В. Городище бронзового века на Уени // Вопросы археологии Приобья. Тюмень: ТюмГУ, 1979. С. 91–105.

Публикация однослойного ирменского городища Батурино-1, отнесенного к заключительной стадии бронзового века. Даны описание оборонительной линии, жилища, инвентаря, статистический анализ керамического комплекса, отмечены контакты населения с таежными молчановскими группами.

5. Матвеев А.В. Неолитическое погребение на Батурином острове // Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, 1979. С. 24–30.

Случайно открытое в разведке 1976 г. захоронение сожженного черепа на р. Уень с кремневыми наконечниками стрел, ножом, шлифованным топориком, песчаниковым точильцем, тремя плоскодонными баночными сосудами отнесено к кругу памятников типа Томский и Самусьский могильники.

6. Матвеев А.В., Ключкова Т.Н., Колесина Л.Н. Исследования Красноярского и Искитимского отрядов Новосибирской экспедиции // Археологические открытия 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 250–251.

Сообщение об обследовании комплекса Красный Яр и о завершении работ на ирменском поселении Быстровка-4 вследствие истощения сохранившейся части памятника.

1983

7. Матвеев А.В. О хозяйственно-функциональной планировке ирменских жилищ Быстровского поселения // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири: Тез. науч. конф. Барнаул: АлтГУ, 1983. С. 129–131.

Выделены жилая, хозяйственная зоны и зона содержания молодняка скота по особенностям состава грунта, содержанию в нем гумуса и планиграфии находок. Обоснована идея о содержании молодняка в жилищах по следам регулярной очистки их пола.

8. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Разведки и раскопки на Среднем Тоболе // Археологические открытия 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 215–216.

Сообщение о раскопках под руководством А.В. Матвеева пяти курганов Тютринского могильника саргатской культуры раннего железного века, предварительно датированных I в. н.э., и осуществленных совместно с Н.П. Матвеевой открытиях серии курганных могильников в междуречье Тобола и Исети.

1984

9. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Исследования в междуречье Тобола и Исети // Археологические открытия 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 219–220.

Сообщение о раскопках семи курганов Савиновского могильника саргатской культуры конца I тыс. до н.э. и пяти курганов алакульского Чистоплебяжского могильника эпохи бронзы, проведенных А.В. Матвеевым.

1985

10. Матвеев А.В. Ирменские поселения лесостепного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: ИИФ СО АН СССР, 1985. 21 с.

Предложена трехэтапная схема эволюции ирменской культуры по материалам жилищ, зольников, инвентаря, орнаментации керамики, разработана методика реконструкции надземной части построек.

11. Матвеев А.В. К изучению духовной культуры ирменского населения лесостепного Приобья // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным: Тез. докл. Томск: ТГУ, 1985. С. 87–89.

Зарисовка о культах плодородия домашних животных у ирменского населения эпохи бронзы, изображениях ящериц и лягушек, посвященных духам воды, антропоморфных фигурках из бабок, сопоставляемых исследователем с женскими духами-покровителями.

12. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Саргатский могильник у д. Тютрина (по раскопкам 1981 г.) // Краткие сообщения ИА АН СССР. 1985. Вып. 184. С. 69–76.

Публикация доклада в Институте археологии АН СССР о первых пяти курганах памятника с выделением особенностей погребального обряда и инвентаря элитарных могильников саргатской культуры.

13. Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // *Западная Сибирь в древности и средневековье*. Тюмень: ТюмГУ, 1985. С. 29–54.

Аналитическая публикация об особенностях фортификаций, жилой застройки поселений из срубных и каркасно-столбовых сооружений, методике реконструкции использования их площади, выявления следов перестройки и ремонта построек. Приведены описательная и графическая реконструкция жилища из Быстровки-4 и этнографическая аналогия ей телятника из села Милованово. Рассмотрены хозяйственные постройки и зольники, объясненные как следы многократной весенней чистки жилищ от остатков содержания в них скота.

1986

14. Матвеев А.В. К проблеме этногеографии западносибирской лесостепи в скифскую эпоху // *Скифская эпоха Алтая: Тез. науч. конф.* Барнаул: АлтГУ, 1986. С. 85–88.

Опубликован доклад о локализации Рипейских гор и связанных с ними народов в письменной традиции античного времени, в котором предложена гипотеза размещения исседонов и аримаспов в лесостепном Зауралье.

15. Матвеев А.В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // *Советская археология*. 1986. № 2. С. 56–69.

Обзор истории исследования памятников позднего бронзового века начиная с дореволюционных работ и до 80-х гг. XX века, основных проблем изучения позднего бронзового века лесостепного Приобья: хронологии, исходных компонентов, определения ареала, связи с предшествующими культурами. Исследователь намечает связь с предшествующими послеандроновскими, названными им ордынскими памятниками, предлагает трехэтапную периодизацию ирменской культуры, обосновав ее типологическим анализом инвентаря и радиоуглеродными датировками в рамках XIII–VIII вв. до н.э.

16. Матвеев А.В. Работы Тюменской экспедиции // *Археологические открытия 1984 года*. М.: Наука, 1986. С. 190–191.

Информация о полевых исследованиях о выявлении 20 новых памятников в долине р. Ишим и рекогносцировочных раскопках поселения Логиново-3 одиновского типа, а также городища Ефимово-1 переходного времени от бронзового века к железному. В отчетном полевом сезоне А.В. Матвеев продолжил раскопки на р. Исеть Красногорского городища заключительного этапа эпохи бронзы, начал изучение на селище Рафайловский остров полуземляночного саргатского жилища, построенного на месте энеолитической стоянки андреевской культуры.

1987

17. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Ювелирные изделия Тютринского могильника (к проблеме Сибирской коллекции Петра I) // *Антропоморфные изображения. Первобытное искусство*. Новосибирск: Наука, 1987. С. 191–201.

Анализ ювелирных изделий саргатской культуры позволил высказать тезисы о сибирском происхождении большинства вещей Сибирской коллекции Петра I и активных связях местного населения с сопредельными племенами юга.

1988

18. Зах В.А., Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Исследования Тюменского университета // Археологические открытия 1986 года. М.: Наука, 1988. С. 231–234.

Сведения о работе трех отрядов, первый из которых, руководимый А.В.Матвеевым, продолжал раскопки Красногорского городища в Притоболье с отложениями бархатовской культуры и средневековья, на котором прослежено прорезание оборонительных сооружений эпохи поздней бронзы замаюнкой постройкой. Кроме того, на поселении Ингалинка-1 было изучено саргатское жилище.

19. Матвеев А.В. К вопросу об историко-культурной систематике и хронологии памятников эпохи поздней бронзы западносибирской лесостепи // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. и сообщ. к науч. конф. Барнаул: ИИФ СО АН СССР: АлтГУ, 1988. С. 98–101.

Обзор историко-культурной схемы «андроновского ствола» и маргинальных образований, контактных зон в развитии западно-сибирского региона в эпоху поздней бронзы.

20. Матвеев А.В. О происхождении и начальном этапе истории саргатской культуры // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. Новосибирск: Наука, 1988. С. 56–65.

Основываясь на совместном залегании красноозерских (карьковских) и саргатских сосудов на городище Ефимово-1, а также аналогичных наблюдениях В.И. Молодина и С.В. Колонцова на Туруновке-4, автор предлагает относить начало саргатской культуры к VIII–VII вв. до н.э.

21. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Бронзовый котел из Савиновского могильника (Среднее Притоболье) // Советская археология. 1988. № 1. С. 241–244.

Публикация уникальной находки в саргатском погребении, по форме, декору и технологии изготовления определяемой как изделие хуннского круга из Ордоса или Северного Китая.

1989

22. Буслова М.А., Зах Е.М., Дрябина Л.А., Матвеев А.В. Мысовской археологический комплекс раннего железного века (краткие итоги работ 70–80-х гг.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: ТюмГУ, 1989. С. 137–150.

Публикация охранных раскопок курганов на Мысовском могильнике и полуземляночных жилищ на Мысовском-3 поселении — комплексе памятников саргатской культуры в черте Тюмени.

23. Матвеев А.В. Ирменское жилище как палеодемографический источник // Исторический опыт социально-демографического развития

Сибири: Тез. докл. и сообщ. Всесоюзной науч. конф. Новосибирск: ИИФ СО АН СССР, 1989. Вып. 1. С. 9–12.

Выделено два типа домохозяйств, из площади жилищ которых 40 % условно отведено под жилую часть, а на основе этнографических аналогий площади жилья на 1 чел. рассчитаны величины коллективов, соответствующих нуклеарной и неразделенной семьям.

24. Матвеев А.В. Историко-культурная ситуация в западносибирской лесостепи на рубеже бронзового и железного веков // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: Тез. докл. конф. Красноярск: Изд-во КрасГУ, 1989. С. 109–111.

Высказана идея, что разделение лесостепных племен клязьмы таежных мигрантов с севера, а также возрастание подвижности при переходе к раннему железному веку обусловили сложение нескольких археологических культур в ареалах двух крупных лесостепных образований: бархатовского и ирменского.

25. Матвеев А.В. К методике оценки сходства однокультурных керамических комплексов // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск: ИИФ СО АН СССР: ТюмГУ, 1989. С. 82–86.

Предложен алгоритм расчета сходства-различия комплексов при учете доверительных интервалов значений признаков, позволяющий сравнивать неравноценные выборки, а также имеющий четко выраженную дифференцирующую направленность, что важно для сравнения однокультурных памятников.

26. Матвеев А.В. Культовое сооружение Савиновского могильника саргатской культуры в Среднем Притоболье // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Тез. Всесоюзной археологической конф. Кемерово: КемГУ, 1989. Ч. 1. С. 76–79.

Сооружение внутри большого саргатского кургана в виде глубокой вертикальной шахты трактовано как культовое для установки символического «мирового дерева».

27. Матвеев А.В. Некоторые вопросы теории и методики полевого исследования поселений эпохи бронзы и железа в западносибирской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: ТюмГУ, 1989. С. 4–26.

Рассмотрены в сравнении методики раскопок горизонтами и фронтально-стратиграфическим методом с их способами учетной документации. Обоснована методика раскопок широкими площадями при реализации задачи одновременного вычленения разновременных сооружений и остатков, срок формирования которых был меньше, чем срок существования поселения в целом. Даны рекомендации выявления этапов пространственного развития долговременного поселения и способов вертикального членения однородно окрашенных слоев, приведены примеры стратиграфии руинированных построек различных конструкций.

28. Матвеев А.В. Полевая учетная документация для фронтально-стратиграфического исследования поселений // Актуальные про-

блемы методики западносибирской археологии. Новосибирск: ИИФ СО АН СССР: ТюмГУ, 1989. С. 35–39.

Методическая разработка для изучения поселений с высокой концентрацией находок послойно, фронтально-стратиграфическим методом путем разборки всех прослоек сбоку квадратами 1×1 м и заполнением детализированных бланков учета.

29. Матвеев А.В. Фронтально-стратиграфический метод в полевой археологии // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск: ИИФ СО АН СССР, ТюмГУ, 1989. С. 30–35.

Предложен метод для раскопок широкими площадями при формировании опорных памятников с реализацией задач микрохронологии объектов на долговременных и многослойных поселениях, дающий возможность прослеживать многообразные взаимосвязи между артефактами и вмещающими их отложениями и развивать концепцию культурного слоя.

30. Матвеев А.В., Асташкина О.В., Никитина Н.Л. Исследование памятников андроновской эпохи на юге Западной Сибири // Археологические исследования в Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1989. С. 43–44.

Анализируются результаты последнего года раскопок алакульского Чистосельского могильника (1988) и материалы изучения черкаскульского поселения Ольховка в 1987 г.

1990

31. Матвеев А.В., Бурлина Т.В. Бархатовская керамика Красногорского городища // Древняя керамика Сибири: Типология, технология, семантика. Новосибирск: Наука, 1990. С. 99–114.

Даны описание и статистический анализ коллекции с городища эпохи поздней бронзы с «жемчужно-флажковой» орнаментацией, выполненные Т.В. Бурлиной, а также высказаны взгляды А.В. Матвеева на возникновение и развитие бархатовской культуры, ее ареал и специфику.

1991

32. Матвеев А.В. Древнее золото «60-й параллели» // Природа. 1991. № 9. С. 35–41.

Сообщения Н. Витсена и его карта «земли древних поклаж» отождествлены с находками бугровщиков из ареала саргатской культуры и сопредельных территорий.

33. Матвеев А.В. Хронология бархатовского комплекса Красногорского городища // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: Тез. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения К.В. Сальникова. Уфа: БашГУ, 1991. С. 63–65.

По серии проанализированных проб выделены два интервала совпадения дат: IX–VIII и VIII–VII вв. до н.э., а время основания поселения отнесено к XI–X вв. до н.э.

34. Матвеев А.В., Горелов В.В. Основные итоги исследования городища Ефимово-1 // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: Тез. науч. конф., по-

священной 90-летию со дня рождения К.В. Сальникова. Уфа: БашГУ, 1991. С. 52–54.

Памятник отнесен к красноозерской культуре переходного времени от бронзы к железу.

35. Матвеев А.В., Маслякова Н.Н. Известия о «бугровании» в Западной Сибири и проблема происхождения Сибирской коллекции Петра I // Проблемы изучения саргатской культуры: Тез. докл. Омск: ОмГУ, 1991. С. 37–41.

Сопоставление данных о происхождении Сибирской коллекции по данным архивов, коллекций Эрмитажа, литературы и новых раскопок, локализуящих большую долю сборов в западной части Западной Сибири.

36. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Будет ли решена загадка «плющенного золота» сибирских «бугров» // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: ОмГУ, 1991. С. 84–98.

Высказана идея об объяснении «плющенного золота» из раскопок бугровщиков как обивки саркофагов царских погребений раннего железного века.

37. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Савиновский могильник саргатской культуры: Итоги полевых исследований. Препринт. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1991. 54 с.

Опубликованы материалы почти полностью раскопанного некрополя: 7 из 8 элитарных курганов саргатской культуры.

38. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 104–139.

Опубликованы материалы раскопок 1981–1982 гг. богатых саргатских курганов № 1–10 из двух разновременных топографически выраженных цепочек с описанием по комплексам и общей хронологической таблицей инвентаря.

39. Матвеев А.В., Опенько И.Ю. Археологические исследования Тюменского университета в 1978–1989 гг. // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 3–12.

Содержится обзор 12-летних работ Тюменского университета в связи с созданием археологического коллектива в ИПОС СО РАН с перечнями всех памятников, изученных раскопками и разведками, их авторов и тематической направленности работ.

40. Матвеев А.В., Орищенко А.В., Зах В.А., Панфилов А.Н., Петренко Ю.В. Радиоуглеродный возраст и проблемы хронологии археологических памятников эпохи неолита и бронзового века на юге Тюменской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюзной науч. конф. Барнаул: АлтГУ, 1991. С. 28–31.

Создана сводка всех радиоуглеродных дат из работ Тюменской археологической экспедиции и поставлены проблемы корректировки датировок ряда археологических культур неолита и бронзы Западной Сибири.

1992

41. Матвеев А.В. Известия о «бугровании» в Западной Сибири и проблема происхождения Сибирской коллекции Петра I // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск: ОмГУ, 1992. С. 161–179.

По результатам сравнения данных о происхождении Сибирской коллекции по материалам архивов о формировании коллекций Эрмитажа, литературы и новых раскопок локализована большая доля составляющих ее сборов в западной части Западной Сибири.

42. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. О реконструкции погребальных сооружений саргатской культуры // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. конф. Омск: ОмГУ, 1992. Ч. 1. С. 124–127.

Рассмотрены два редких типа могил в курганах раннего железного века: с канавками на дне в изголовье и ногах покойников и с ямками от столбов по периметру, интерпретированные как остатки гробовищ или саркофагов и как «дома мертвых» каркасно-столбовой конструкции.

1993

43. Матвеев А.В. Археологическое наследие России: К новым правовым нормам охраны и использования // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Мат. к междунар. конф. СПб., 1993. Ч. 1. С. 31–35.

Анализируется терминология нового законодательства, внесены предложения по уточнению многих понятий, указано на необходимость учета международных соглашений, решения вопросов о собственности и экономической оценки объектов, реорганизации системы учета, увязки с законами о земле, проработки разных форм охраны.

44. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 180 с.

Опубликован доработанный и расширенный текст кандидатской диссертации с включением раздела по могильникам. Рассмотрены проблемы истории исследования, историографии, материальной культуры, хозяйства, происхождения и этапов развития. Включены новые материалы памятников Чингис-1, Ивановка-3, Ирмень-1, Быстровка-4, Красный Яр-1, Ордынское 1г.

45. Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово-1. Препринт. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 76 с.

Анализируются материалы VIII в. до н.э. из двух жилищ, фортификации, межземляночного пространства, керамика красноозерской культуры и инвентарь, полученные с городища на р. Ишим.

1994

46. Матвеев А.В., Зах В.А. Памятники древних и средневековых культур Ямала. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. 50 с.

Обзор историко-культурного наследия Ямало-Ненецкого округа и очерк развития древней культуры.

47. Матвеев А.В., Зах В.А., Ларин С.И., Дрябина Л.А., Матвеева Н.П. Археолого-палеогеографическое изучение комплекса доисто-

рических памятников на оз. Мergenъ // Археологические микрорайоны Западной Сибири: Тез. докл. Всероссийской науч. конф. Омск: ОмГУ, 1994. С. 59–63.

Дана информация о перспективном комплексе памятников для изучения эпох мезолита, неолита, энеолита, изученных междисциплинарным коллективом ученых в Приишимье.

48. Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Зах Е.М., Буслова М.А. Хрипуновский могильник: Новые сведения о северных андроновцах // Западная Сибирь — проблемы развития. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. С. 3–19.

Опубликованы первые данные о раскопках нового алакульского могильника на р. Исеть.

49. Матвеева Н.П., Матвеев А.В., Зах В.А. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. 190 с.

Научно-популярные очерки о наиболее ярких памятниках древности и средневековья на юге Тюменской области, о процедуре археологического исследования, интересных идеях объяснения оригинальных археологических находок.

50. Очерки истории Тюменской области / В.М. Кружинов, А.В. Матвеев, А.П. Зенько, Н.К. Фролов, Д.И. Копылов, З.Н. Сокова и др. Тюмень, 1994. 272 с.

А.В. Матвеевым написан раздел о бесписьменном периоде истории края по археологическим данным.

1995

51. Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной полосы / А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, А.Н. Панфилов, М.А. Буслова, В.А. Зах, В.А. Могильников. Новосибирск: Наука, 1995. 240 с.

Монография содержит описания около 1000 памятников и очерки древних и средневековых культур юга Тюменской области, в которых реестры памятников Абатского и Ишимского районов, введение, заключение, история изучения, раздел по эпохе поздней бронзы, общая редакция выполнены А.В. Матвеевым.

52. Буслова М.А., Зах Е.М., Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Исследование Хрипуновского могильника // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 50–51.

Охарактеризованы варианты погребального обряда, хронология алакульского могильника на севере лесостепной зоны Притоболья.

53. Матвеев А.В. Культуры андроновской семьи в бронзовом веке Западной Сибири // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тез. международной науч. конф. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. Т. 2. С. 27–29.

Кратко изложена концепция андроновской семьи археологических культур.

54. Матвеев А.В. Основные этапы развития андроновской семьи археологических культур на юго-западе Сибири // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Мат. III международной конф. Челябинск: ЧелГУ, 1995. Ч. V, кн. 1. С. 109–113.

Культурогенез в эпоху бронзы рассмотрен как секвенция под термином «семья археологических культур» аналогично развитию языковых семей.

55. Матвеев А.В. Первые следы взаимодействия алакульских и ташковских племен Притоболья // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 48–52.

Опубликованы выразительные свидетельства сосуществования алакульского и ташковского населения по материалам Чистолембяжского могильника.

56. Матвеев А.В. Семья в ирменском обществе: Некоторые аспекты палеодемографического изучения (по материалам поселений) // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск: НГПУ, 1995. С. 25–41.

На основе данных по средней площади каркасных ирменских жилищ в 322 м² и установленных раскопками фактов содержания в них скота вынесен на обсуждение вопрос о жилых площадках как «наименьшем жилом пространстве». Численность членов домохозяйств таких площадок в 50–55 м² определена в пределах 11–12–22–25 чел. Сравнение с многомогильными курганами, примерный расчет по числу погребенных с учетом высокой детской смертности также подтверждает эту цифру.

57. Матвеев А.В. Чистолембяжский могильник: Первые следы взаимодействия алакульских и ташковских племен Притоболья // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Докл. Всероссийской науч. конф. Омск: ОмГУ, 1995. Ч. 2. С. 127–129.

Сделаны выводы о частичной синхронности алакульской и ташковской культур на Среднем Тоболе в пределах XX–XIX вв. до н.э. и об удревнении появления первых алакульских групп в этом районе.

58. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Новый памятник переходного времени от бронзового века к железному в Сургутском Приобье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 53–63.

Вводятся в научный оборот новые материалы по атлымской культуре с Барсовой горы из раскопок М.В. Елькиной 1977 г., в которых вела документацию Н.П. Матвеева. Поселение с остатками жилища и хозяйственной постройки, обилием «крестовой» и гребенчато-ямочной керамики предложено датировать рубежом II и I тыс. до н.э.

59. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Раскопки на юге Тюменской области // Археологические открытия 1994 года. М.: ИА РАН, 1995. С. 287–289.

Сообщение о раскопках трех курганов Гаевского-2 и Турушовского могильников саргатской культуры, выполненных в рамках международного российско-французского проекта сотрудниками ИПОС СО РАН.

60. Ямал знакомый и неизвестный / А.В. Матвеев, А.Н. Багашев, А.П. Зенько, И.А. Канакин, А.М. Аблажей, П.Д. Муратов, В.А. Бойко, В.В. Кучер. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995. 238 с.

В монографии рассматривается история освоения полуострова Ямал. А.В. Матвеевым охарактеризованы особенности археологических памятников.

1996

61. Matveev A.V. Radiocarbon chronology of archaeological cultures of Andronovskaya community in Trans-Urals region // VII Nordic conference on the application of scientific methods in archaeology: Abstracts. Savonlinna, 1996. P. 51–52.

Доклад для международной Северной конференции в Финляндии по хронологии эпохи бронзы в Зауралье с использованием радиоуглеродных дат.

62. Ларин С.И., Калинин В.М., Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Хренов В.Я. Реконструкция среды обитания и систем жизнеобеспечения населения лесостепи Западной Сибири в древности // Информационный бюллетень РФФИ. 1996. Т. 4, № 6. С. 170.

Изложены результаты комплексного изучения природы и культуры бронзового и раннего железного веков по культурным слоям археологических памятников в междуречье Тобола и Исети.

63. Ларин С.И., Лапшина Е.А., Матвеев А.В. Об отражении современных климатических особенностей в поверхностных спорово-пыльцевых спектрах лесостепного Приишимья // Проблемы географии и экологии Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1996. Вып. 2. С. 11–16.

Работа методического характера. Проанализирован состав рецентных спектров поверхностных спорово-пыльцевых проб, отобранных в ближайшем окружении древних поселений, на северо-восточном берегу оз. Мергенъ из различных ландшафтных комплексов. Проведены расчеты климатических показателей.

64. Матвеев А.В. К вопросу о хронологии бархатовской культуры // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа: Восточный ун-т, 1996. С. 72–83.

На основании калибровки серии радиоуглеродных дат, в том числе нескольких по одному жилищу, обоснована дата опорного памятника Красногорского городища IX–VIII вв. до н.э.

65. Матвеев А.В. Путешествие в древний мир Ингальской долины // Природа. 1996. № 11. С. 21–32.

Информация о многолетних работах по выявлению и изучению древностей разных эпох в междуречье Исети и Тобола.

66. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Раскопки могильников раннего железного века на Исети // Тюменский исторический сборник. Тюмень: ТюмГУ: ИПОС СО РАН, 1996. С. 3–19.

Опубликованы материалы изучения двух курганов Гаевского-2 и одного кургана Турушовского могильника саргатской культуры на левобережье Исети в 1994 г.

67. Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Ларин С.И., Волков Е.Н. Комплекс памятников «Ингальская долина»: Опыт ландшафтно-геоморфологического анализа археологического микрорайона // Словцовские

чтения-1996: Тез. докл. и сообщ. Тюмень: Тюм. обл. краевед. музей, 1996. С. 126–128.

Выполнен анализ геоморфологии и ландшафтных особенностей размещения археологических памятников в Ингальской долине.

68. Матвеева Н.П., Хренов В.Я., Матвеев А.В. Исследование Нижне-ингальского-1 курганного могильника // Актуальные проблемы сибирской археологии: Тез. науч. конф. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 61–64.

В тезисах доклада сообщается о раскопках элитарного кургана саргатской культуры с разновременными могилами, имеющего следы досыпки и неоднократных поминок, а также анализируются процессы оплывания насыпи в связи с изменением режима увлажнения местности.

1997

69. Матвеев А.В. О некоторых особенностях раннеандроновских захоронений Притоболья со следами огня // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 15–23.

Приводятся аргументы по серии могильников о связи женских алакульских захоронений с культом огня в поддержку и развитие гипотезы Н.Б. Виноградова о размещении в могилах Зауралья кукол с прахом усопших.

70. Матвеев А.В., Волков Е.Н., Ларин С.И., Адамов А.А., Зах В.А., Сладкова Л.Н. Разведочные работы в Ингальской долине // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 150–152.

Сообщение о работах 1995 г. о выявлении около 300 памятников, в том числе перспективных для детального обследования микрорайонов Онуфриевский борок, Сосенка, Бузан, Широкоплечиково, Салмино, Лыбаево, Устюг, Медный борок, Сизово, Лебяжий борок.

71. Матвеев А.В., Дрябина Л.А., Матвеева Н.П., Дегтярева А.Д. Рекогносцировочные раскопки в Ингальской долине в 1995 г. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 153–155.

Информация о раскопочных работах совместной экспедиции ИПОС СО РАН и ТюмГУ в 1995 г.: открытии святилища Остров-2, изучении погребального обряда саргатской культуры по кургану 1 Нижне-Ингальского-1 могильника.

72. Матвеев А.В., Зах В.А., Волков Е.Н. Исследование энеолитического могильника Бузан-3 в Ингальской долине // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 156–158.

Предварительное сообщение о раскопках энеолитического могильника конца IV тыс. до н.э. с 11 погребениями, в том числе с уникальным захоронением в ладье.

73. Матвеев А.В., Зах В.А., Ларин С.И., Дрябина Л.А., Матвеева Н.П. Доисторические культуры и палеогеография Мергенского археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1997. С. 76–114.

Публикуются списки выявленных и описание изученных раскопками экспедиции ИПОС СО РАН и ТюмГУ памятников каменного и позднего бронзового века Катенька, Мергень-2, Мергень-3, Мергень-5, Мергень-6 в долине р. Ишим, с анализом керамики и инвентаря, определением датировки и с реконструкцией их природного окружения.

74. Матвеев А.В., Ларин С.И., Матвеева Н.П., Волков Е.Н. Комплекс памятников «Ингальская долина»: Опыт ландшафтно-геоморфологического анализа памятников археологического микрорайона // Словцовские чтения-96: Тез. докл. и сообщений. Тюмень, 1997. С. 126–128.

В тезисах доклада сообщается о начале работ по районированию и выявлению природной обусловленности в расположении памятников разных эпох в междуречье Тобола и Исети.

1998

75. Матвеев А.В. К проблеме периодизации алакульских древностей Зауральского региона // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат. международного симпозиума Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 354–358.

Выделены кулевчинская, чистолеляжская и амангельдинская фазы, аргументированы тезисы об отсутствии преемственности с энеолитическими культурами региона, миграционном характере новаций и локальном своеобразии в связи с взаимодействием с местным населением.

76. Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.

Изложены характеристика алакульских памятников с полной публикацией Чистолеляжского и Хрипуновского могильников, а также общая концепция ранних этапов расселения индоевропейцев в Зауралье.

77. Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Адамов А.А., Макаренко Д.Н. Новые средневековые памятники Ингальской долины // Сибирские татары: Мат. I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 39–40.

Сообщение об открытии и реконструктивных исследованиях памятников средневековой эпохи в междуречье Исети и Тобола.

78. Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Корона О.М. Исследования по изучению земледелия древнего населения лесостепного Притоболья (предварительное сообщение) // Проблемы географии и экологии Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1998. Вып. 3. С. 63–66.

Сообщение об обнаружении следов зерен культурных растений — пшеницы и ячменя на сосудах с поселений эпохи поздней бронзы.

1999

79. Матвеев А.В. Ведийская игровая терминология и ее зауральские археологические параллели // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Челябинск: Рифей, 1999. С. 89–90.

Интерпретация игровых фишек с андроновских поселений как атрибутов игр индоевропейцев, описанных в Ригведе.

80. Матвеев А.В. Зауралье в конце бронзового века и распад андроновского единства // Наука Тюмени на рубеже веков. Новосибирск: Наука, 1999. С. 93–124.

Изложена авторская концепция культурогенеза в Зауралье как образование и распад андроновского единства, отражающего развитие одной из групп индоевропейцев.

81. Матвеев А.В. К проблеме этнолингвистической атрибуции носителей черкаскульской культуры // Обские угры: Мат. II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Томск; Омск: ОмГПУ, 1999. С. 52–54.

Изложена идея интерпретации культурного сходства памятников черкаскульской и андроновской культур как системное наследование первыми достижений вторых вследствие их генетической связи и этнолингвистического единства.

82. Матвеев А.В. Новые данные о системе жизнеобеспечения черкаскульского населения Приисетья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 121–123.

Постулируется животноводческо-земледельческое хозяйство, преемственное с федоровской культурой, по новым материалам поселения Ольховка и в сравнении с ранее изученными памятниками.

83. Матвеев А.В., Аношко О.М. К вопросу о палеодемографии алакульской культуры Зауралья // Экология древних и современных обществ: Тез. докл. конф. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. С. 163–165.

Сделаны расчеты по половозрастному составу погребенных в 7 могильниках, предложены предварительные данные по средней продолжительности жизни в эпоху бронзы в Зауралье.

84. Матвеев А.В., Волков Е.Н. Исследование нео- и энеолитических памятников в Ингальской долине в 1998 г. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 124–125.

Сообщение о новых раскопках энеолитического могильника Бузан-3 с богатым погребением 14 и серий ям, о продолжении работ на святилище Остров-2 с материалами сосновоостровского и боборыкинского типов.

85. Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Крюкова Т.С. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Ингальской долине (по итогам работ 1998 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 126–135.

Сообщение о работах 1998 года на многослойных поселениях Нижне-Ингальское-3 и Щетково-2, саргатском могильнике Старо-Лыбаевском-4, об открытии комплексов памятников эпохи поздней бронзы Имбиряй и Ак-Паи.

86. Матвеев А.В., Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Ларин С.И. К палеогеографической характеристике андроновской эпохи в лесостепном Зауралье // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: Мат. международной конф. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 317–319.

Новые данные из северной части лесостепи об аридизации климата и распространении степных ландшафтов как природном окружении андроновского мира.

87. Матвеев А.В., Чикунова И.Ю. Поселение Ботники-1в на Нижней Исети // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 44–50.

Публикация материалов поселения малоизученной пахомовской культуры (остатков жилищ, керамики, инвентаря, с реконструкцией типа хозяйства), а также клада бронзовых изделий иткульской культуры, кол-

лекции баитовских сосудов из перекрывающего поселение слоя раннего железного века.

2000

88. Матвеев А.В. Лесостепное Зауралье во II — начале I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 50 с.

Реализована концепция развития андроновской семьи археологических культур в бронзовом веке Западной Сибири на большом сравнительном материале и данных десятков памятников, изученных А.В. Матвеевым.

89. Матвеев А.В. Поселение Щетково-2 — первый стратифицированный комплекс эпохи бронзы в Ингальской долине (предварительное сообщение) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Мат. итоговой науч. сессии Ученого совета ИПОС СО РАН 1999 г. Вып. 1. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2000. С. 23–24.

Сообщение об исследовании хорошо стратифицированного поселения со слоями черкаскульской и федоровской культур, соотношение которых являлось предметом острых дискуссий.

90. Матвеев А.В. Черкаскульская проблема и метаморфозы концепции «лесного андрона» // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. Всероссийской науч. конф. Омск: ОмГУ, 2000. С. 75–77.

Историография изучения черкаскульской культуры с критикой слабых мест устоявшихся в науке взглядов об ее северной локальной специфике, сосуществовании ее с федоровской, особенностях системы жизнеобеспечения, якобы отличных от андроновской, угорской принадлежности населения и т.д.

91. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Исследования в Ингальской долине // Археологические открытия 1998 года. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 315–317.

Краткие сообщения о раскопках и разведках в 1998 году на могильниках Бузан-3, Старо-Лыбаевский-4, на поселениях Нижне-Ингальское-3, Щетково-2 с описанием сооружений, наблюдений и важнейших находок.

92. Цибульский В.Р., Матвеев А.В. Предисловие // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Мат. итоговой науч. сессии Ученого совета ИПОС СО РАН 1999 г. Вып. 1. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2000. С. 3.

Вводное слово к докладом ежегодной научной сессии ИПОС СО РАН в 1999 г.

2001

93. Matveev A.V. On the Interpretation of Andronovo Cultural Phenomenon of Central Eurasia // XIV International Congress of Prehistoric and Protohistorical Sciences. Pre-prints. Liege, 2001. P. 280.

Тезисы доклада для конгресса исследователей в области до- и протоисторических наук в Льеже (Бельгия) о феномене андроновского мира.

94. Матвеев А.В., Аношко О.М. К проблеме хронологической дифференциации бархатовских древностей // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Мат. итоговой науч. сессии Ученого совета ИПОС СО РАН 2000 г. Вып. 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 29–32.

Работа посвящена выявлению хронологически значимых признаков материальной культуры бархатовского населения по данным новых исследований.

95. Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Предварительные итоги работ 1999 и 2000 гг. на поселении Щетково-2 в Ингальской долине // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 213–216.

Описаны особенности культурного слоя, выделены хроностратиграфические горизонты, датированные XVI и XIII–XII вв. до н.э., проанализированы постройки и инвентарь.

96. Матвеев А.В., Валеева Э.И. Предисловие // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Мат. итоговой науч. сессии Ученого совета ИПОС СО РАН 2000 г. Вып. 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 3–4.

Вступительное слово к докладам ежегодной научной сессии ИПОС СО РАН.

97. Matveev A.V. Materials on the Paleogeographic Description of the Andronovo Age in the Trans-Urals Forest-Steppe // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional Specifics in Light of Global Models. Washington: Institute for the Study of Man, 2002. P. 443–453 (Journal of Indo-European Studies Monograph Series 46).

Статья о природном окружении населения андроновского мира в Зауралье, опубликованная в Журнале индоевропейских исследований Института изучения человека, США.

98. Аношко О.М., Матвеев А.В. Поселение Заводоуковское-9 // Словцовские чтения-2002: Мат. докл. и сообщ. Всероссийской научно-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. С. 124–126.

Сообщение о выявлении и раскопках поселения позднего этапа бархатовской культуры на р. Ук близ Заводоуковска.

99. Матвеев А.В. Васильев Евгений Алексеевич // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 1. Ханты-Мансийск, 2002. С. 141.

Персоналия, посвященная известному томскому исследователю древностей каменного и бронзового веков Нижнего Приобья.

100. Матвеев А.В. Косарев Михаил Федорович // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 2. Ханты-Мансийск, 2002. С. 71.

Персоналия, посвященная выдающемуся отечественному исследователю древней истории Западной Сибири, одному из основателей палеоэкологического направления в археологии.

101. Матвеев А.В. Могильников Владислав Александрович // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 2. Ханты-Мансийск, 2002. С. 208.

Персоналия, посвященная выдающемуся отечественному археологу, знатоку и исследователю культурогенеза и этногенеза населения раннего железного века и средневековья Западной и Южной Сибири.

102. Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Хроностратиграфические комплексы позднебронзового поселения Щетково-2 в Ингальской долине // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий: Мат. науч. семинара. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. С. 78–83.

Публикация новых археологических и радиоуглеродных данных по хроностратиграфическим комплексам опорного памятника для изучения поздней бронзы Зауралья.

103. Матвеев А.В., Измер Т.С. Исследование поселения Имбиряй-3 в Ингальской долине // Словцовские чтения-2002: Мат. докл. и сообщ. Всероссийской научно-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. С. 142–143.

Краткое сообщение о начале и первых результатах раскопок памятника пахомовской культуры на Тоболе.

104. Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Чикунова И.Ю., Аношко О.М., Измер Т.С. Археологические исследования в Ингальской долине // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Мат. итоговой науч. сессии Ученого совета ИПОС СО РАН 2001 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 3. С. 8–16.

Доклад на ежегодной сессии ИПОС СО РАН об изучении памятников бронзового и раннего железного веков.

2003

105. Matveev A.V. Andronovo Period in Trans-Urals // European Association of Archaeologists. 9th Annual Meeting: Final Programme and Abstracts. St. Petersburg, 2003. P. 53–54.

Тезисы доклада на международной конференции европейской ассоциации археологов об общих результатах изучения культуры населения эпохи бронзы в Зауралье.

106. Аношко О.М., Матвеев А.В., Рыжкова Ю.В. Исследование курганного могильника Улановка в Ингальской долине // Словцовские чтения-2003: Мат. докл. и сообщ. XV Всероссийской научно-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. С. 91–93.

Сообщение о раскопках кургана саргатской культуры в Притоболье под руководством А.В. Матвеева.

107. Матвеев А.В. От редактора // Н.П. Матвеева, Е.Н. Волков, Н.Е. Рябогина. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. С. 3 (Древности Ингальской долины: Археолого-палеогеографическое исследование; Вып. 1).

Введение к серии работ «Древности Ингальской долины», публикуемой по результатам многолетнего комплексного изучения памятников эпохи бронзы и раннего железного века.

108. Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Исследование новых памятников бронзового века в Ингальской долине // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Мат. итоговой науч. сессии Ученого совета ИПОС СО РАН 2002 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 4. С. 28–32.

Доклад об исследовании памятников эпохи поздней бронзы Имбиряйского микрорайона близ Ялуторовска.

109. Аношко О.М., Матвеев А.В., Костомаров В.М., Рыжкова Ю.В. Большой Имбиряй-10 — новый памятник пахомовской культуры в Ингальской долине // Словцовские чтения-2003: Мат. докл. и сообщ. XV Всероссийской научно-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. С. 90–91.

Краткое сообщение о результатах раскопок поселения Большой Имбиряй-10 в долине Тобола.

2004

110. Матвеев А.В. Алакульская культура // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Т. I. С. 72–73.

Статья о результатах изучения раннего этапа расселения андроновцев в Западной Сибири.

111. Матвеев А.В. Андроновская семья археологических культур // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Т. I. С. 83–84.

Статья о периоде возникновения и развития культуры индоевропейцев в Западной Сибири.

112. Матвеев А.В. Археологическое наследие // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Т. I. С. 102.

Статья о значении термина и его конкретном понимании применительно к Тюменскому краю.

113. Матвеев А.В. Археологическое наследие // Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа. Омск: ФГУП Омская картографическая фабрика, 2004. С. 31.

Статья о значении термина и его содержании применительно к Ямало-Ненецкому округу.

114. Матвеев А.В. Археологическое наследие: Карта масштаба 1 : 5 000 000 // Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа. Омск: ФГУП «Омская картографическая фабрика», 2004. С. 18.

Карта памятников разных эпох, выявленных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа.

115. Матвеев А.В. Бархатовская культура // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Т. I. С. 127–128.

Статья о феномене позднего бронзового века в Тоболо-Ишимье.

116. Матвеев А.В. Ефимово-1, городище // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Т. I. С. 127–128.

Статья об опорном памятнике красноозерской культуры для изучения переходной эпохи от бронзы к железу на р. Ишим.

117. Матвеев А.В. Затерянный мир Ингальской долины. Тюмень: Тюменский дом печати, 2004. 144 с.

Научно-популярная книга об изучении уникального комплекса древностей, задачах и жизни археологической экспедиции, об основных научных открытиях и людях, к ним причастных.

118. Матвеев А.В. Ингальская долина, комплекс археологических памятников // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Т. II. С. 20.

Краткая характеристика основных достижений в изучении уникального комплекса памятников в междуречье Исети и Тобола.

119. Матвеев А.В. Красногорское (Лизуново), городище // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Т. II. С. 150.

Краткая характеристика опорного памятника для изучения заключительного этапа эпохи бронзы в Притоболье.

120. Матвеев А.В. Ольховка, селище // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Т. II. С. 394.

Статья о раскопках поселения поздней бронзы с общественным зданием со следами общественных собраний и азартных игр.

121. Матвеев А.В. Основные итоги изучения селища Щетково-2 в Ингальской долине // Словцовские чтения-2004: Мат. докл. и сообщ. Всероссийской научно-практ. конф. Тюмень: ТюмГУ, 2004. Ч. 1. С. 154–155.

Обзор черкаскульско-федоровского и бархатовского комплексов эпохи поздней бронзы по результатам раскопок.

122. Матвеев А.В. Пахомовская культура // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Т. II. С. 420.

Краткая характеристика совокупности памятников гибридного характера как результата взаимодействия лесостепных андроновских и таежных насельников в Тоболо-Иртышье.

123. Матвеев А.В. Федоровская культура // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Т. III. С. 326.

Характеристика классического выражения культуры пришлых индоевропейцев в Сибири и на Урале в эпоху бронзы.

124. Матвеев А.В. Хрипуновский могильник // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Т. III. С. 367.

Статья о наиболее полно изученном памятнике первых алакульских переселенцев на север лесостепи в Зауралье на рубеже III–II тыс. до н.э.

125. Матвеев А.В. Черкаскульская культура // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Т. III. С. 386–387.

Охарактеризован последний этап развития мигрантного сообщества индоевропейцев на Урале и в Зауралье в эпоху поздней бронзы.

126. Матвеев А.В. Щетково-2, селище // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Т. III. С. 427–429.

Характеристика памятника, давшего наиболее выразительные материалы по соотношению черкаскульского, федоровского и бархатовского комплексов эпохи поздней бронзы в Зауралье.

127. Матвеев А.В., Аношко О.М. Бархатовский комплекс селища Щетково-2 // Словцовские чтения-2004: Мат. докл. и сообщ. Всероссийской научно-практ. конф. Тюмень: ТюмГУ, 2004. Ч. 1. С. 156–158.

Приведены аргументы для отнесения слоя к раннему периоду развития бархатовской культуры и датировки последнего этапа обитания на поселении XIII–XII вв. до н.э.

128. Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Раскопки в Ингальской долине и на территории Тюмени // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука, 2004. С. 435–436.

Сообщение о раскопках поселений Имбиряй-3, Имбиряй-10 с находками медно-каменного веков, пахомовской и черкаскульской культур. На правом берегу Туры в черте Тюмени проведено исследование части кладбища, котлована постройки и мостовых XVIII — сер. XIX в.

129. Матвеев А.В., Измер Т.С. Федоровский комплекс селища Щетково-2 // Словцовские чтения-2004: Мат. докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конф. Тюмень: ТюмГУ, 2004. Ч. 1. С. 158–160.

Доклад о датировке и существенных чертах культуры федоровского населения в ранний период обитания на указанном поселении.

130. Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Основные итоги первого десятилетия комплексного изучения Ингальской долины // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: ОмГУ, 2004. С. 60–64.

Доклад о комплексном изучении памятников региона, в том числе территориально-археологическом районировании, реконструкции природного окружения для разных эпох, основных этапах освоения, рационе питания населения.

131. Матвеев А.В., Пономарев Е.А., Кияева Л.С. О минералогическом составе коллекции каменных предметов с поселения Щетково 2 // Словцовские чтения-2004: Мат. докл. и сообщ. Всероссийской научно-практ. конф. Тюмень: ТюмГУ, 2004. Ч. 1. С. 160–161.

Определены породы, из которых изготовлены каменные орудия, и сделаны выводы о территориях, откуда они поступили в Притоболье в эпоху бронзы.

2005

132. Матвеев А.В., Аношко О.М., Агишева О.С. Результаты исследования селища Заводоуковское 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. Вып. 6. С. 73–82.

Описаны сооружения, гончарные изделия и инвентарь одного из самых поздних поселений барховской культуры в Притоболье, часть керамики которого имеет переходный облик, сходный с обликом посуды баитовской культуры начала раннего железного века. Авторы усматривают преемственность населения позднебронзового времени и эпохи раннего железа.

133. Матвеев А.В., Измер Т.С., Молявина Е.Ю. Новые материалы по археологии г. Тюмени // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 71–78.

Проведенные в нескольких местах зачистки обрывистого берега Туры в месте расположения Тюменского острога и последующей городской застройки выявили культурный слой до 2,7 м с остатками зданий, мостовых XVIII — сер. XIX в. и старого кладбища, в котором изучено 22 захоронения в бересте, предположительно отнесенных к XVI в.

135. Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Матвеев А.В. Изучение этнокультурных ареалов и материальной культуры энеолита и бронзового века в Зауралье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Мат. итоговой науч. сессии ученого совета ИПОС СО РАН 2004 г. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2005. Вып. 6. С. 118–128.

Представлены новые данные по эпохам энеолита и бронзы из раскопок в Ингальской долине.

136. Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска / Н.А. Балюк, А.Г. Еманов, Е.Б. Заболотный, А.В. Матвеев. 1-е изд. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2005. 182 с.

Рассматриваются теоретические проблемы современной исторической урбанистики и обосновывается идея, что часть сибирских городов восходит к поселениям автохтонного населения. А.В. Матвеевым написаны часть предисловия и заключения, части глав «Село Самарово и Самаровский ям», «Городок князя Самара», «Наследники былинных князей», а также глава «Во времена “сибирского взятия”».

2006

137. Археологический комплекс «Ингальская долина»: Путешествия во времени / А.В. Матвеев Н.П., Матвеева, Т.С. Измер, О.В. Комар. Тюмень: Сити-пресс, 2006. 28 с.

Проспект путешествий по Ингальской долине на англ. и рус. языках.

138. Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С., Костомаров В.М., Рыжкова Ю.В. Проблемы взаимодействия зауральских культур бронзового века по материалам археологического комплекса «Ингальская долина» // II Северный археологический конгресс. Тез. докл. Ханты-Мансийск, 2006. С. 89–90.

Постулируется разновременность проживания в Зауралье алакульских и федоровских групп, сменившихся черкакульскими и более поздними пахомовскими; на основе смешения двух последних компонентов сложилась бархатовская культура, знаменующая завершение бронзового века.

139. Матвеев А.В., Волков Е.Н., Рыжкова Ю.В. Результаты последних лет раскопок Хрипуновского могильника // Современные проблемы археологии России: Мат. Всероссийского археологического съезда. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 1. С. 421–424.

Публикуются итоги исследования на памятнике 57 алакульских захоронений бронзового века в деревянных домовинах с жертвенными комплексами, одного безынвентарного захоронения в сидячей позе, одной саргатской подкурганной могилы и погребения в колоде бакальской культуры, 7 погребений Нового времени.

140. Матвеев А.В., Измер Т.С., Молявина Е.Ю. Некоторые итоги археологического изучения исторической части Тюмени // Сулейма-

новские чтения-2006: Мат. IX Всероссийской конф. Тюмень: Экспресс, 2006. С. 62–64.

Изложены итоги экспертизы состояния культурного слоя в исторической части города, оценена его мощность на Царевом городище в 2 м, на территории Тюменского острога от 0,7 до 2 м с максимумом близ здания музея; в Затюменке слой начального периода освоения площади русскими определен в 0,5–0,95 м, русский слой также выражен на Малом городище. Обрисованы перспективы использования археологического наследия для туристической инфраструктуры.

141. Рыжкова Ю.В., Матвеев А.В. Культуры крестовой керамики юга Западной Сибири в начале I тыс. до н.э. // Лучшие выпускные квалификационные работы 2005 года. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. Ч. 2. С. 56–66.

Дан обзор историографии переходного времени от бронзы к железу, картографирования памятников. Высказаны идея мирного взаимодействия между автохтонным населением и мигрантами с особенностями локального характера, а также предложение об использовании альтернативных археологической культуре терминов для особых ситуаций культурогенеза.

2007

142. Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 4–41.

Дано развернутое изложение происхождения, развития и исторической судьбы населения, а также обоснована гипотеза его принадлежности к андроновской семье.

143. Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А. Аварийно-спасательные раскопки на территории кремля и гостиного двора в г. Тобольске // XIX Словцовские чтения: Мат. Всероссийской конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. С. 145–147.

Сообщение о начале экспедиционных работ ТюмГУ в Тобольске и выявлении мощного, стратифицированного и насыщенного разнообразными находками культурного слоя в исторической части города.

144. Матвеев А.В., Волков Е.Н., Костомарова Ю.В. Материалы новых раскопок Хрипуновского могильника // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. Курган: Изд-во КурГУ, 2007. С. 108–113.

Уделено внимание проблемам изучения алакульской погребальной традиции, специфики инвентарного и керамического комплекса, предложена датировка — рубеж III и II тыс. до н.э.

145. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. От древних культур к народам XXI века // Тюменская область: Народы, языки, культуры. Тюмень: Экспресс, 2007. С. 5–11.

Очерк развития археологических культур Тюменского региона от каменного века до позднего средневековья.

146. Молявина Е.Ю., Матвеев А.В. Сибирские ханства по данным письменных источников // Лучшие выпускные квалификационные работы 2006 г. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. Ч. 2. С. 63–76.

Характеризуются официальные, повествовательные источники, картографические и чертежные материалы. Временем образования Тюменского ханства под правлением династии Тайбугидов предлагается считать начало XV в. Утверждается, что в 20-х годах XV в. власть перешла к Шибанидам, упадок их государства в начале XVI в. связан с возросшим влиянием местной тайбугидской знати, признавшей вассальную зависимость от России в 1555 г., а смещенная династия откочевала на юг. Показано, что в 60-х гг. состоялось новое воцарение Шибанидов и создание ими Сибирского ханства, в составе которого Тайбугиды сохранили отдельное княжество, в процессе покорения Сибири первым перешедшее под власть Москвы. Временное восстановление самостоятельности под правлением Сейдяка в 1586–1588 гг. завершает период государственности сибирских татар.

147. Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска / Н.А. Балюк, А.Г. Еманов, Е.Б. Заболотный, А.В. Матвеев. 2-е изд. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 182 с.

Рассматриваются теоретические проблемы современной исторической урбанистики и обосновывается идея, что часть сибирских городов восходит к поселениям автохтонного населения. А.В. Матвеевым написаны часть предисловия и заключения, части глав «Село Самарово и Самаровский ям», «Городок князя Самара», «Наследники былинных князей», а также глава «Во времена “сибирского взятия”».

2008

148. Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В., Сомова М.А., Бормотина Ю.В. Предварительные результаты первого года раскопок археологической экспедиции Тюменского университета в Тобольске // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Три Т, 2008. Вып. 2. С. 114–149.

Опубликованы описания 14 жилых и хозяйственных построек в пределах Гостиного раскопа, давших 14 тыс. ед. керамики, множество костей животных, фрагментов стекла, фарфора, изразцов, предметов вооружения, кожаной обуви, украшений и предметов туалета, нательных крестов, нумизматическую коллекцию; из предметов игр найдены шахматы и свистульки. В Октябрьском раскопе обнаружен подземный ход и 25-метровая частокольная стена, с примерной датировкой 1688–1757 гг., состояние которой дало основание для вывода об использовании деталей кораблей.

149. Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А., Селиверстова Т.В. Археологические исследования экспедиции Тюменского университета в г. Тобольске // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 488–490.

Охарактеризованы остатки строений и находки всех массовых категорий в раскопах на Верхнем посаде, а также уникальные вещи. Остатки частокольной стены отождествлены с объектом, размещенным на плане С. Ремезова 1701 г. между приказом конных казаков и Успенским монастырем.

150. Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А., Селиверстова Т.В. Исследование объекта с частоколом и подземным ходом на террито-

рии Тобольского посада // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 115–127.

Описаны находки и сооружения Октябрьского раскопа, в том числе уникальный по сохранности подземный ход в глине длиной 7 м, обшитый деревом, ведущий под частокольную стену, с 4 колчанами со стрелами на полу. Приведены некоторые соображения по расположению разновременных стен Тобольска, дендрохронологические датировки бревен, но вопрос об идентификации частокола с одной из них оставлен открытым.

2009

151. Век железный, век каменный: Очерки становления и развития археологических исследований в Тюменском университете / О.М. Аношко, А.Г. Еманов, А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, В.А. Зах, С.В. Берлина, В.М. Костомаров, Т.Н. Рафикова, Н.П. Серебрякова. Тюмень: ТюмГУ, 2009. 240 с.

А.В. Матвеевым написаны воспоминания «Как мы начинали» в главе 1, а также в главе 2 «Находки, идеи, открытия» рассказы о раскопках Чистобяжского могильника, городища Красногорка.

152. Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. 416 с.

Опубликованы результаты раскопок серии памятников позднего бронзового века в лесостепном Тоболо-Исетье. Охарактеризованы расселение, хозяйство, домостроительство, фортификация, специфика материальной культуры, особое внимание уделено вопросам хронологии.

153. Матвеев А.В., Аношко О.М. Раскопки городища Старый Погост // Археологические открытия 2006 года. М.: Наука, 2009. С. 615–616.

Неукрепленная часть городища обследовалась в связи с распространенной точкой зрения о расположении вблизи высокого останца террасы, где находится Старый Погост, поля последнего сражения Ермака (на ней установлен монумент в память его гибели). Выявлены постройки богочановской и саргатской культур раннего железного века с аналогичной керамикой, найдены также следы пребывания кашинских и кулайских групп, несколько татарских черепков и мезолитические кремневые пластинки.

154. Матвеев А.В., Костомаров В.М., Костомарова Ю.В. К характеристике хозяйственной деятельности носителей пахомовской культуры лесостепного Зауралья // Вестник ТюмГУ. 2009. № 7. С. 3–14.

Анализируются хозяйственные занятия населения, возникшего после распада федоровского культурного единства. Установлено, что главной отраслью экономики было придомно-пастушеское скотоводство с высокой долей присваивающих промыслов, дополнявшиеся бронзолитейным делом и металлообработкой, деревообработкой, камне- и костеобработкой, гончарством, ткацким и кожевенным производствами.

2010

155. Казаки Тюменского региона от Ермака до наших дней (краткий очерк) / А.В. Матвеев, В.Н. Евсеев, А.П. Ярков, З.А. Тычинских, Г.С. Зайцев, К.И. Зубков, Н.М. Маркдорф, Л.В. Демина, И.С. Карабулатова, Н.Ф. Чистякова. Тюмень: Экспресс, 2010. 184 с.

А.В. Матвеевым написан раздел «О Ермаке и его походе» (с. 4–23). Изложена история взаимодействия Руси с сибирскими правителями и вступления Сибирского ханства в вассальную зависимость от Москвы, а также попыток Кучума выйти из подданства. Обрисована идея Ивана Грозного завладеть Сибирью по жалованной грамоте Строгановым на земли Тахчеи и Тобола. Приведены сведения о Ермаке, имевшиеся до начала похода и краткая историография похода Ермака. Поддержана версия длительного похода, начавшегося в 1580 г., при котором взятие Тюмени и других городков до Искера было совершено в первый год (1580–1581), плавание по Иртышу и Оби — во второй (1582–1583). Обоснована иртышская версия гибели Ермака в 1584 г.

156. Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Тобольский посадский острог XVII в. (по результатам археологических исследований Чукманского раскопа в 2008–2009 гг. // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических конференций: Мат. XV международной археолого-этнографической конф. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 205–209.

Прослежено несколько оборонительных линий вдоль Чукманского мыса, остатки башен, высказаны идеи по их датировке, предложена интерпретация стены Октябрьского раскопа как ограждения тюрьмы.

157. Матвеев А.В., Ларина Н.С., Костомарова Ю.В., Киктенко Е.В. Результаты изучения пригаров и почв из сосудов алакульской культуры Хрипуновского могильника // Вестник ТюмГУ. 2010. № 1. С. 12–20.

На основании анализа содержания микро- и макроэлементов реконструированы виды пищи, содержащейся в сосудах эпохи бронзы. Преимущественно представлены каши на молоке с добавлением трав и плодов, каши с мясом и травами. В трех сосудах обнаружены остатки наркотических веществ галлюциногенного характера, что объяснено авторами как свидетельство ритуальных действий.

2011

158. Матвеев А.В. В поисках места гибели атамана Ермака // Культура русских в археологических исследованиях: Междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омского института (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 127–144.

Рассмотрены разные варианты иртышской и вагайской версий по данным картографического анализа и полевых работ на местности. Локализована Перекоп, упоминаемая в источниках; она представляет собой не канал, а протоку Иртыша, примыкающую к устью Вагая. Место сражения реконструировано как участок при выходе из Вагая в Иртыш — полуостров, обрамленный речной излучиной с быстрым течением и протокой шириной 40 м. 20 разведочных траншей на описанном мысу археологических свидетельств не дали, что обусловило вывод о существенном изменении здесь за четыре века берега, размытого Иртышом.

159. Матвеев А.В. К историко-географической оценке вагайской версии гибели Ермака // Экология древних и традиционных обществ: Сб. докл. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 87–90.

Приведены аргументы, представляющие собой критику летописей и картографических схем, а также малообоснованных мнений ряда историков для опровержения вагайской версии гибели Ермака.

160. Матвеев А.В., Аношко О.М. Археологические открытия в Тобольске // Наследие Тюменской области. 2011. № 1. С. 49–54.

Информация об изучении материалов 2007–2010 гг. из раскопок в исторической части Тобольска и новых данных о культуре его жителей.

161. Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Изразцы из культурного слоя верхнего посада Тобольска // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. Вып. 3. С. 103–127.

Рассмотрены полихромные и монохромные изразцы, в том числе расписные, рельефные. Высказано предположение, что Тобольск был центром изразцового производства, сложившегося под влиянием московских традиций.

162. Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Верхний посад Тобольска и материальная культура его жителей в XVII–XVIII вв. по археологическим данным // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. 2. С. 244–245.

Охарактеризованы основные итоги изучения исторической застройки, систематизации материалов, намечены перспективы реконструкции планировочных структур, хозяйства, основных занятий и игр жителей изначального Тобольска.

163. Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Основные итоги археологического изучения верхнего посада Тобольска в 2007–2009 гг. // Вестник ТюмГУ. 2011. № 2. С. 6–11.

Подведены итоги четырехлетнего изучения культурного слоя, классификации и датировки материалов, определения функционального назначения построек.

164. Матвеев А.В., Аношко О.М., Сирюшова Н.Ф. Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 116–124.

Дана общая характеристика фарфоровой и фаянсовой посуды, поступавшей из разных центров, в том числе из Китая; установлено, что особенности распространения этого вида артефактов отражают благосостояние обитателей отдельных кварталов.

165. Матвеев А.В., Глушкова Т.Н., Аношко О.М. Остатки текстильных изделий в материалах раскопок на верхнем посаде Тобольска // Экология древних и традиционных обществ: Сб. докл. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 218–220.

Определены 38 образцов тканей, по способу плетения они полотняные и саржевые. Атрибутированы как пояса, фрагменты шерстяных портянок, вышивки на сукне, остатки вязаных чулок, носков, рукавиц, веревки из растительных волокон и витой шерстяной шнур, относящиеся к местной текстильной традиции.

166. Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 46–55.

Изложена позиция по основным проблемам изучения гибридных образований позднего бронзового века. Определен ареал, выделены индикаторы пахомовской культуры.

2012

167. Матвеев А.В. В поисках Ермаковой перекопи // Тобольск и вся Сибирь. № 18: 425 лет Тобольску. Тобольск: Обществ. благотвор. фонд «Возрождение Тобольска», 2012. С. 526–545.

Представлены результаты обстоятельного изучения источников, литературы, картографических материалов и натурного обследования местности последнего сражения Ермака с иллюстрациями. Дополнительно обоснована иртышская версия.

168. Матвеев А.В., Аношко О.М. Ермакова перекоп на старинных картах и в материалах полевого историко-археологического обследования // Вестник ОмГУ. 2012. № 2 (64). С. 275–282.

Статья посвящена определению местоположения перекопи, где по данным сибирских летописей погибли атаман и его сподвижники. Детально исследуются данные С. Ремезова и другие картографические материалы и сопоставляются с результатами натурного обследования территории близ места последнего сражения Ермака. Место боя соотносено с большой излучиной Иртыша, находящейся чуть ниже устья Вагая.

169. Матвеев А.В., Аношко О.М., Алиева Т.А. Тобольская панагия // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50). С. 104–113.

Рассматриваются морфологические и стилистические особенности меднолитой позолоченной панагии, найденной в ходе раскопок на территории верхнего посада города Тобольска между бревнами небольшого дома, расположенного в 40 м от Гостиного двора. Датирована второй половиной XVI — первой половиной XVII в. Высказано предположение, что появление этого культового предмета связано с созданием здесь новой епархии и пребыванием в городе первых сибирских и тобольских архиепископов.

170. Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукман // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. Вып. 4. С. 76–91.

Проведен анализ археологических наблюдений за разновременными фортификациями на мысу Чукман (Сад Ермака) над р. Курдюмкой. Они зафиксированы как 8 канав со следами столбов внутри них, указывающих на установку частоколов. У канавы 7 обнаружены остатки пристроенного к тыну помоста для обстрела противника из пушек и пищалей и фундамент небольшой башенки, приставленной снаружи. Авторы связывают эти оборонительные линии с данными источников о строительстве 1660–1661 гг. и ремонтами после городских пожаров, проводившимися в 1678, 1680 и 1688, 1701–1714 гг.

2013

171. Матвеев А.В. Федоровская культура // Александр Васильевич Матвеев: Сборник научных трудов и воспоминаний. Посвящен памяти А.В. Матвеева / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. С. 53–93.

ОТВЕТСТВЕННОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

1. Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной полосы / А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, А.Н. Панфилов, М.А. Буслова, В.А. Зах, В.А. Могильников. Новосибирск: Наука, 1995. 240 с.
2. Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.
3. Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.
4. Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. 167 с.
5. Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. 160 с.
6. Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. 248 с.
7. Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Мат. итоговой науч. сессии Ученого совета ИПОС СО РАН. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2000. Вып. 1. 157 с.
8. Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Мат. итоговой науч. сессии Ученого совета ИПОС СО РАН. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 2. 136 с.
9. Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с. (Сер. Древности Ингальской долины; Вып. 1).
10. Археологический комплекс «Ингальская долина»: Путешествия во времени. На рус. и англ. яз. Тюмень: Сити-пресс, 2006. 28 с.
11. Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с. (Сер. Древности Ингальской долины; Вып. 2).
12. AB ORIGINE: Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. Вып. 3. 196 с.

В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ

**Статьи А.В. Матвеева в средствах массовой информации.
Интервью. Журналисты о деятельности ученого**

1. Союз увлеченных: Пять интервью на раскопе // Вечерний Новосибирск. 9 августа 1978 г.
2. Грейс Е. Поиск будет продолжен // Ленинец: Орган парткома, ректората, профкома, комитета ВЛКСМ, студенческого профкома ТюмГУ. 12 ноября 1984 г. № 32.
3. Открытие музея // Ленинец: Орган парткома, ректората, профкома, комитета ВЛКСМ, студенческого профкома ТюмГУ. 12 ноября 1984 г. № 32.
4. Пахотин С. Французы саргатский товар увидят после тюменцев // Обыватель. 1994. № 2. С. 18–23.
5. Пахотин Ю. Всемирно известная коллекция Петра I состояла из золота саргатских племен,— утверждают историки // Обыватель. 1994. № 2. С. 18–23.
6. Матвеев А.В. Снова об Ингальской долине // Наука в Сибири: Еженедельная газета Сибирского отделения РАН. 9 января 1998 г. № 1–2.
7. Зимин А. Разве все тайны дождались своего первооткрывателя? // Лесовичок: Ежемесячная газета для детей. Март 2000 г. № 3.
8. Ермакова В. Ингальская долина — путь в прошлое // Сибирское богатство: Общественно-политический журнал. 2002. № 5. С. 45–47.
9. Филатов И. Археолог — профессия самоотверженных // Университет и регион: Областной общественно-политический еженедельник. Май 2002 г. № 20.
10. Мавлетдинова М. Заслуги ученых земли тюменской // Тюменская правда: Общественно-политическая газета. 9 июля 2003 г. № 119.
11. Барабанова Л. В поисках утраченного времени // Сибирское богатство: Общественно-политический журнал. 2004. № 7. С. 32–39.
12. Матвеев А.В. 420 лет со дня гибели Ермака Тимофеевича // Национальные культуры региона: Научно-методический и репертуарно-информационный альманах. Тюмень, 2004. Вып. 5. С. 4.
13. Калянов М. Александр Матвеев: «История Сибири началась не с Ермака» // «Аргументы и факты» в Западной Сибири. 2005. № 17.
14. Матвеев А.В. Не мешайте науке! // Тюменские известия: Парламентская газета. 8 февраля 2005 г. № 27.
15. Белоглазов П. Открывая Ингальскую долину // Тюменская правда: Общественно-политическая газета. 1 ноября 2006 г. № 205.

16. Ефимова Г. Интеллектуальный пир вокруг Тюмени // Университет и регион: Областной общественно-политический еженедельник. Май 2006 г. № 20.
17. Ефимова Г. Творческий отчет о проделанной работе ИГИ // Университет и регион: Областной общественно-политический еженедельник. Март 2006 г. № 8 (253).
18. Репортаж о презентации результатов работ Института гуманитарных исследований ТюмГУ в 2005 г.
19. Иксанов В. Застарелые традиции надо менять. Ч. 1 // Тюменская правда: Общественно-политическая газета. 25 июля 2006 г. № 134.
20. Иксанов В. Застарелые традиции надо менять. Ч. 2 // Тюменская правда: Общественно-политическая газета. 28 июля 2006 г. № 137.
21. Конкина Н. Краеведческие сенсации // Тюменская правда: Общественно-политическая газета. 11 января 2006 г.
22. Кривошеев С. Истинные арийцы // Итоги: Еженедельный журнал. 2006. № 32.
23. Панкина Т. Ингальская долина: Почувствуйте себя царями // Вслух о главном: Тюменская региональная газета. 3 ноября 2006 г. № 43.
24. Спицына Л. Зов веков: Долина тайн откроется туристам // Поиск: Еженедельная газета научного сообщества. 15 декабря 2006 г. № 50.
25. Омельчук А. Интервью с А.В. Матвеевым в программе «Персона» на Тюменском телевидении на канале «Регион-Тюмень». 2006 г.
26. Фатеев А. Древняя Тюмень исчезает бесследно // Тюменские известия: Парламентская газета. 30 мая 2006 г. № 105.
27. Черепанов А. Древние тайны Ингальской долины // Тюменские известия: Парламентская газета. 8 ноября 2006 г. № 239–240.
28. Шаманенко М. Ожерелье из Ингальской долины // Тюменская область сегодня: Общественно-политическая газета. 14 февраля 2006 г. № 25.
29. Юрьева Л. Тюменский мир доисторических культур // Университет и регион: Областной общественно-политический еженедельник. Ноябрь 2006 г. № 40.
30. Воинский Т. Сокровища Саргатии // Тюменская область сегодня: Общественно-политическая газета. 7 августа 2007 г.
31. Гольдберг Р. Прошлое остается в прошлом // Тюменский курьер: городская газета. 4 и 5 октября 2007 г. № 152 и 153–154.
32. Леошков А.А. Загадки Чимги-Туры // Тюменская правда: Общественно-политическая газета. 18 сентября 2007 г. № 168.
33. Леошков А.А. Изначальный Тобольск был построен из судового дерева // Тюменская правда: Общественно-политическая газета. 15 сентября 2007 г. № 167.
34. Леошков А.А. Приплыли! // Поиск: Еженедельная газета научного сообщества. 8 ноября 2007 г.
35. Матвеев А.В. Путешествия во времени // Абсолют: Городской журнал для мужчин. 2007. Май. С. 10–14.

36. Самохвалова М. Тонны раритетов из Тобольска // Тюменские известия: Парламентская газета. 18 сентября 2007 г. № 169.
37. Спицына Л. «Каждый кусочек земли в Тобольске буквально нашпигован артефактами» // Университет и регион: Областной общественно-политический еженедельник. Сентябрь 2007 г. № 32.
38. Барабанова Л. Троицкий мыс: Загадки подземелья // Сибирское богатство. 2008. № 11. С. 52–55.
39. Бельская Н. «Живые музеи» Тюмени // Тюменские ведомости: Еженедельная газета. 29 мая — 4 июня 2008 г. № 21.
40. Шестакова Н. Историческая драгоценность России // Тюменские известия: Парламентская газета. 14 ноября 2009 г. № 202.
41. Макаров В. Александр Матвеев: «Археология не фантазирует, а работает с фактами» // Спичка. 2 апреля 2010 г.

Интервью о раскопках в Тюменской области

42. Воинский Т. Загадочный мир Ингальской долины // «Аргументы и факты» в Западной Сибири. 14 июля 2010 г.
43. Дубовская Е. Атаман Ермак и современность: Каким быть памятнику основателям Тюмени // Тюменская правда: Общественно-политическая газета. 11 ноября 2010 г. № 207 (18383).
44. Дубовская Е. Легенды и мифы о Ермаке // Тюменская Губерния: Информационно-аналитическая газета. 27 ноября — 4 декабря 2010 г. № 22 (248). С. 14–15.
- Научно-популярная статья об атамане Ермаке и его походе в Западную Сибирь с упоминанием разработки Н.П. и А.В. Матвеевыми этой темы.*
45. Дубовская Е. Умная книга о сибирских казаках // Тюменская правда. 3 декабря 2010 г. № 223 (18399).
- О презентации книги «Казаки в Тюменском регионе: от Ермака до наших дней», прошедшей в Тюмени в рамках Первого книжного фестиваля, и выступлении на этой встрече А.В. Матвеева.*
46. Караваева Л. Александр Матвеев: Источник глаголет устами науки // Вслух о главном: Тюменская региональная газета. 25 июня 2010 г.
- Интервью с А.В. Матвеевым в преддверии полевого сезона 2010 г.*
47. Аксарина А. Тайны земли Тобольской // Тюменская область сегодня: Ежедневная газета. 23 августа 2011 г.
- Информация о пресс-конференции А.В. Матвеева и О.М. Аношко в Тобольском Доме журналистов, посвященной итогам пятилетних раскопок в Тобольске экспедиции ИГИ ТюмГУ.*
48. Белоусова В., Полищук В., Тихонова Т., Фатеев Д., Худорожкова Н. Историческая и культурная значимость археологических исследований неопределима // Тюменская область сегодня: Ежедневная газета. 19 октября 2011 г. № 194 (3029).
- Интервью с А.В. и Н.П. Матвеевыми по окончании полевого сезона 2011 г.*

49. Привалов А. Сенсационные находки из глубины веков // Тюменская область сегодня: Ежедневная газета. 8 декабря 2011 г. № 228 (3063).

Рассказ о некоторых результатах раскопок в Тюмени (Н.П. Матвеева) и Тобольске (А.В. Матвеев).

50. Омельчук А. Экспресс-эфир на Тюменском телевидении на канале «Регион-Тюмень» в 2012 г. с А.В. Матвеевым и К.Н. Сержантовым о Царевом городище.

51. Тарабаева И. Александр Матвеев: «Хана Кучума узнаю по обуви...» // Тюменские известия: Парламентская газета. 1 декабря 2011 г. № 214 (5422).

Интервью с А.В. Матвеевым по поводу издания общественным благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» «Хорографической чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова.

PERSONALIA

Краткие очерки научно-педагогической деятельности А.В. Матвеева

1. Матвеев Александр Васильевич // Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2003. С. 221.
2. Косарев М.Ф. Матвеев Александр Васильевич // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень, 2004. Т. 2. С. 265.
3. Александр Васильевич Матвеев // Первый вуз земли Тюменской: Тюменский государственный университет. 1930–2005. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. С. 145–146.
4. К юбилею Александра Васильевича Матвеева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. № 6. С. 316–317.
5. Матвеев Александр Васильевич // Факультет истории и политических наук: Главы жизни / Т.И. Бакулина, А.А. Бирюков, В.Г. Богомяков, Е.В. Бородулина, А.Г. Еманов, С.В. Кондратьев, В.М. Кружинов, Н.П. Матвеева, С.С. Пашин, Н.А. Повод, А.В. Рябкова, В.Я. Темплинг, С.П. Цыганкова, С.П. Шилов, С.Н. Щербич. Тюмень: Мандр и К^а, 2005. С. 167–168.
6. Барабанова Л.П. В поисках утраченного времени // Л.П. Барабанова. Моменты жизни быстротечной: Очерки, этюды, эссе. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2007. С. 53–65.
7. Молодин В.И. Матвеев Александр Васильевич // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2. С. 327.
8. Еманов А.Г. Principes тюменской археологии // Андроновский мир. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. С. 8–9.
9. Институту проблем освоения Севера СО РАН 25 лет. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. 54 с.
10. Матвеев Александр Васильевич // Профессора: Очерки, интервью, зарисовки и информация о профессорах Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. С. 316–318.
11. Молодин В.И. К юбилею Александра Матвеева // Андроновский мир. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. С. 4–7.
12. Троицкая Т.Н. Начало пути // Андроновский мир. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. С. 23–25.

13. Деревянко А.П., Молодин В.И., Макаров Н.А., Полосьмак Н.В., Троицкая Т.Н., Матвеева Н.П. Александр Васильевич Матвеев. Некролог // Российская археология. 2013. № 4.
14. Аношко О.М. Памяти А.В. Матвеева // Наследие Тюменской области. 2013. № 1 (3). С. 61–63.
15. Александр Васильевич Матвеев (1955–2013) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. 2013. № 4 (23). С. 168–170.
16. Ларин Н.С., Балюк Н.А. Памяти А.В. Матвеева // Вестник ТюмГУ. Серия историко-филологическая. 2014.
17. Памяти А.В. Матвеева // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. Вып. 5. С. 143–145.

А.В. Матвеев

ФЕДОРОВСКАЯ КУЛЬТУРА В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАУРАЛЬЕ¹

Федоровские древности, распространенные на территории Зауралья, а также в сопредельных областях Урала, Казахстана и Западной Сибири мы склонны соотносить с особой археологической культурой, демонстрирующей только ей присущие ареальные, хронологические и прочие характеристики.

Опорные памятники и общая характеристика культуры

Проблема вычленения федоровских памятников из общей совокупности андроновских древностей стоит в зауральской археологии, как ни парадоксально, достаточно остро. Об этом может свидетельствовать отсутствие федоровского периода в сложившейся периодизации бронзового века лесостепного Притоболья, хотя наличие федоровской керамики отмечено на многих памятниках данного района. Столь же симптоматичен факт длительного и лишь недавно увенчавшегося успехом поиска в зауральских областях однослойных федоровских поселений, особенно странный на фоне наличия здесь могильников, оставленных теми же самыми группами. Еще более показательной является атрибуция как федоровских ряда черкасульских памятников и керамических комплексов, в частности могильников Ново-Бурино, Большая Караболка, посуды с Нижне-Спасского селища и т.д., данная самим К.В. Сальниковым [1967, с. 246, 250, 251] — первооткрывателем и федоровских, и черкасульских древностей.

Снять эти недоразумения долгое время не позволял ряд факторов. Во-первых, сложность дифференциации отдельных алакульских и федоровских керамических серий (не говоря уже об отдельных сосудах), вполне понятная в контексте сделанного нами вывода о наличии в Зауралье и сопредельных областях переходных алакульско-

¹ Текст представляет собой 4-ю главу докторской диссертации, защищенной в 2000 году; подготовлен к печати Н.П. Матвеевой. Автор не планировал его публиковать, так как хотел развить свою точку зрения в монографии по памятникам эпохи бронзы Ингальской долины, чему не суждено было осуществиться.

федоровских (амангельдинских) памятников². Во-вторых, разнообразие посуды федоровского населения, а также преимущественное использование им в погребальных обрядах изящно профилированных и пышно украшенных горшков, относительно немногочисленных в материалах поселений. В-третьих, отсутствие полной ясности в вопросе о том, какие именно признаки являются общими, а какие — особенными для гончарства федоровских и черкаскульских групп.

Препятствует рассмотрению многих зауральских памятников как опорных для характеристики федоровского периода смешанность культурных слоев большинства изученных поселений, а также высокая доля среди известных погребальных комплексов тех, что были изучены еще в начале текущего столетия и не только плохо документированы, но и раскопаны в соответствии с методическими установками своего времени. Из сказанного следует, что эталонными памятниками федоровской культуры в Зауралье можно считать лишь очень ограниченное количество исследованных объектов (рис. 1), что, впрочем, кажется нам более корректным, чем неоправданное расширение круга этих памятников за счет отнесения к ним поселений и могильников, однозначно интерпретировать материалы которых трудно или вовсе невозможно.

Только в долине Тобола, причем в подтаежной полосе, исследованы однослойные федоровские поселения. Первым из них в конце 70-х гг. было изучено селище Дуванское-17, находившееся к востоку от Тюмени на правом берегу р. Дуван, соединяющей Андреевскую систему озер с р. Пышмой [Корочкова, Стефанов, 1983]. В раскопе площадью более 700 м², заложенном на памятнике М.Б. Абрамовой и О.Н. Корочковой, исследованы одно федоровское жилище № 2 и прилегавший к нему незастроенный участок³.

Остатки изученной полуземлянки представляли собой подпрямоугольный котлован глубиной от уровня материка 0,3–0,5 м, размерами 10,5×5,0 м, имевший выступ в северо-восточном углу, а также коридорообразный выход длиной не менее 3 м при ширине 1,5 м, который располагался в середине продольной юго-западной стенки. В центре постройки расчищен очаг размерами 0,6×0,45 м, мощностью до 0,1 м, углубленный в грунт на 0,1–0,15 м. Второе кострище, размерами

² Отсутствие четких критериев для различения изделий алакульских и федоровских гончаров нередко приводило к тому, что к числу последних относили едва ли не все сосуды с «косыми» треугольниками и гребенчатой орнаментацией (см., например, [Сальников, 1967, с. 302]). Другим проявлением того же фактора может служить заключение С.В. Хабаровой [1997, с. 93] о том, что металлические украшения алакульских и федоровских общин обладают большими дифференцирующими возможностями, нежели погребальный обряд и даже посуда тех же групп. Согласиться ни с тем, ни с другим мнением невозможно.

³ Рассматривая данный памятник как однослойный, мы имеем в виду лишь то обстоятельство, что в его материалах отсутствуют отличные от федоровского комплексы находок бронзового века. Фактически же селище не может считаться однослойным, поскольку на его площади выявлены также остатки жилища и ряд ям с артефактами энеолитического периода.

1,15×0,8 м, мощностью до 0,2 м, располагалось за пределами жилища. В этой линзе прокаленного песка и рядом с нею обнаружены остатки обгорелого дерева, развалы двух сосудов и фрагменты глиняных кирпичиков. На площади исследованной постройки и вблизи нее зафиксированы многочисленные столбовые ямы, на межжилищном пространстве расчищены скопления костей животных, рыбьей чешуи, глиняных рыболовных грузил, а также раздавленные сосуды (рис. 2).

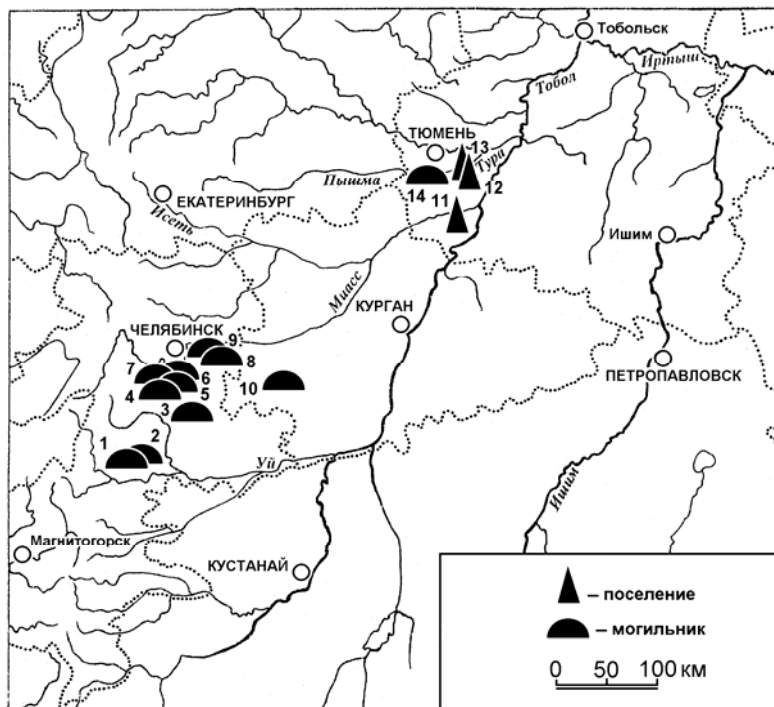

Рис. 1. Основные памятники федоровской культуры в лесостепном Зауралье: 1 — Приплодный Лог; 2 — Путиловская Заимка; 3 — Кинзерский; 4 — Туктубаево; 5 — Черняки-2; 6 — Сухомесово; 7 — Смолино; 8 — Федоровка; 9 — Урефты-1; 10 — Субботино; 11 — Щетково-2; 12 — Черемуховый Куст; 13 — Дуванское-17; 14 — Карьер-2

Более представительные материалы получены при раскопках федоровского поселения Черемуховый Куст, расположенного на левобережье Тобола северо-западнее г. Ялуторовска, которое в 80-х гг. было практически полностью исследовано В.А. Захом [1986, 1987а, б, 1992, 1995]. Раскопом площадью более 2100 м² изучены остатки шести полуземляночных жилищ, а также четырех зольников. Дома располагались на поверхности невысокой межозерной гряды компактной группой, мусорные кучи находились по периметру обжитой площадки (рис. 3).

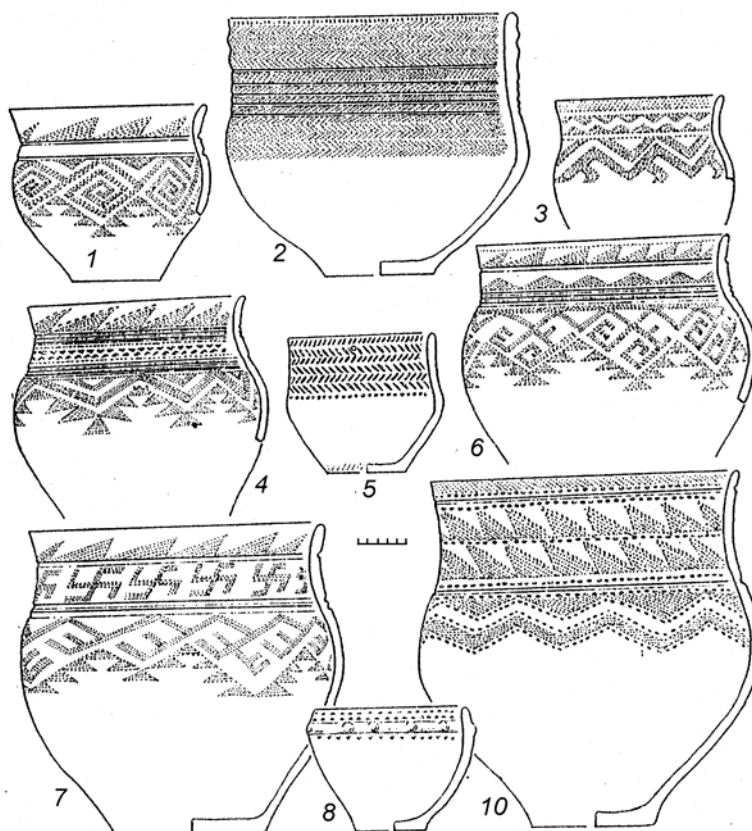

Рис. 2. Керамика поселения Дуванское-17
(по О.Н. Корочковой и В.И. Стефанову)

Большинство исследованных жилищ имело подпрямоугольные очертания, нередко усложненные наличием широких выступов в стенках котлованов. Жилище 4 представляло собой двухкамерную постройку площадью около 180 м². Остальные, однокамерные, дома были еще больше — площадью от 190 до 300 м². В материковый грунт их котлованы углублялись на 0,1–0,25 м. При этом в каждом из сооружений — в противоположных концах жилища 1, вдоль одной из длинных стенок жилища 2, в одном или противоположных углах остальных построек — отчетливо фиксировались участки пола со сносенной поверхностью, пониженные по сравнению с общим уровнем дна котлованов на 0,06–0,2 м. В плане рассматриваемые участки имели различную конфигурацию, а их площадь варьировалась от 28 до 78 м². Автор раскопок обоснованно считает, что такие понижения могли образоваться в процессе очистки от мусора и навоза хозяйст-

венной части жилищ, где вместе с людьми зимовал скот [Зах, 1995, с. 69]. В каждом из исследованных сооружений помимо одного или нескольких очагов наземного или углубленного типа расчищено по несколько десятков столбовых и хозяйственных ям, обнаружено от одного до трех колодцев диаметром 2,2–3,35 м, располагавшихся как в хозяйственных, так и в жилых частях домов.

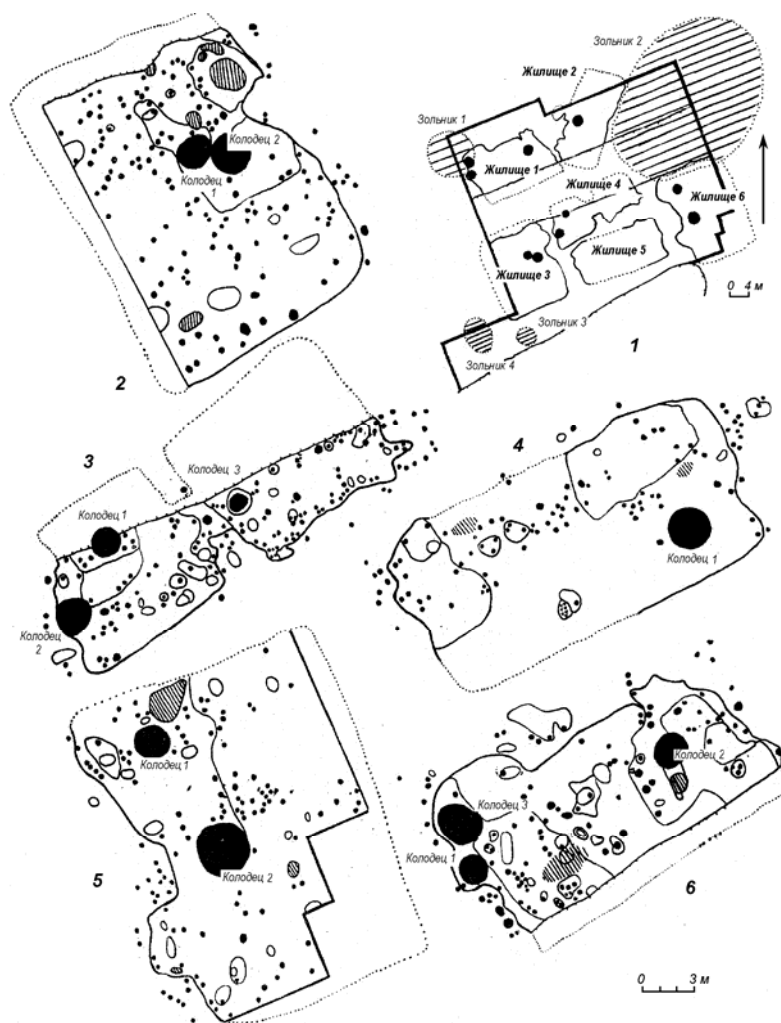

Рис. 3. Остатки федоровских построек поселения Черемуховый Куст (по В.А. Заху):

1 — план расположения сооружений, вскрытых раскопом; 2 — жилище 3;
3 — жилище 4; 4 — жилище 5; 5 — жилище 6; 6 — жилище 1

Рис. 4. Керамика поселения Черемуховый Куст (по В.А. Заху)

Мощность зольников, исследованных на селище, была небольшой (0,2–0,35 м). При этом один из них, находившийся на северо-восточной окраине поселка, был значительно больше остальных, диаметр которых не превышал нескольких метров, и в рельефе прослеживался как всхолмление размерами приблизительно 28×20 м. Все мусорные кучи были сооружены на поверхности почвы с достаточно развитым гумусовым горизонтом и оказались насыщены обломками посуды, костями животных, а также фрагментами изделий из различных материалов.

Всего при раскопках поселения обнаружено более 5000 черепков (рис. 4, 5), свыше 130 предметов, изготовленных из бронзы, камня, кости и глины (рис. 6), а также представительная коллекция палеозоологических находок [Зах, 1995, табл. 11; Косинцев, 1989, табл. 1].

Анализ материалов селища позволил В.А. Заху [1995, с. 71, 73] предполагать, что общая численность его обитателей достигала 110–120 чел., а в их стаде насчитывалось примерно 55–65 голов крупного рогатого скота и 25–35 — мелкого.

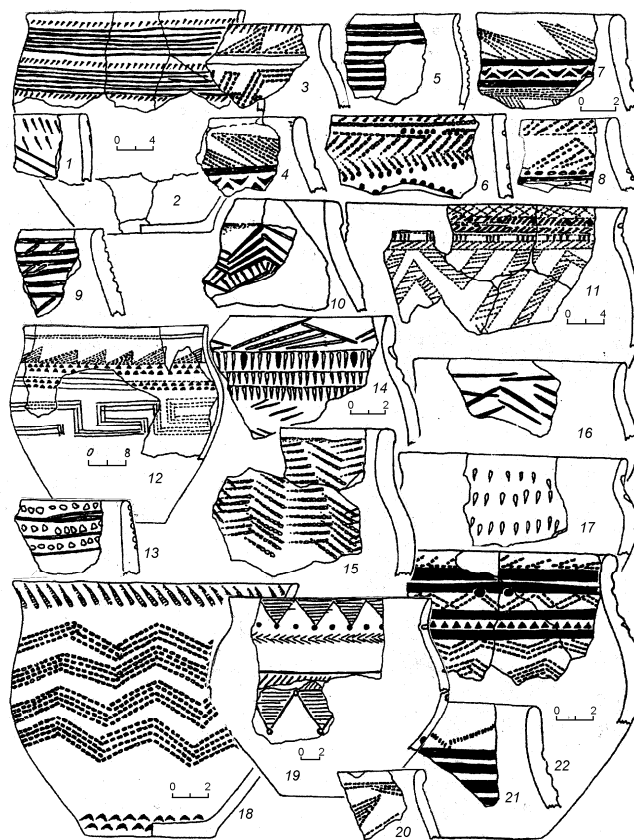

Рис. 5. Керамика поселения Черемуховый Куст (по В.А. Заху)

Раскопки еще одного однослойного федоровского памятника — поселения Щетково-2, находящегося в междуречье Тобола и Исети, к югу от г. Ялуторовска, — начаты автором в 1998 г. Раскопом 1 площадью около 330 м², заложенном на распаханном западном берегу старичного оз. Щетково, вскрыта часть обширного, но, видимо, изначально не очень высокого зольника. Толщина золистых отложений, перекрывающих ископаемый почвенный горизонт, колеблется от 0,1 до 0,45 м. При раскопках получена коллекция федоровской керамики и палеозоологических находок, а также серия предметов, изготовленных преимущественно из кости и глины [Матвеев и др., 1999] (рис. 7).

Материалы охарактеризованных памятников свидетельствуют о том, что основным типом жилых сооружений федоровского населения Зауралья являлись слабо углубленные в землю каркасно-столбовые полуземлянки различной величины — и относительно небольшие, как на Дуванском-17, и значительно более крупные, как на Черемуховом Кусте. По основным признакам эти сооружения близки постройкам, изученным на федоровских и алакульских поселениях в урало-казахстанских степях [Зданович Г.Б., 1976, с. 123–125; Малютина, 1990; 1994, с. 15–17]. Возведение зауральскими федоровскими группами особо крупных домов площадью 200–300 м², рассчитанных на зимнее содержание скота и спланированных таким образом, что в них обособлялись жилые и хозяйственные помещения, находит многочисленные параллели в этнографических материалах разных регионов и археологических источниках [Ганцкая и др., 1968, с. 365–366; Грязнов, 1956б, с. 39; Крашенинников, 1966, с. 66; Маркова, 1968, с. 12; Оразбаев, 1970, с. 129; Рикман, 1975, с. 68; и др.]. Полными аналогами рассматриваемых сооружений являются большие каркасно-столбовые полуземлянки, изученные на ирменских поселениях лесостепного Приобья [Матвеев, 1983; Матвеев, Сидоров, 1985]. Довольно крупные постройки сходной конструкции известны и на алакульских селищах Северного Казахстана [Зданович Г.Б., 1976, с. 123]. В некоторых из них, судя по характерным следам изношенности пола, зимой вместе с людьми содержался домашний скот. К числу алакульско-федоровских параллелей следует отнести также наличие на поселениях зольников, сходные типы очажных устройств, сооружение в жилищах колодцев [Андроновская культура..., 1966, с. 61, рис. 9; Кузьмина, 1994, с. 82; Чемякин, 1976; и др.].

Идентичен и видовой состав фаунистических остатков с алакульских и федоровских поселений Зауралья. Среди остеологических материалов охарактеризованных выше памятников также резко преобладают кости домашних животных — прежде всего крупного и мелкого рогатого скота (табл. 1). По данным П.А. Косинцева, долго и плодотворно изучающего животноводство зауральского населения, коровы и быки, принадлежавшие жителям Черемухового Куста, были в основном комолыми и по этому признаку не отличались от крупного рогатого скота других урало-казахстанских андроновских групп, а также животных, разводившихся в эпоху бронзы на территории Восточной Европы [1989]. По среднему значению высоты в холке (125,0 см) этот вид домашнего скота с названного поселения был значительно крупнее, чем восточно-европейский и алакульский⁴.

⁴ Средняя высота в холке коров, останки которых найдены в алакульских некрополях в Притоболье и могильнике Ермак-4 в долине Иртыша, составляла соответственно 110, 115 и 114 см [Косинцев, 1990, 1998]. Близкие размеры (114,8 см) имели коровы с поселения Кулевчи-3, быки и волю были, естественно, крупнее (соответственно 128,0 и 133,1 см). Однако среднее значение высоты крупного рогатого скота, принадлежавшего указанной общине, находится в интервале от 119,1 до 121,8 см [Косинцев, 1983].

Таблица 1

Видовой состав фаунистических остатков с федоровских поселений Зауралья*

Виды животных	Дуванское-17		Черемуховый Куст		Щетково-2	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Домашние животные						
Крупный рогатый скот	194/88	70,80/85,44	3900/117	61,02/44,83	568/27	50,04/35,53
Мелкий рогатый скот	25/6	9,12/5,83	1379/67	21,57/25,67	208/12	18,33/15,79
Лошадь	33/4	12,04/3,88	913/36	14,29/13,79	285/22	25,11/28,95
Собака	5/1	1,83/0,97	9/4	0,14/1,53	17/4	1,50/5,26
Итого...	257/99	93,79/96,12	6201/224	97,02/85,82	1078/65	94,98/85,53
Дикие животные						
Волк	—	—	10/2	0,16/0,77	—	—
Лисица	—	—	4/2	0,06/0,77	—	—
Медведь	—	—	1/1	0,02/0,38	1/1	0,09/1,32
<i>Martes sp.</i>	—	—	1/1	0,02/0,38	—	—
Барсук	—	—	11/7	0,17/2,68	1/1	0,09/1,32
Выдра	—	—	1/1	0,02/0,38	—	—
Кабан	—	—	6/2	0,09/0,77	3/2	0,26/2,63
Лось	8/1	2,92/0,97	109/12	1,7/4,60	45/4	3,96/5,26
Косуля	4/1	1,46/0,97	18/6	0,28/2,30	1/1	0,09/1,32
Благородный олень	—	—	—	—	1/1	0,09/1,32
Северный олень	2/2	0,73/1,94	—	—	—	—
Заяц	—	—	3/2	0,05/0,77	1/1	0,09/1,32
Хомяк	—	—	3/1	0,05/0,38	—	—
Птицы	3/?	1,1/?	23/?	0,36/?	4/?	0,35/?
Итого...	17/ 4	6,21/3,88	190/37	2,98/14,18	57/11	5,02/14,47
Всего...	274/103	100,00/100,00	6391/261	100,00/100,00	1135/76	100,00/100,00

* В числителе — количество костей, в знаменателе — минимальное количество особей. Палеозоологические определения П.А. Косинцева [Зах, 1995, табл. 11; Косинцев, 1989, табл. 1]. Материалы селища Щетково-2 вводятся в научный оборот впервые.

Возрастной состав коров и быков, забитых людьми, оставившими поселение Черемуховый Куст, свидетельствует о мясомолочном характере разведения ими указанных животных. Особенностью этой остеологической выборки является высокая доля особей, забитых в возрасте до полугодя (18,2 %). Если дальнейшие исследования подтвердят наличие корреляции между данным параметром и повышенным значением средней высоты домашних животных, можно будет с уверенностью констатировать правоту П.А. Косинцева, предполагавшего, что община Черемухового Куста владела навыками селекционной работы и, забивая наиболее слабых телят-первогодков, добивалась выращивания крупного и крепкого скота [Там же, с. 96, табл. 5].

Не противоречат этому и крупные размеры овец данной общины. Они доминировали среди мелкого рогатого скота, были, в отличие от коз, в основном комолыми и достигали в холке 77–78 см, превышая в размерах не только животных указанного вида (66 см), но и овец, разводившихся населением Восточной Европы, а также алакульскими

группами⁵. Возрастной состав мелкого рогатого скота, забитого жителями Черемухового Куста, указывает на мясную направленность его разведения.

Значительно меньше данных о лошадях федоровского населения. По имеющимся материалам, среди этих животных имелись особи и относительно небольшие (128–136 см в холке), и среднего роста (136–144 см). Возрастной состав забитых лошадей указывает на то, что этот вид домашнего скота использовался как в пищу, так и для выполнения работ, требующих резвости (под верх или в упряжке), хотя археологических свидетельств последнего при исследовании федоровских поселений Зауралья пока не получено.

Рис. 5. Керамика поселения Черемуховый Куст (по В.А. Заху)

⁵ По данным П.А. Косинцева [1990, 1998], средняя высота овец, забитых в ходе погребальных церемоний, совершавшихся на площади могильников Ермак-4, Чистослебяжского и Хрипуновского, составляла соответственно 71–75, 73 и 76–77 см. Хрипуновских овец исследователь характеризует как очень крупных для рассматриваемой эпохи.

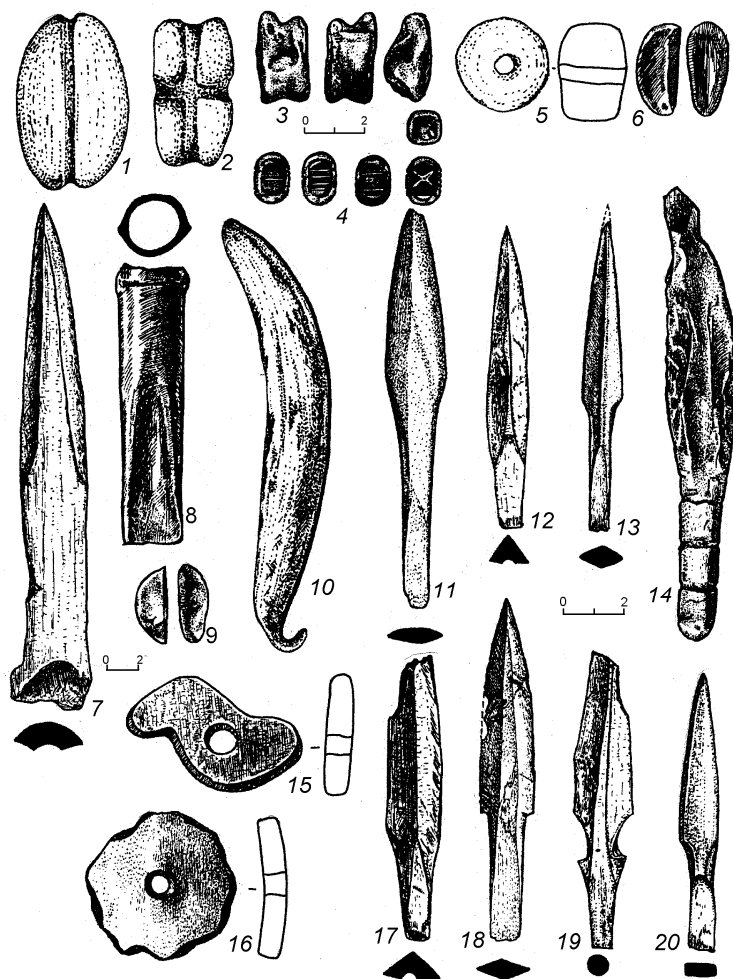

Рис. 6. Инвентарь поселения Черемуховый куст (по В.А. Заху):
1, 2, 5, 16 — глина; 6, 9 — камень; 8, 10 — кость; остальное — кость

Немногие комплексы могут претендовать на роль опорных для изучения федоровской культуры и среди могильников эпохи бронзы, раскопанных в рассматриваемом регионе. Большая серия федоровских захоронений была выявлена в начале текущего столетия в курганах у пос. Сосновского, Смолино, Синеглазово, Исаковского и Сухомесовского, находившихся к югу от г. Челябинска [Андроновская культура..., 1966, с. 22–33, табл. II, 10; V, 8, 9, 11; VI, 1, 3–5, 7–9; VII, 3, 13; VIII, 2], у с. Нурбаково в междуречье Исети и Миасса [Там же, с. 18, табл. II, 1–3] и в других пунктах. Однако для полноценной харак-

теристики данных погребальных сооружений и их материалов недостатает многих принципиально важных деталей⁶.

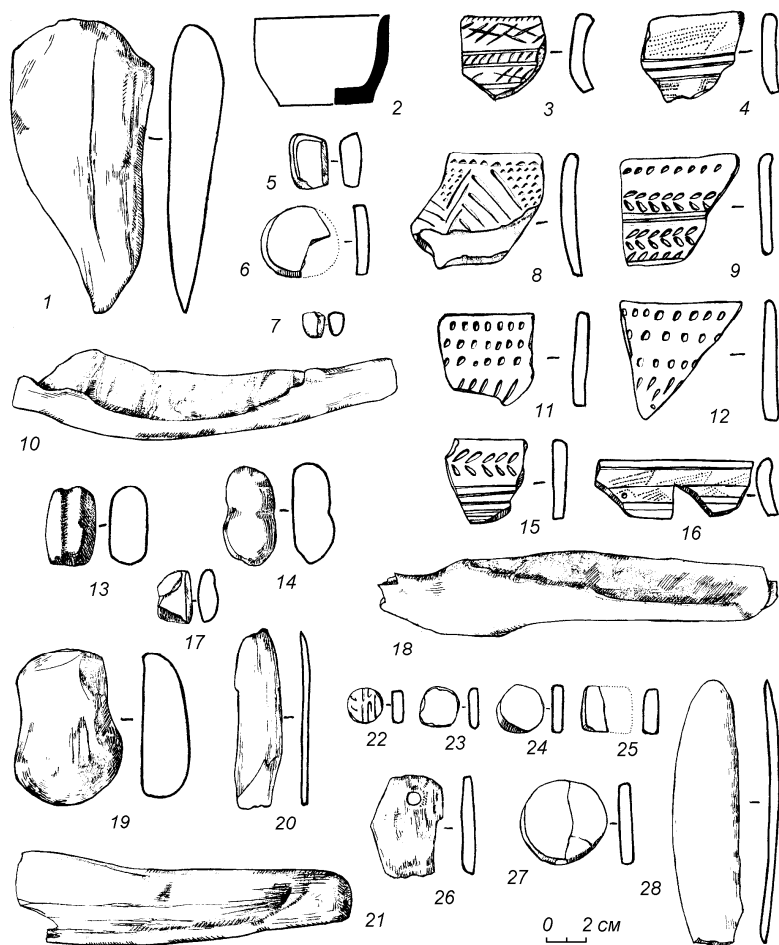

Рис. 7. Керамика и инвентарь федоровского зольника поселения Щетково-2:
1, 10, 18, 20, 21, 26, 28 — кость; 5, 7, 17, 19 — камень; остальное — керамика

Первыми из обстоятельно изученных усыпальниц рассматриваемого типа стали шесть курганов с семью захоронениями, которые были исследованы в 1936 г. К.В. Сальниковым [1940] в могильнике у

⁶ Так, только в 1968 г. Е.Е. Кузьминой [1973, с. 156] было установлено наличие каменных оград в курганах первой и второй групп Смолинского могильника, раскопки которого вел в 1907–1908 гг. Н.К. Минко.

с. Федоровка на правобережье р. Миасс. Происходящие из них материалы до сих пор характеризуются специалистами как эталонные федоровские. Не оспаривая этого утверждения в отношении большинства изученных погребальных сооружений, нельзя не заметить, что оба горшка из мог. 1 кург. 39 данного памятника [Там же, табл. I, 2, 3; Андроновская культура..., 1966, табл. IX, 2, 6] несут на себе отчетливые признаки черкаскульского гончарства. Впрочем, достаточно длительное функционирование некрополя следует предполагать уже на том основании, что в его состав входило не менее 148 усыпальниц.

Более десятка могил с останками кремированных умерших исследовано в начале 60-х гг. В.С. Стоколосом [1968; Андроновская культура..., 1966, с. 21, табл. V, 1–7] на площади могильника Черняки-2, расположенного на левобережье Миасса. Примерно столько же захоронений изучено Е.Е. Кузьминой [1973] в шести курганах могильника Туктубаево, который находился на правом берегу той же реки. Примечательно, что в коллекции с этого памятника также присутствуют черкаскульские сосуды [Там же, рис. 1, 9–12]. Еще 11 погребений выявлено в 1979 и 1980 гг. екатеринбургскими археологами в шести исследованных ими курганах могильника Урефты-1, находящегося к северу от Челябинска [Стефанов и др., 1983].

Приведенные материалы позволяют констатировать, что федоровские погребальные комплексы изучены в лесостепном Зауралье значительно менее полно, чем алакульские, и отнюдь не повсеместно, а лишь в западной части рассматриваемого района. В более восточных, притобольских, областях на сегодняшний день известны только единичные федоровские захоронения, изученные в могильниках Субботино [Потемкина, 1985, с. 238–239] и Карьер-2 [Корочкова и др., 1991, с. 78]. Тем не менее имеющиеся источники позволяют в общих чертах охарактеризовать специфику погребальных сооружений и ритуалов зауральских федоровских групп, которая становится особенно очевидной в контексте уже проведенного нами анализа аналогичных сооружений и обрядов алакульского населения.

Нет оснований сомневаться в том, что в федоровской среде так же, как и в алакульской, существовала традиция курганных захоронений. Земляные холмики над могилами умерших члены федоровских общин, видимо, тоже сооружали из дерна, поскольку под этими «насыпями» нередко фиксируются хорошо сохранившиеся глинистые выбросы из могил, лежащие на погребенном гумусовом горизонте. Отличительной чертой большинства федоровских усыпальниц Челябинского района является наличие в них невысоких каменных оградок, окружавших захоронения (рис. 8). Диаметр этих конструкций колеблется от 6 до 14 м. Возводились они чаще всего на погребенной почве, причем до перекрытия усыпальницы пластами дернины. В отдельных курганах ограды сооружались непосредственно на выбросах из могил. Обычно камни укладывали на землю в один или два-три

ряда, иногда — при использовании плит — вкапывали последние в грунт. При раскопках некоторых погребальных комплексов зафиксированы каменные ограды с пристройками. В долине Тобола, где нет выходов камня, аналогичных конструкций не зафиксировано.

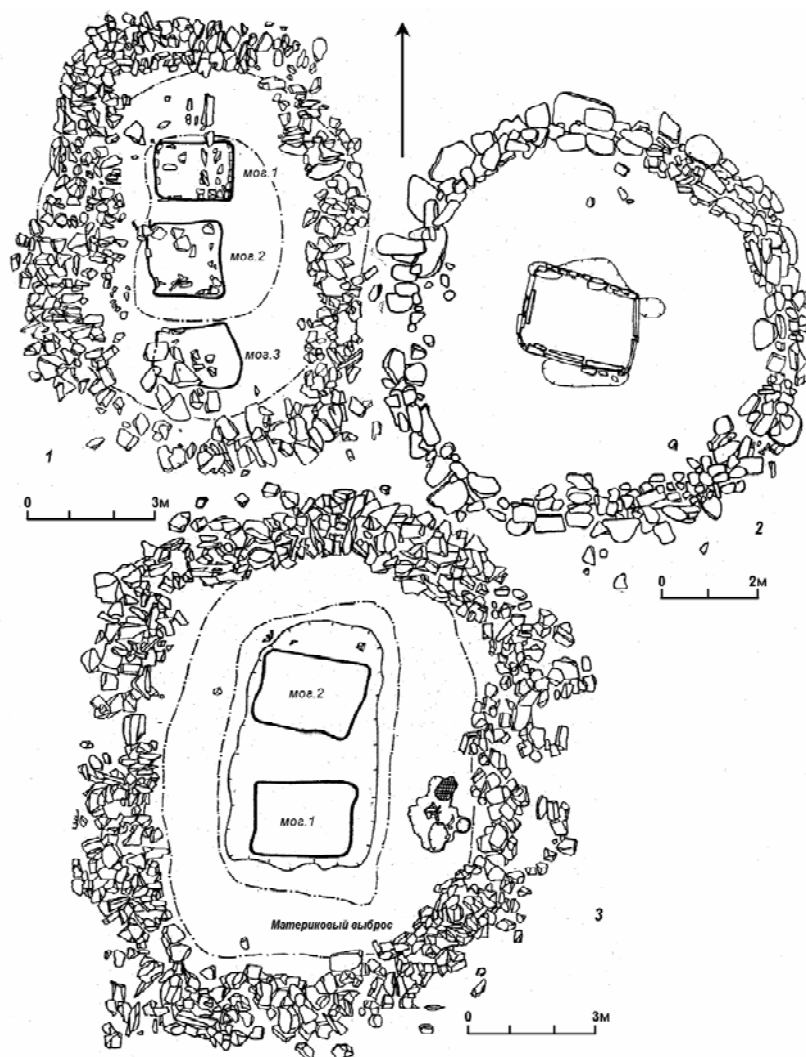

Рис. 8. Федоровские курганы могильника Урефты-1
(по В.И. Стефанову, С.А. Днепрову и О.Н. Корочковой):
1 — курган 6; 2 — курган 1; 3 — курган 7

Среди изученных федоровских курганов, диаметр которых варьируется от 6,5 до 30 м, нет многомогильных, довольно характерных

для уже проанализированной нами серии алакульских погребальных сооружений. В рассматриваемой выборке доминируют одно- и двухмогильные комплексы, по три-четыре захоронения содержат единичные объекты. Все изученные в них гробницы, если пользоваться классификацией алакульских могильных ям, принадлежат к разряду крупных. Эти обстоятельства позволяют предполагать, что зауральские федоровские группы, в отличие от алакульских, не использовали курганы для захоронения детей. Наличие отдельных детских кладбищ у федоровского населения Западной Сибири констатировали М.П. Грязнов [1956а, с. 22–25] и В.И. Молодин [1984; 1985, с. 109–113]. В Зауралье подобных комплексов пока не выявлено, но нет сомнений в том, что они существовали и будут обнаружены в ходе дальнейших полевых исследований.

Размещение детских захоронений за пределами курганов обусловило, видимо, не только синхронное развитие в федоровской среде традиций курганных и грунтовых погребений, но и сложение отличной от алакульской планировки федоровских усыпальниц, для которых типично не концентрическое, а линейное расположение могил. Последняя особенность присуща также федоровским курганам сопредельных с Зауральем областей Урало-Казахстанского региона [Малютина, 1994, с. 10]. При этом могилы чаще всего располагались на подкурганной площадке параллельно одна другой и были ориентированы с востока на запад или в смежных направлениях.

Общими чертами федоровских и алакульских могил являлось сооружение во многих из них деревянных домовин, перекрытие и тех и других бревенчатым накатом. Спецификой внутренней отделки погребальных камер, исследованных в курганах причелябинского района, можно считать эпизодическое использование камней.

Одной из наиболее ярких особенностей погребальной обрядности зауральских федоровских общин выступает кремация ими всех или почти всех умерших взрослых. Во всяком случае, федоровских захоронений с остатками труположения в рассматриваемом регионе пока не выявлено.

Не была, видимо, характерна для изучаемой группировки и традиция жертвоприношения домашнего скота в ходе погребальных церемоний. Лишь в единичных случаях зафиксированы остатки забитых животных и в федоровских могильниках, исследованных в ближайших сопредельных областях [Кузьмина, 1975, с. 223]. Вместе с тем в захоронениях найдены ребра и другие кости коров и лошадей, которые можно рассматривать как свидетельства снабжения умерших мясной пищей, очень редко помещавшейся в могилы алакульским населением. Как в алакульских, так и в федоровских погребальных комплексах обнаружены останки собак [Кузьмина, 1975, с. 226; 1994, с. 43; Сальников, 1940, с. 64].

Характерной чертой федоровских керамических комплексов, происходящих с территории Зауралья, является их высокое морфологическое, орнаментальное и функциональное разнообразие (рис. 2, 4, 5, 9; табл. 2). Большинство из типов посуды, составляющих эти комплексы, достаточно полно представлены в материалах поселений, но есть и такие, которые встречаются только в могильниках. По форме рассматриваемая керамика подразделяется на банки, емкости баночно-горшечного облика, горшки и весьма своеобразные невысокие четырехугольные (иногда с ушками) блюда, которые в отличие от посуды перечисленных выше групп не находят аналогий среди изделий алакульских гончаров и использовались, скорее всего, только в погребальной обрядности⁷. Доля баночных сосудов в федоровских комплексах значительно выше, чем в алакульских (до 25 %), баночно-горшечные формы и преобладающие в могильниках горшки представлены в основном плавно профилированными емкостями⁸.

Принцип построения орнамента на федоровской посуде — горизонтально-ленточный, как и на алакульской. Однако реализован он был в значительно большем наборе композиционных схем. Одни из них подчеркивали самостоятельность основных морфологических зон сосудов, другие следовали им с большей или меньшей точностью, наконец, третьи не учитывали их вовсе. Приемы орнаментации федоровской керамики разнообразнее, чем алакульской. По большому счету среди последних примерно равными долями представлены раппорты, выполненные гладким штампом или нарезкой, гребенкой, а также разнообразными вдавлениями — уголковыми, круглыми или овальными. Вполне самостоятельным способом украшения федоровской посуды выступала и желобчатая техника, частота использования которой была чуть ниже, чем названных, или сопоставима с ними. При этом едва ли не половина банок и сосудов баночно-горшечной формы, доминирующих в материалах поселений, орнаментировалась резным способом или гладким штампом, а примерно такая же часть горшков — гребенчатыми оттисками. Более характерны для первой морфологической группы валики, для последней — каннелюры.

Для слабо профилированной федоровской керамики типична простая и однообразная орнаментация, в которой доминируют горизонтальные пояски косо поставленных оттисков, вертикальные и горизонтальные зигзаги, часто образующие широкие орнаментальные поля (рис. 4, 2, 3, 7, 8, 11, 12, 15, 16, 27). Декор горшков значительно богаче, в нем четче выражена зональность, разнообразнее набор

⁷ На это, в частности, указывает отсутствие таких блюд в материалах исследованных поселений и очень слабый обжиг большинства данных изделий, наводящий на мысль о том, что многие из них изготавливались накануне похорон.

⁸ Сосуды со слабо выраженными уступчиками встречаются только в комплексах амангельдинского типа, переходный алакульско-федоровский характер которых нами уже отмечался.

узор, среди которых значительную роль играют геометрические (рис. 5, 9). Шейку нередко украшали «косыми» или прямоугольными треугольниками, в том числе с «бахромой» из подтреугольных или полупунных вдавлений, тулово — меандровыми композициями, иногда довольно сложными, включающими треугольные фигуры. Изящно выглядели на горшках, впрочем, и более простые зигзаговые узоры, наносившиеся мелкой гребенкой. Придонная часть федоровских сосудов, в отличие от алакульских, украшалась не часто, еще реже орнаментировались днища.

Таблица 2

**Частота встречаемости основных морфологических
и орнаментальных признаков в керамических комплексах
федоровских поселений Зауралья**

Признак	Черемуховый Куст				Щетково-2 (раскоп 1)			
	Шейки		Стенки		Шейки		Стенки	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Морфологические признаки посуды*								
Хорошо профилированные горшки	121	24,3	—	—	4	6,3	—	—
Баночно-горшечные сосуды	257	52,1	—	—	44	69,9	—	—
Банки	115	23,3	—	—	15	23,8	—	—
Детали профилировки**								
Наплыв наружу по верху шейки	33	8,0	—	—	16	4,1	—	—
Каннелюры	98	23,7	24	16,3	25	6,5	100	13,7
Валик	23	5,6	—	—	8	2,0	—	—
«Воротничок»	12	2,9	—	—	13	3,4	—	—
Жемчужины	7	1,7	—	—	2	0,5	1	0,1
Техника орнаментации								
Гребенчатый штамп	176	42,6	59	4,0	69	18,0	215	29,5
Гладкий штамп	78	18,9	23	15,6	67	17,5	202	27,7
Резная	36	8,7	18	12,2	43	11,2	124	17,0
Вдавления	112	27,1	10	6,8	87	22,8	210	28,8
Орнаментальные мотивы								
Горизонтальный зигзаг	51	12,3	19	12,9	20	5,2	71	9,7
Вертикальный зигзаг	69	16,7	27	18,4	50	13,0	118	16,2
Наклонные линии	42	10,2	13	8,8	41	10,7	78	10,7
Короткие вертикальные линии	8	1,9	6	4,0	2	0,5	2	0,3
Сетка	19	4,6	3	2,0	11	2,9	11	1,5
Заштрихованные ленты	8	1,9	2	1,4	7	1,9	51	6,9
Наклонные «лесенки»	3	0,7	4	2,7	—	—	7	1,0
Меандр	—	—	14	9,5	—	—	39	5,3
«Косые» треугольники вершиной вверх	45	10,9	—	—	23	6,0	13	1,8
Равнобедренные треугольники	18	4,3	5	3,4	3	0,8	26	3,6
Ромбы	2	0,5	1	0,7	2	0,5	13	1,8
Прочие	40	9,7	7	4,8	19	5,0	74	10,2
Не орнаментировано	31	7,5	10	6,8	44	11,5	—	—

* От количества сосудов с известной профилировкой (Черемуховый Куст — 493 экз.; Щетково-2 — 63 экз.).

** От количества проанализированных фрагментов (Черемуховый Куст — 413 шеек и 147 стенок; Щетково-2 — 382 шейки и 730 стенок).

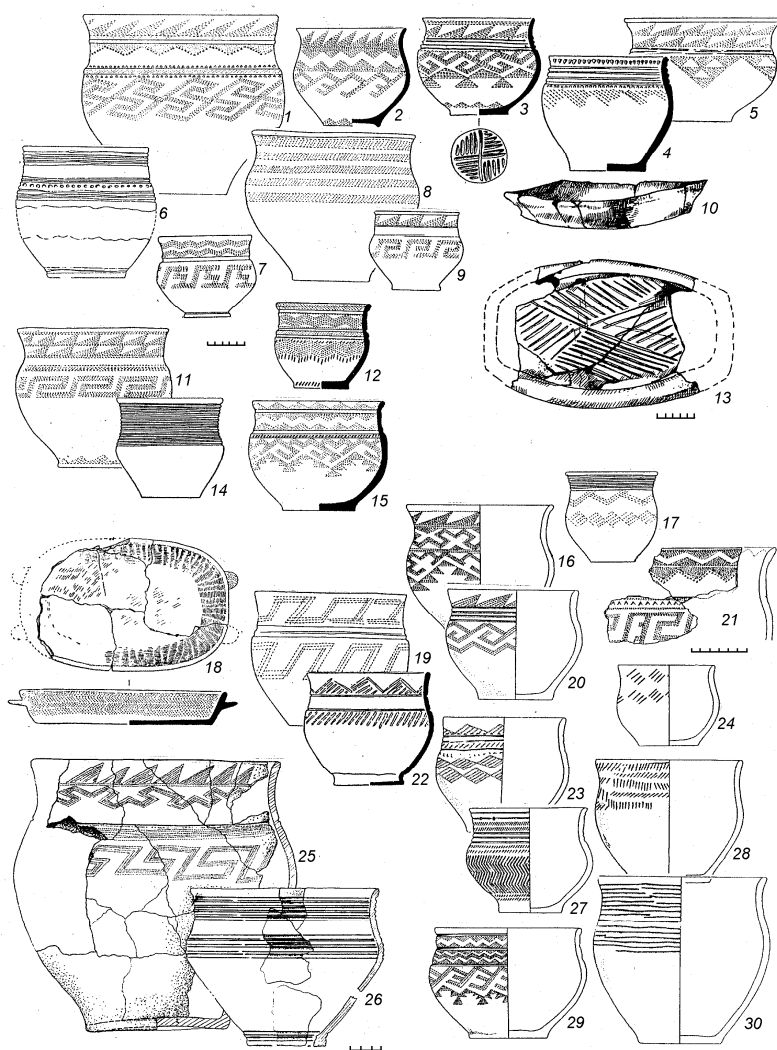

Рис. 9. Сосуды из зауральских федоровских могильников:
 1, 8, 11, 12, 15, 18 — Федоровка, кург. 39; 2 — Исаково, кург. 14; 3, 4 — Сухомесово, кург. 6; 5 — Сосновский, кург. 2; 6, 14 — Федоровка, кург. 38; 7, 17 — Федоровка, кург. 42; 9 — Федоровка, кург. 60; 10, 20, 23, 27 — Урефты-1, кург. 4; 13, 16, 24, 29 — Урефты-1, курган 6; 19 — Смолино, кург. 2; 21 — Урефты-1, кург. 1; 22 — Смолино, кург. 11; 25, 26 — Субботино, кург. 3; 28, 30 — Урефты-1, кург. 7

Инвентарь зауральских памятников федоровской культуры сравнительно невелик. Бронзовые изделия представлены двумя ножами-кинжалами срубно-андроновского типа из могильника Урефты-1 [Стефанов и др., 1983, рис. 2, 5, 8], а также серией предметов с поселения Че-

ремуховый Куст: обломком втульчатого наконечника стрелы, шилом, втульчатым долотом (рис. 6, 8) и крупным крюкастым серпом (рис. 6, 11). Все перечисленные артефакты находят широкие аналогии в евразийских комплексах эпохи бронзы. К каменным орудиям труда относятся песты, обнаруженные на селищах Дуванское-17 и Черемуховый Куст, обломки точил с первого из названных памятников. Со второго происходят фрагмент каменного пряслица, серия миниатюрных галек с ровной, отполированной до блеска рабочей гранью, которые могли использоваться для обработки металла, шкур и кож или для лощения сосудов (рис. 6, 6, 9). Несколько таких же орудий обнаружено при раскопках поселения Щетково-2 (рис. 7, 5, 7, 17). В коллекцию с Черемухового Куста входят также более 50 камней со следами сработанности и каменная бусина.

Обычной находкой на исследованных поселениях являются глиняные круглые или овально-подпрямоугольные в плане и слегка уплощенные в разрезе грузила с одним или двумя желобками (рис. 6, 1, 2), обломки тиглей, пряслица (рис. 6, 5), фрагменты очажных кирпичиков, керамические диски с отверстиями (рис. 6, 16) и обточенные по периметру черепки без сверлин, которые допустимо считать игральными фишками (рис. 7, 6, 22–25, 27). При раскопках селища Черемуховый Куст обнаружено несколько изготовленных из обломков посуды форм для отливки мелких украшений.

Только в материалах поселений представлены поделки из кости. К ним относятся более полутора десятков черешковых наконечников стрел с подтреугольным и ромбическим пером, различных в сечении (рис. 6, 11–13, 17–20), серия хорошо обработанных и сильно заполированных проколов, изготовленных из расколотых костей (рис. 6, 7), целые и в обломках трепала (тупики), в качестве которых использовались нижние челюсти лошадей и коров. К этой же категории предметов принадлежат обработанные альчики мелкого рогатого скота, трубка-раздойник, срез с эпифиза кости довольно крупного животного, имеющий сквозное отверстие в центре и напоминающий по своим очертаниям фигуру утки (рис. 6, 15), а также многочисленные обломки костяных орудий неизвестного назначения, происходящие с Черемухового Куста.

В материалах этого же селища присутствует тщательно обработанный и сильно заполированный костяной вюрфель в форме параллелепипеда с двумя полусферическими торцовыми поверхностями и четырьмя основными плоскими гранями, на которых нарезкой изображены идеограммы I, II, III и X (рис. 6, 4). Аналогичные игральные кости известны в срубных, алакульских, федоровских и более поздних материалах поселений Коркино-1, Мирный-2, Юкалекулево, Язев-1 и других, а также в Еловском-2 могильнике [Зах, 1995, с. 54, 55; Потемкина, 1985, рис. 17, 10; Обыденнов, 1986, рис. 3, 18; Стефанов, 1996, рис. 4, 3; Черных и др., 1999, рис. 14]. При раскопках Черемухового Куста обнаружен костяной стержень, который, судя по всему, собирався расчленив на заготовки подобных же предметов (рис. 6, 14).

Аналогичная технология изготовления игральных костей использовалась жителями срубного поселения Горный [Антипина, 1999, рис. 3].

Происхождение и хронология

Тесно сопряженные между собой вопросы генезиса федоровской культуры и датировки ее памятников всегда вызвали оживленное обсуждение. В полной мере это характерно и для современного этапа археологического изучения Зауралья и сопредельных областей. Неоконченная дискуссия вокруг обозначенных тем, к которым со временем добавилась еще одна, связанная с периодизацией федоровских древностей, показывает, что ключевой среди них была и остается проблема хронологического соотношения рассматриваемых комплексов с алакульскими. По-разному отвечая на вопросы, где и когда сформировалась федоровская культура, Е.Е. Кузьмина и Т.М. Потемкина солидарны в том, что федоровские и алакульские группы не только обитали в Урало-Казахстанском регионе в один и тот же период, но и активно взаимодействовали. При этом прародиной федоровского населения Е.Е. Кузьмина предположительно считает территорию Центрального и, возможно, Восточного Казахстана, а Т.М. Потемкина помещает эту область к северу от алакульских земель [Кузьмина, 1994, с. 44, 45, 118, 119, 228; Потемкина, 1985, с. 270–273]. Синхронизируют памятники рассматриваемых культур и многие другие исследователи [Бухонина, 1984; Евдокимов, 1983; Кадырбаев, 1983; Корочкова, 1999; Сотникова, 1988а; Усманова, 1991; и др.], среди которых лишь Н.А. и А.А. Ткачевы рискнули выдвинуть свою концепцию формирования федоровского сообщества, определив районом его сложения территорию Восточного Казахстана [Ткачев А.А., 1991, 1992; Ткачева, 1997]. Более позднюю датировку федоровских комплексов по сравнению с алакульскими и соответственно свое видение проблемы генезиса федоровской культуры отстаивают Г.Б. Зданович [1984а, б; 1988, с. 7, 127] и Т.С. Малютина [1991, 1994].

Наличие алакульских и федоровских древностей во всех районах Зауралья, а также отсутствие на данной территории четко стратифицированных памятников с соответствующими слоями и артефактами заставляют искать новые подходы к решению проблемы хронологического соотношения названных комплексов. Помочь в этом может использование ареальных методов, эффективность и надежность которых осознается большинством исследователей, но которые, тем не менее, не получили должной разработки в отечественной археологии. Не ставя перед собой задачи их сколько-нибудь подробной характеристики, заметим, что ответ на вопрос, синхронны или разновременны зауральские алакульские и федоровские памятники, может быть напрямую связан с другим: имеются или нет свидетельства взаимодействия в указанном районе носителей соответствующих культурных традиций.

Весьма показательным в этом отношении является открытие и алакульских, и федоровских комплексов в подтаежном Притоболье, где ранее андроновские памятники были почти не изучены. Алакульская атрибуция Чистосебяжского и Хрипуновского могильников, а также поселения Ук-3, расположенных у самой кромки западно-сибирской тайги, ставит под сомнение тезисы Т.М. Потемкиной о формировании федоровской культуры примерно в тот же период, что и алакульской, но только в более северной зоне, и о синхронном развитии данных культур на разных территориях. Следуя взглядам этого исследователя, логично было бы предполагать, что Приисетье, а также лесная часть долины Тобола и являлись теми районами, откуда в более южную алакульскую среду со временем стало просачиваться федоровское население. Однако тот факт, что названные области тоже были заселены алакульскими группами, исключает данную гипотезу.

Нет оснований искать прародину федоровского населения и в более северных областях. Это допущение следует признать не корректным по хозяйственно-культурному критерию, поскольку имеющиеся данные о скотоводческой направленности экономики федоровских общин, адаптированности к ней жилых сооружений данных групп и высокой породности разводившихся ими домашних животных противоречат мысли о том, что названные черты рассматриваемой культуры могли сложиться в лесной полосе Урала и Западной Сибири.

Узко локальный взгляд на проблему хронологического соотношения памятников разных типов при всех его недостатках позволяет безошибочно определить, к одному или разным периодам относятся сравниваемые комплексы. В нашем случае нет никаких сомнений в том, что подтаежные алакульские и федоровские памятники разновременны. Публикуя материалы поселения Дуванское-17, О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов [1983, с. 148] подчеркнули отсутствие среди его посуды алакульских гончарных изделий. То же самое отметил В.А. Зах [1995, с. 51] при анализе материалов селища Черемуховый Куст. Нет собственно федоровской керамики и в алакульских памятниках данного района. Иными словами, никаких свидетельств синхронного обживания алакульскими и федоровскими группами территории подтаежного Притоболья или их контактов в данном районе до сих пор не зафиксировано. Совершенно иная картина, заметим, наблюдается в более поздний период, когда здесь начинается взаимодействие алексеевско-саргаринских групп с бархатовскими, а последних еще и с гамаюнскими, что прекрасно фиксируется при раскопках поселений благодаря наличию в их материалах керамики чужеродного облика [Матвеев, Бурлина, 1990, с. 110; Потемкина, 1985, с. 53, 59, 63, 91, 97, 99].

Сказанное, конечно, не означает, что в керамических коллекциях, полученных при раскопках Ука-3, а также Чистосебяжского и Хрипуновского могильников, отсутствуют орнаментальные мотивы, напоминающие федоровские. «Косые» треугольники и меандры, а также другие

«псевдофедоровские» узоры встречаются на посуде этих памятников. Однако рассматривать их как очередное свидетельство алакульско-федоровских контактов, полученное на этот раз будто бы на границах западно-сибирской тайги, нет решительно никаких оснований. Те же треугольные фигуры со смещенной в сторону вершиной можно обнаружить на некоторых сосудах Синташтинского археологического комплекса на Южном Урале [Генинг В.Ф. и др., 1992, рис. 25, 5; 55, 4; 137, 2, 10; 187, 2; 208, 1 и др.], в материалах петровских городищ и некрополей Северного Казахстана [Зданович Г.Б., 1988, рис. 7, 12; 32, 3; и др.], погребовских захоронений в Поволжье [Васильев и др., 1994, рис. 21, 3; 24, 2] и других памятников доалакульского периода. Но все эти факты свидетельствуют лишь о том, что многие орнаментальные мотивы бытовали и развивались в среде урало-казахстанского населения задолго до того, как образовали специфически федоровские комбинации⁹.

К сказанному следует добавить, что материалы Чистобеляжского могильника дали неопровержимые свидетельства контактов северных алакульских групп с инокультурным окружением, но не с федоровцами, а с носителями ташковской культуры, принадлежность которой к дофедоровскому периоду не вызывает сомнений.

Вывод о разновременности алакульских и федоровских комплексов, исследованных в подтаежной части долины Тобола, можно распространить и на лесостепные районы Притоболья, поскольку лежащие в основе этого заключения источники значительно более информативны, чем те, которые использовала Т.М. Потемкина. На юге Тюменской области к настоящему времени исследованы и чисто алакульские памятники, и однослойные федоровские поселения, причем с остатками стационарных и долговременных полужемляночных жилищ. В Курганской же области федоровская керамика происходит главным образом с многослойных и слабо стратифицированных селищ, однозначно интерпретировать материалы которых невозможно. Не дал четких свидетельств относительной хронологии алакульских и федоровских захоронений и могильник Субботино [Потемкина, 1985, с. 238]. Эта неопределенность, видимо, и привела к тому, что из разработанной ею периодизации лесостепных притобольских памятников бронзового века выпал этап, связанный с формированием и развитием федоровской культуры.

Не можем мы согласиться и с доводами Е.Е. Кузьминой, предполагающей одновременное освоение Зауралья алакульскими и федоровскими группами. Наиболее веский из аргументов в пользу данной точки зрения в концепции исследователя — заключение о наличии в указанном регионе закрытых комплексов с алакульской и федоровской посудой [Кузьмина, 1994, с. 44]. Обращение к материалам этих памятников показывает, однако, что рассматривать их в качестве

⁹ Некоторые этапы вызревания федоровского орнаментального стиля в процессе эволюции алакульского декора демонстрируют и материалы алакульских могильников подтаежного Притоболья [Матвеев, 1998, с. 290, рис. 80].

доказательств подобного утверждения нельзя. Так, федоровские захоронения могильников Нурбаково и Урефты-1, вопреки мнению ученого, не содержали алакульской керамики (см.: [Андроновская культура..., 1966, с. 18, табл. II, 1–3; Стефанов и др., 1983, рис. 2]). Подчеркивает разновременность данных типов посуды исследование на площади последнего памятника совершенно самостоятельного алакульского кургана 2 с 17 могилами и более чем 70 сосудами (см.: [Стефанов и др., 1983, с. 155]). Не могут служить основанием для вывода о длительном сосуществовании алакульских и федоровских общин и материалы упоминаемых Е.Е. Кузьминой в том же контексте могильников Исаковского, Сухомесовского и Сосновского, поскольку их раскопки недостаточно полно документированы. Что же касается отдельных захоронений могильников Черняки-2, Субботино и Кинзерского, то все эти объекты, с нашей точки зрения, допустимо относить к кругу амангельдинских, демонстрирующих трансформацию алакульской культуры в федоровскую и поэтому отражающих вполне естественное, хотя и непродолжительное, сосуществование старых и новых форм.

Специально останавливаться на вопросе о хронологическом соотношении алакульской и федоровской культур в сопредельных областях нет особого смысла. На материалах Урало-Казахстанского региона он уже обстоятельно проанализирован Г.Б. Здановичем и Т.С. Малютиной, выводы которых полностью соответствуют нашим заключениям. Можно лишь заметить, что на территории Казахстана к настоящему времени стал известен ряд памятников, стратиграфия которых подтверждает более позднюю датировку федоровских комплексов по сравнению с алакульскими¹⁰.

Приведенные материалы, свидетельствующие о последовательном существовании на территории Зауралья алакульской и федоровской культур, как нельзя лучше соответствуют выделению амангельдинских комплексов, которые на основании имеющихся стратиграфических и типологических данных должны рассматриваться как следовавшие во времени за позднеалакульскими (камышинскими) и имеющие ярко выраженный переходный алакульско-федоровский облик. Становление в рамках амангельдинской фазы федоровских культурных стереотипов демонстрируют преимущественно одномогильный характер зауральских курганов этого периода и появление на их площади каменных оградок, отсутствие в исследованных усыпальницах могил, относящихся, по нашей классификации, к группе малых (что указывает на появление обособленных детских кладбищ) и переход населения к кремации умерших¹¹, затухание традиции жертвоприно-

¹⁰ Речь идет о поселениях Акимбек [Варфоломеев и др., 1988], Атасу [Курманкулов, 1987; Зданович Г.Б., 1988, с. 126, 127; Малютина, 1994, с. 21] и некоторых других.

¹¹ Отсутствию следов трупосожжений в могильнике Амангельды-1 из восточной части алакульского ареала соответствует значительная роль обряда ингумации, характерная для федоровских общин Северного Казахстана и вообще восточных федоровских групп.

шения домашнего скота в ходе погребальных и поминальных церемоний, а также появление новой, предполагавшей снабжение усопших кусками говядины или конины. В качестве протофедоровских черт можно рассматривать пышную орнаментацию амангельдинских горшков, а также наличие среди них не только сосудов с уступчиками, сходных с классическими алакульскими, но и плавно профилированных емкостей типично федоровского облика. Незнание поселенческих комплексов, характеризующих рассматриваемый отрезок времени, не дает пока оснований судить, насколько велико сходство амангельдинской и собственно федоровской бытовой посуды.

Тем не менее заключения о послеалакульском возрасте федоровских древностей и переходном характере материалов амангельдинских памятников не оставляют у нас сомнений в том, что федоровская культура сложилась на основе алакульской. Дополнительными аргументами в пользу этой точки зрения могут служить многочисленные алакульско-федоровские культурные параллели: сходство основных типов жилых построек и очажных устройств, наличие на поселениях зольников, ярко выраженная скотоводческая направленность хозяйства тех и других групп, преимущественное разведение ими крупного рогатого скота и отсутствие среди домашних животных свиней, близость наборов производственного и бытового инвентаря в материалах исследованных селищ, аналогичная ориентация могильных ям и сходная конструкция внутримогильных сооружений, присутствие в изученных погребальных комплексах останков собак и т.д.

Обнаружение комплексов амангельдинского типа как в южно-уральском районе, так и на территории Северного Казахстана свидетельствует о том, что перерастание алакульской культуры в федоровскую происходило едва ли не во всех областях, которые были заселены алакульскими группами, за исключением, быть может, периферийных зон их обитания. В свете всего сказанного ясно, что лесостепная полоса Зауралья и ряд сопредельных областей вполне могут рассматриваться как прародина федоровского населения и его культуры¹².

В последние годы дан импульс разработке относительно новой для андроноведения темы, связанной с периодизацией федоровских древностей. Е.Е. Кузьмина [1994, с. 43–45, 115–116] расчленяет рассматриваемые комплексы на две хронологические группы. К древнейшей из них ею отнесены памятники, для которых характерны горшки строгих и вместе с тем изящных пропорций, основным морфологическим зонам которых — шейке, плечикам и тулову — точно соответству-

¹² К сожалению, оценить справедливость этого вывода применительно к федоровским популяциям в ходе анализа палеоантропологических источников оказывается невозможным из-за крайней малочисленности происходящей с территории Зауралья алакульской краниологической серии и фактически полного отсутствия сравнительного материала по федоровским группам данных областей, в среде которых доминировал обряд кремации умерших.

ют самостоятельные в декоративном отношении бордюры. Таковыми объектами Е.Е. Кузьмина считает погребальные сооружения, изученные в могильниках Субботино (кург. 2, мог. 4), Урефты-1, Черняки-2 (кург. 1, мог. 3; кург. 4, мог. 4), Кинзерский (кург. 1 и 32) и др. Более поздняя группа представлена, согласно точке зрения ученого, памятниками, в коллекциях с которых присутствуют раздутые горшки с искаженными пропорциями и нарушенной связью между орнаментальными и морфологическими зонами. К ней Е.Е. Кузьминой отнесены могильники Туктубаево, Ново-Бурино, Приплодный Лог, периферийные усыпальницы Кинзерского некрополя и т.д. Близкая направленность эволюции федоровской керамики реконструирована Т.С. Малютиной [1994, с. 22, рис. на с. 25–27]. Признает разделение федоровских комплексов на ранние и поздние также Г.Б. Зданович [1988, с. 100].

Не приходится сомневаться в том, что основные тенденции развития гончарного производства в зауральской федоровской среде нашли в работах указанных исследователей довольно точное отражение. Вместе с тем намеченная ими схема нуждается, на наш взгляд, в существенных уточнениях.

Необходимость этого нагляднее всего демонстрирует парадоксальная особенность перечня памятников, которые оказались отнесены к числу позднефедоровских: все включенные в него объекты действительно моложе классических федоровских, но федоровскими не являются. Справедливое мнение о том, что Ново-Буринский могильник правильнее характеризовать как черкасульский, высказывали многие ученые [Кузьмина, 1973, с. 161; Стоколос, 1972, с. 86–87; Шорин, 1988, с. 10]. Аналогичным образом следует интерпретировать материалы третьей группы курганов могильника Приплодный Лог [Малютина, 1984, с. 70–73, рис. 6, 7], поздний комплекс могильника Путиловская Заимка-2 [Зданович Г.Б., 1988, с. 91–100, рис. 40], курганы 11, 26, 32 и 33 могильника Туктубаево [Кузьмина, 1973, с. 160, рис. 1, 2, 4–6, 8–12; 3, 1–4], курганы 15, 16, 60–62 Кинзерского некрополя [Кузьмина, 1975, рис. 1, 3; 2, 6, 8, 9; табл.]. Сказанное не исключает перспективы расчленения федоровских памятников на классические и следовавшие за ними во времени, но показывает, что она остается не реализованной, поскольку за термином «позднефедоровские» в настоящее время скрываются комплексы черкасульского типа. Изложенные соображения заставляют нас констатировать, что на современном этапе изучения федоровских древностей Зауралья разбить их на хронологические группы не удастся¹³.

¹³ Весьма показательны в этом отношении результаты, полученные В.А. Захом. Напротив некоторые тенденции развития морфологических и орнаментальных особенностей керамики Черемухового Куста, он вынужден был признать, что, несмотря на некоторые различия, посуда, обнаруженная в разных жилищах поселения, очень близка между собой и образует единый культурно-хронологический комплекс [Зах, 1995, с. 45–49].

В контексте сделанного нами вывода о тождестве так называемых «позднефедоровских» и черкаскульских комплексов Зауралья важно отметить, что немногочисленная керамика, напоминающая черкаскульскую, представлена на многих федоровских памятниках Зауралья, которые, следуя взглядам Г.Б. Здановича, Е.Е. Кузьминой и Т.С. Малютиной, вряд ли правомерно считать позднефедоровскими. Таковыми являются селища Черемуховый Куст [Зах, 1995, с. 50, 51, рис. 5, 9; 8, 4; 11, 2, 7; 24, 2, 12; 28, 7; 29, 3, 7, 9; и др.], Дуванское-17 [Корочкова, Стефанов, 1983, с. 148, 150], могильник Урефты-1 [Стефанов и др., 1983, с. 163, рис. 2, 2] и др. В могиле 1 кургана 39 Федоровского некрополя сосуд с отчетливо выраженными черкаскульскими морфологическими и орнаментальными признаками находился вместе с классическим федоровским горшком [Сальников, 1940, табл. I, 2, 3]. В этих фактах, количество которых можно было бы умножить, резонно усматривать прямую аналогию появлению единичных сосудов, так сказать, протофедоровского типа в керамических комплексах позднего и даже развитого этапа алакульской культуры, которое мы интерпретировали как свидетельство зарождения элементов федоровского декоративного стиля в недрах предшествующей эпохи [Матвеев, 1998, с. 290, рис. 80]. Очевидно, что подобные процессы шли и позднее, в рамках федоровского периода.

Таким образом, рассмотренные в настоящей главе памятники, на наш взгляд, вполне правомерно характеризовать как еще более однородную совокупность, чем проанализированный выше массив алакульских древностей. Подтверждают эту мысль и комплексы федоровского типа, которые изучены к настоящему времени в сопредельных областях.

В южно-уральском районе они представлены курганами 48, 70–72 Кинзерского могильника [Кузьмина, 1975, с. 222, 223, 226; Сальников, 1967, с. 255–257, рис. 34], ранними погребальными сооружениями могильника Путиловская Заимка-2 [Зданович Г.Б., 1988, рис. 38, 39], курганами 2, 6–8, 11 могильника Приплодный Лог [Малютина, 1984, с. 70, рис. 30], Сарафановским поселением [Чебакова, 1975, с. 92, 94, рис. 3, 6], в Северном Казахстане — материалами поселений Новоникольское-1 [Зданович Г.Б., 1988, с. 118, 119], Бишкуль-4 [Зайберт, Зданович Г.Б., 1974; Зданович Г.Б., 1988, с. 21, 22, рис. 2], Павловка [Малютина, 1990, с. 110–115], могильниками Бурлук-1 [Зданович Г.Б., 1988, с. 86–91], Боровое [Оразбаев, 1958], Биырек-Коль [Там же], поздними захоронениями могильника Алыпкаш [Бойко, Татаринцева, 1975], курганом 7 могильника Куропаткино-2 [Бухонина, 1984, с. 48, рис. 2, 8, 9] и другими объектами.

Неплохо исследованы комплексы того же типа в других областях Казахстана — центральных [Варфоломеев, 1989; Волошин, 1974; Евдокимов, 1982; Кадырбаев, 1983; Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Маргулан, Акишев, Кадырбаев и др., 1966, с. 63–78; Ткачев А.А., 1991;

Усманова, Варфоломеев, 1998; и др.] и восточных [Арсланова, 1973, 1975, 1983, с. 119–122; Археологические памятники..., 1987, с. 24–42; Ермолаева, Тепловодская, 1993; Куш, 1992; Ткачев А.А., Винокурова, 1994; Ткачев А.А., Ткачева, 1994; Ткачева, 1997; Ткачева, Брындина, 1994; Черников, 1960, табл. IV, V, XVII–XIX, LIII; и др.].

Довольно хорошо изучены федоровские памятники в прилегающей к Зауралью восточной части Западно-Сибирской равнины [Бобров, Михайлов, 1987; Виктор, Борзунов, 1974; Грязнов, 1956б, с. 29, 30; Елькин, 1967; Зах, 1997, с. 13, 39–56, рис. 7, 17–23; Мартынов, 1964; Матющенко, 1973; Молодин, 1985, с. 88–116; 1997; Молодин, Соболев, 1975; Савинов, Бобров, 1995а, б; Стефанов, Стефанова, 1990; Троицкая, 1969; Троицкая, Софеев, 1990; и др.], на Алтае [Абдулганеев, 1995; Грязнов, 1956а, с. 14–25, табл. II, III; Кирюшин, 1980, 1995а; Кирюшин, Ключин, 1985, с. 104–110; Кирюшин, Кунгуров, 1996; Кирюшин, Лузин, 1990, 1993; Кирюшин, Шамшин, 1992, с. 210, 211; Могильников, 1980б, 1997, 1998; Ситников, 1998; Уманский, 1967, 1995; Шамшин, Ченских, 1994, 1997; и др.], а также в Минусинской котловине [Вадецкая, 1986, с. 41–50; Гультов, 1995; Киселев, 1935; 1949, с. 40–62; Комарова, 1961; Комплекс археологических памятников..., 1979, с. 29; Максименков, 1978; Рахимов, 1968; и др.].

Керамика перечисленных памятников при некотором локальном своеобразии отличается единством основных морфологических, орнаментальных и функциональных признаков и заодно с зауральской может быть охарактеризована как классическая федоровская. Довольно однородными группами выглядят и относительно немногочисленные в рассматриваемой выборке поселенческие комплексы, и составляющие ее основу могильники, хотя основные черты погребальной обрядности федоровских групп не оставались неизменными в пространстве и демонстрируют возрастание роли обряда ингумации в восточных районах по сравнению с западными, а также увеличение вариативности конструкции погребальных сооружений в южных областях по сравнению с северными. Эти факты в совокупности с данными о том, что ареал памятников федоровского типа в пределах Западно-Сибирской равнины значительно шире, чем зона распространения алакульских и амангельдинских комплексов, позволяет характеризовать рассматриваемый период как время активного освоения федоровскими общинами районов, лежащих к востоку от областей расселения более древних андроновских групп.

Гипотеза об оттоке части зауральского населения на восток (см. также: [Бобров, 1987]) не противоречит тому факту, что в количественном отношении выявленные на рассматриваемой территории федоровские поселения и могильники уступают алакульским. Однако вполне вероятно, что связано это еще и с меньшей продолжительностью федоровского периода по сравнению с предшествовавшим. В пользу данного предположения говорит, в частности, то обстоятель-

ство, что федоровские комплексы, в отличие от алакульских, расчленились на отдельные хронологические группы пока не удается.

Впрочем, принять это допущение готовы, видимо, не все исследователи. Г.Б. Зданович, например, отводит существованию федоровской культуры лишь немногим меньший отрезок времени, чем тот, на протяжении которого шло, по его мнению, развитие культуры алакульского населения, а именно не более 150 лет — с конца XIV по начало XII в. до н.э. [Зданович Г.Б., 1988, с. 144, 148]. Чуть ли не вдвое больший период — продолжительностью до 300 лет — соотносят с федоровскими комплексами Е.Е. Кузьмина и Т.С. Малютина, датирующие названные памятники XV–XIII вв. до н.э. и расходящиеся, таким образом, только во взглядах на проблему хронологического соотношения последних с алакульскими древностями [Кузьмина, 1994, с. 44, 115, 116; Малютина, 1994, с. 22, 23].

Возможностей для того, чтобы оценить правомерность обозначенных подходов к определению хронологии федоровского периода, в нашем распоряжении, увы, немного. Следовать взглядам Е.Е. Кузьминой, предполагающей длительное сосуществование в Урало-Казахстанском регионе федоровских и алакульских групп, не позволяет наше заключение о более молодом возрасте зауральских федоровских комплексов по сравнению с алакульскими. Мнению Т.С. Малютиной, отводящей первым почти три столетия, противоречит отождествление ею самой позднефедоровских памятников с черкакульскими. Наконец, относительно поздняя датировка федоровской культуры, предложенная Г.Б. Здановичем, вступает в противоречие с нашей хронологией алакульской эпохи и необходимостью изыскать место в периодизации бронзового века зауральских областей для еще более поздних комплексов черкакульского типа.

Мало что дают для установления возраста федоровских памятников бронзовые предметы, период бытования большинства из которых вполне мог превышать длительность функционирования рассматриваемых поселений и могильников. Специально поднявший эту проблему В.А. Зах [1995, с. 84, 85] показал, что по металлическим предметам поселение Черемуховый Куст можно датировать в интервале от XVI до VIII в. до н.э. Такая, с позволения сказать, точность, естественно, неприемлема для решения стоящих перед нами задач.

Не принимая в расчет неоднократно публиковавшиеся датировки образцов из ряда усыпальниц Большой Караболки, Ново-Бурино и Туктубаево, которые, как уже указывалось, были оставлены черкакульскими группами, приходится с сожалением констатировать, что кроме поселения Черемуховый Куст, ни один из исследованных на данной территории памятников не имеет радиоуглеродных определений их возраста. По образцам древесины, обнаруженной в колодцах трех жилищ названного селища, получено четыре радиоуглеродных даты [Матвеев и др., 1991, с. 29, 30] (табл. 3). Два определения из

рассматриваемой серии (УПИ-568, 569) выглядят чрезмерно удре-
ненными. Обращает на себя внимание также слабая согласованность
датировок образцов из колодца 2 жилища 6 (УПИ-564, 569). Поэтому
как наиболее достоверные допустимо рассматривать не калиброван-
ные результаты измерения абсолютного возраста образцов УПИ-560
и 564, которые указывают на функционирование поселка примерно в
XV–XIV вв. до н.э. Указанная дата хорошо согласуется и с представ-
лениями автора раскопок данного памятника о возрасте последнего
[Зах, 1995, с. 85], и с предложенной нами хронологией более древне-
го алакульского периода. Близкие датировки имеют некоторые федо-
ровские комплексы Приобья [Орлова, 1990, с. 103–105] и Алтая [Ки-
рюшин, 1991, с. 46; Орлова, 1995, с. 213], а также примерно синхронные
им елуниевские (кротовские) памятники, изученные в последнем районе
[Кирюшин, 1995, с. 44, 45; Орлова, 1995, с. 209; Кирюшин, Тишкин, 1996,
с. 47]. Видимо, на эти два столетия и пришлось существование федоров-
ской культуры в лесостепном Зауралье.

Таблица 3

**Радиоуглеродные даты федоровского поселения
Черемуховый Куст**

Объект	Лабораторный номер образца	Радиоуглеродная дата		Калиброванная дата, годы до н.э.	
		лет назад	годы до н.э.	1 σ	2 σ
Жилище 1, колодец 2	УПИ-568	4250 $\pm$ 160	2300 $\pm$ 160	3090–3070 3040–2600	3340–2470
Жилище 2, колодец 1	УПИ-560	3446 $\pm$ 95	1496 $\pm$ 95	1892–1670 1656–1640	2026–2002 1980–1526
Жилище 6, колодец 2	УПИ-564	3280 $\pm$ 30	1330 $\pm$ 30	1610–1552 1536–1522	1670–1656 1638–1514
»	УПИ-569	3605 $\pm$ 53	1655 $\pm$ 53	2036–1896	2136–2062 2052–1876 1838–1820 1796–1782

Этнолингвистическая атрибуция федоровского населения

Проблема языковой атрибуции федоровского населения подни-
малась на страницах научной литературы не раз (см.: [Кузьмина,
1994, с. 32, 33], хотя обстоятельному ее анализу всегда препятство-
вало недостаточное количество полноценных источников. В.Н. Чер-
нецовым [1953, с. 61; 1963] и другими исследователями [Вереш, 1978;
Косарев, 1973; 1974, с. 159; Сальников, 1967, с. 347; и др.] высказы-
валась точка зрения об угорской принадлежности федоровских об-
щин. Критикуя эту гипотезу, Е.Е. Кузьмина [1985, с. 34, 43; 1986,
с. 108, 109; 1988, с. 26, 27, 29; 1994, с. 120, 253; и др.] не только вы-
двинула идею этнолингвистического единства андроновского мира, но
и пришла к заключению о том, что в федоровских группах, так же как
и в алакульских, господствовала индоиранская речь.

Проанализированные нами зауральские материалы позволяют привести дополнительные аргументы в пользу этой концепции. Усиливает позиции Е.Е. Кузьминой в дискуссии со сторонниками праугорской атрибуции федоровских древностей, как ни странно, наш в корне противоречащий взглядам этого ученого вывод о формировании федоровской культуры на алакульской основе, подкрепленный весьма показательными материалами памятников амангельдинского типа. Мы рассматриваем данные памятники не как позднеалакульские или раннефедоровские, а в качестве переходных, отражающих, видимо, достаточно быструю трансформацию одной культуры в другую.

Прямая генетическая преемственность последних, выраженная настолько отчетливо, что рассмотренные выше федоровские древности, несмотря на все их своеобразие, иногда хочется отнести к особому этапу алакульской культуры (чему, кстати сказать, не противоречило бы сравнительно непродолжительное бытование федоровской керамики, вполне сопоставимое с длительностью алакульского этапа), дает прекрасное объяснение многочисленным алакульско-федоровским культурным параллелям. Примечательно, что значительная часть из них выступает своего рода этнизирующими признаками, поскольку находит точные соответствия в культуре древних индоиранцев, какой ее рисуют дошедшие до нас древнеарийские тексты. В полной мере это относится к таким явлениям культуры, как ведущая роль скотоводства в хозяйстве населения, каркасно-столбовая конструкция жилищ, наличие на поселениях специальных мест для выброса золы из очагов, оформление надмогильных сооружений в виде земляных холмиков, кремация умерших, особая роль собаки в эсхатологических представлениях и т.д. Эти черты уже рассматривались нами как индикаторы индоиранской принадлежности алакульских групп и могут быть использованы при аналогичной атрибуции федоровских общин.

По таким признакам, как ведущая роль обряда трупосожжения в погребальной практике, а также изготовление сосудов четырехугольной формы [Кузьмина, 1986, с. 69], не свойственным культуре алакульского населения, федоровское сообщество может характеризоваться даже как более точный аналог культурной общности ариев ведийской эпохи, чем группы, обитавшие в Зауралье в первой половине II тыс. до н.э. Нельзя не заметить также сходной направленности эволюции некоторых явлений культуры в среде андроновского населения данного региона и древних ариев. Помимо перехода и завоевателей Индостана [Ригведа..., 1989, с. 452], и зауральских федоровских групп к преимущественной кремации умерших, в этом контексте уместно упомянуть и о том, что более молодая, чем древнеиндийские самхиты, Авеста осуждает часто упоминающиеся в последних жертвоприношения домашних животных [Брагинский, 1998, с. 53], весьма характерные для обрядности алакульского населения, но почти не свойственные ритуалам федоровской эпохи.

*Вот здесь стой прочно, о хижина,
Богатая конями, богатая коровами,
богатая радостями,
Богатая силой, богатая жиром, богатая молоком!
Возвышайся на великую судьбу!
В нее — маленький мальчик,
В (нее) — теленок с движущимся (домашним скотом),
В нее вошел переполненный кувшин
С горшками кислого молока.*

У подпорок, опор, а также у перекрытий
Хижины, в которой все лучшее,
Мы развязываем все, что связано.
Кто тебя забирает, о хижина, и кем построена ты —
Пусть оба они, о хозяйка строения,
Живут до старости!
Коровам, лошадям поклон, тому, что рождается в жилище!
О дающая рождение, о дающая потомство,
Мы развязываем твои петли.
Ты прикрываешь огонь внутри, людей вместе со скотом.
О дающая рождение, о дающая потомство,
Мы развязываем твои петли.

2. «О Создатель плотского мира, праведный! Где вторая из этой земли наирадостнейшая?» — И сказал Ахура-Мазда: «Та, где муж праведный да возведет дом, где огонь, где молоко, где жены, где сыновья, где добрые стада.

3. А потом в этом доме обилие коров, обилие Истины, <...> обилие собак, обилие жен, обилие детей, обилие огня, обилие зажиточной жизни»¹⁴.

Видевдат, 3

Особую значимость в контексте проблемы этнолингвистической атрибуции федоровского населения и андроновских групп в целом имеют находки на селище Черемуховый Куст, а также некоторых алакульских (Мирный-2) и смешанных алакульско-федоровских (Коркино-1) поселениях очень схожих между собой костяных вюрфелей и заготовок подобных предметов, свидетельствующих о бытовании в указанных общинах какой-то азартной игры. Упоминания о ней встречаются в древнеиндийских самхитах. Некоторые атрибуты этой игры фигурируют в гимне игрока, который содержится в X мандале «Ригведы».

*Дрожащие (орехи-серьги) огромного (дерева) опьяняют меня,
Рожденные ураганом, перекатывающиеся по желобку.
Подобной напитокку сома с (горы) Муджеват
Показалась мне бодрствующая (игральная кость) вибхидака.
Не брала и не ругала меня она.
Благосклонна к друзьям и ко мне была.
Из-за одной лишней игральной кости
Я оттолкнул преданную жену.
Когда я решаю: «Я не буду с ними играть,
Отстану от уходящих товарищей»,—
То брошенные коричневые (орехи-кости) подают голос,
И я спешу на свидание с ними, как любовница.
В собрание идет игрок, расспрашивая
(И) подбодряя себя: «Я выиграю!»
(Но) игральные кости пресекают его страсть,
Они отдают противнику счастливые броски.
Резвится стая этих (игральных костей) числом
трижды пятьдесят,
Чьи законы непреложны как (законы) бога Савитара.
Не склоняются они перед яростью даже могучего.
Даже царь делает им поклон.
Они катятся вниз, прыгают вверх,
Без рук они одолевают того, у кого есть руки.
Неземные угли, брошенные в желобок,
Они сжигают сердце, хотя и холодные.*

Ригведа, X, 34

Азарт игрока, мечтающего о богатом выигрыше, передает и «Атхарваведа», содержащая заговор на счастье при игре в кости.

*Как гром дерево
Всегда поражает беспрепятственно,*

¹⁴ Перевод В.Ю. Крюковой [Авеста..., 1998, с. 86].

Так я сегодня игроков
 Хочу разбить беспрепятственно с помощью костей.
 От проворных, от непроворных,
 От людей, которым не избежать (неудачи),
 Пусть сойдется отовсюду удача —
 Выигрыш в моей руке!
 И, переигрывая (противника) на первом ходу, он побеждает,
 Как настоящий игрок, он вовремя делает удачный бросок.
 Кто стремится к богам, не удерживает имущества —
 Ведь (бог) охотно соединяет его с богатством.
 Выигрыш у меня в правой руке,
 Победа у меня в левой находится.
 Пусть стану я завоевателем коров, завоевателем коней,
 Завоевывающим богатство, завоевателем золота!
 Атхарваведа, VII, 50

Восстановить правила древней арийской игры по сохранившимся текстам, язык которых туманен и метафоричен, а содержание насквозь мифологизировано, невозможно. Однако некоторые ее особенности могут быть реконструированы при соотнесении дошедших до нас гимнов, заклинаний и их терминологии с зауральскими археологическими материалами.

Из имеющихся источников следует, что кроме костей с обозначением выпавших очков в ней в качестве своего рода фишек (?) использовались орехи дерева *vibhidaka* (*Terminalia bellerica*) [Ригведа..., 1989, с. 444]. Такими же фишками резонно считать небольшие, выточенные из черепков поделки округлой, квадратной, каплевидной или иной формы, которые обнаружены едва ли не на каждом из исследованных алакульских и федоровских поселений, но не имеют сквозных отверстий и поэтому не могли служить пряслицами.

К еще более важным заключениям приводит сопоставление найденных при раскопках вюрфелей с игровой терминологией ведийских текстов. Исследователи последних обратили внимание на то, что термин *kṛta*, который обычно переводят как «выигрыш» или «счастливый бросок», в контексте игры обозначал не то ч е т ы р е кости, не то ч е т ы р е очка, выпавшие в броске, а противоположный ему по значению термин *kāli* («проигрыш») — не то п я т ь ю кость, не то кость (или одну из ее сторон) с о д н и м очком [Атхарваведа..., 1989, с. 370; Ригведа..., 1989, с. 600, 626]¹⁵.

Аналогичная цифровая символика характерна и для зауральских игровых костей, представлявших собой не кубики, а удлиненные параллелепипеды, которые при броске никогда не могли встать на попа, тем более что их торцовые поверхности всегда делали слегка

¹⁵ В поздневедийской литературе, по данным Б.Б. Лала [1984, с. 119], встречаются термины *двапара*, *трета*, *крита* и т.п., обозначающие цифры 2, 3, 4 и т.д., наносившиеся на грани игровых костей.

выпуклыми. По этой самой причине количество выпавших очков на указанных сторонах не обозначалось. Резные идеограммы, соответствующие цифрам с 1 по 5, наносились только на плоские продольные грани вюрфелей. При этом одна из цифр всегда обозначалась не соответствующим количеством параллельных нарезок, а двумя пересекающимися чертами, напоминающими крест. Анализ трех основных схем маркировки граней игральные костей (I – II – X – III; I – II – X – IIIII; I – II – III – X) показывает, что эту фигуру соотносили либо с тремя, либо, значительно чаще, с четырьмя очками. Таким образом, зауральские андроновцы, как и завоеватели Индостана, счастливыми считали, скорее всего, именно те броски игровой кости, в результате которых она ложилась крестом (*критой*) вверх, о чем нам уже приходилось писать [Матвеева и др., 1994, с. 89, 91; Матвеев, 1999]¹⁶. Неудачными бросками, чреватыми проигрышем (*кали*), в этом случае, естественно, должны были считаться те, когда выпадали одно или пять очков — в зависимости от того, какой тип вюрфеля использовали игроки.

Достоверность реконструкции некоторых особенностей рассматриваемой игры, восстановленных нами на основании археологических и лингвистических данных, происходящих из столь удаленных друг от друга областей Евразии, подтверждает наличие игральные костей и фишек, аналогичных зауральским, в материалах памятников культуры серой расписной керамики, распространенной на севере Индостана и соотносимой многими исследователями с ведийскими ариями [Лал, 1984, с. 114]. Поскольку атрибутами указанной игры выступали не только вюрфели с обозначением числа выпавших очков, но и, видимо, достаточно многочисленные фишки, допустимо предполагать, что она впоследствии могла превратиться в хорошо знакомые всем нарды, известные в Иране по крайней мере с VI в. [Хлопин, 1988].

Приведенные материалы подтверждают гипотезу об этнолингвистическом единстве алакульского и федоровского населения, а также свидетельствуют о том, что на территории лесостепного Зауралья и в первой половине, и в середине II тыс. до н.э. обитали группы, говорившие на индоиранских языках.

Список литературы

Абдулганеев М.Т. Аварийные раскопки в лесостепном и предгорном Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: Тез. конф. — Барнаул: Алт. ун-т, 1995. — С. 72–75.

¹⁶ Буквальное значение термина *kṛta* остается нам не известным. В качестве гипотезы можно допускать его связь с ведийским глаголом *kṛt*, *kṛnāti* — «резать» [Атхарваведа..., 1989, с. 350]. Если это сопоставление корректно с точки зрения лингвистики, данное слово можно переводить как «нарезка», «насечка».

- Авеста* в русских переводах (1861–1996). — СПб.: Журнал Нева: Летний Сад, 1998. — 480 с.
- Андроновская культура. Памятники западных областей.* — САИ. — 1966. — Вып. ВЗ-2. — 65 с.
- Антипина Е.Е.* Костные остатки животных с поселения Горный (биологические и археологические аспекты исследования) // РА. — 1999. — № 1. — С. 103–116.
- Арсланова Ф.Х.* Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // СА. — 1973. — № 4. — С. 160–168.
- Арсланова Ф.Х.* Погребения эпохи бронзы Зевакинского могильника // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. — С. 73–78.
- Арсланова Ф.Х.* Археологические находки в Казахстане // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: Башк. ун-т, 1983. — С. 119–125.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС /* С.М. Ахинжанов, А.С. Ермолаева, А.Г. Максимова и др. — Алма-Ата: Наука, 1987. — 280 с.
- Атхарваведа: Избранное.* — М.: Наука, 1989. — 406 с.
- Бобров В.В.* Некоторые аспекты смены археологических культур // Смены культур и миграции в Западной Сибири. — Томск: Томск. ун-т, 1987. — С. 80–83.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И.* Комплекс андроновской-ф культуры поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Проблемы археологических культур степей Евразии. — Кемерово: Кем. ун-т, 1987. — С. 17–27.
- Бойко Т.А., Татаринцева Н.С.* Раскопки могильника Алыпкаш в Среднем Приишимье // АО 1974 г. — М.: Наука, 1975. — С. 481–482.
- Брагинский И.С.* *Авеста* // *Авеста* в русских переводах (1861–1996). — СПб.: Журнал Нева: Летний Сад, 1998. — С. 22–66.
- Бухонина Т.А.* Могильник эпохи бронзы Куропаткино-2 на р. Чаглинка // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: Башк. ун-т, 1984. — С. 44–58.
- Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. — Л.: Наука, 1986. — 180 с.
- Варфоломеев В.В.* Погребения эпохи поздней бронзы могильника Шоиндыколь // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. — Караганда: Кар. ун-т, 1989. — С. 76–84.
- Варфоломеев В.В., Евдокимов В.В., Усманова Э.Р.* Экспедиция Карагандинского университета // АО 1986 г. — М.: Наука, 1988. — С. 480–482.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. — Самара: Сам. ун-т, 1994. — 208 с.
- Вереш П.* Этнокультурное развитие угорских народов // Этнокультурная история населения Западной Сибири. — Томск: Том. ун-т, 1978. — С. 102–113.
- Викторов В.П., Борзунов В.А.* Городище эпохи бронзы у с. Черноозерье на Иртыше // ИИС. — Томск: Томск. ун-т, 1974. — Вып. 15. — С. 19–23.
- Ганцкая С.А., Грацианская Н.Н., Листова Н.М., Токарев С.А.* Общая систематика народного жилища в странах Европы // Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. — М.: Наука, 1968. — С. 361–370.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. — Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. — Ч. 1. — 408 с.
- Грязнов М.П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. — 1956а. — № 48. — 228 с.

- Грязнов М.П.* К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. — 1956б. — Вып. 64. — С. 27–42.
- Гультов С.Б.* Андроновские погребения могильника Ашпыл // Южная Сибирь в древности. — СПб.: ИИМК РАН, 1995. — С. 31–38.
- Евдокимов В.В.* Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. — Караганда: Караганд. ун-т, 1982. — С. 3–20.
- Евдокимов В.В.* Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: Башк. ун-т, 1983. — С. 35–47.
- Елькин М.Г.* Памятники андроновской культуры на юге Кузбасса // Изв. лаб. археологических исследований. — Кемерово: Кем. пед. ин-т, 1967. — Вып. 1. — С. 89–95.
- Ермолаева А.С., Тепловодская Т.М.* Керамический комплекс из федоровских погребений Восточно-Казахстанского Прииртышья // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. — Петропавловск: ИА НАН РК, 1993. — С. 89–100.
- Зайберт В.Ф., Зданович Г.Б.* Поселение эпохи бронзы Бишкуль-IV // ИИС. — Томск: Том. ун-т, 1974. — Вып. 15. — С. 71–75.
- Зах В.А.* Исследования Тюменского университета // АО 1984 г. — М.: Наука, 1986. — С. 177–178.
- Зах В.А.* Поселение Черемуховый Куст — памятник переходного времени от развитой к поздней бронзе // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. — Омск: Омск. ун-т, 1987а. — Ч. 1. — С. 134–135.
- Зах В.А.* Работы Четвертого отряда Тюменской экспедиции // АО 1985 г. — М.: Наука, 1987б. — С. 240–241.
- Зах В.А.* Черемуховый Куст: Реконструкция андроновского поселка // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. — Омск: Омск. ун-т, 1992. — С. 67–69.
- Зах В.А.* Поселок древних скотоводов на Тоболе. — Новосибирск: Наука, 1995. — 96 с.
- Зах В.А.* Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). — Новосибирск: Наука, 1997. — 132 с.
- Зданович Г.Б.* Некоторые материалы по архитектуре развитой бронзы Среднего Приишья // ИИС. — Томск: Том. ун-т, 1976а. — Вып. 21. — С. 121–129.
- Зданович Г.Б.* К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. — 1984а. — Вып. 177. — С. 29–37.
- Зданович Г.Б.* Относительная хронология памятников бронзового века урало-казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: Башк. ун-т, 1984б. — С. 3–23.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век урало-казахстанских степей. — Свердловск: Урал. ун-т, 1988. — 184 с.
- Кадырбаев М.К.* Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: Башк. ун-т, 1983. — С. 134–142.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. — Алма-Ата: Гылым, 1992. — 247 с.
- Кирюшин Ю.Ф.* Новый могильник андроновской культуры у села Елунино // Древняя история Алтая. — Барнаул: Алт. ун-т, 1980. — С. 66–72.

- Кирюшин Ю.Ф.* Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. — Барнаул: Алт. ун-т, 1991. — С. 43–47.
- Кирюшин Ю.Ф.* Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // «Моя избранница наука, наука без которой мне не жить...». — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995а. — С. 58–75.
- Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит и бронзовый век лесостепного и степного Алтая // История Алтая. — Ч. 1. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995б. — С. 34–58.
- Кирюшин Ю.Ф., Ключкин Г.А.* Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. — Барнаул: Алт. ун-т, 1985. — С. 73–117.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.* Андроновские находки на Верхнем Чумыше // Актуальные проблемы сибирской археологии: Тез. науч. конф. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. — С. 22–27.
- Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю.* Поселение Большой Лог-1 — новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. — Барнаул: Алт. ун-т, 1990. — С. 42–56.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.* Новые находки с поселения Березовая Лука // Актуальные проблемы сибирской археологии: Тез. науч. конф. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. — С. 46–49.
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б.* Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сб. — Барнаул: Алт. краеведч. ассоциация, 1992. — Вып. 15. — С. 194–217.
- Киселев С.В.* Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии // СЭ. — 1935. — № 4–5. — С. 206–209.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири // МИА. — 1949. — № 9. — 364 с.
- Комарова М.Н.* Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АС. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1961. — Вып. 3. — С. 32–73.
- Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, М.Н. Комарова и др.* — Новосибирск: Наука, 1979. — 167 с.
- Корочкова О.Н.* К оценке специфики федоровских комплексов Зауралья // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: Мат. междунар. конф. — Челябинск: Чел. ун-т, 1999. — С. 163–165.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: Башк. ун-т, 1983. — С. 143–151.
- Косарев М.Ф.* Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке // ИИС. — Томск: Том. ун-т, 1973. — Вып. 7. — С. 65–77.
- Косарев М.Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. — М.: Наука, 1974. — 220 с.
- Косинцев П.А.* Предварительное сообщение о фауне поселения Кулевчи-3 // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. — Барнаул: Алт. ун-т, 1983. — С. 57–58.
- Косинцев П.А.* Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. — Свердловск: УрО АН СССР, 1989. — С. 84–104.

Косинцев П.А. Жертвенные животные из алакульского могильника Ермак-4 // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. — Томск: Том. ун-т, 1990. — С. 66–69.

Косинцев П.А. Костные останки животных из Чистолёбяжского и Хрипуновского могильников // А.В. Матвеев. Первые андроновцы в лесах Зауралья. — Новосибирск: Наука, 1998. — С. 405–411.

Крашенинников С.П. Дневник путешествия в 1734–1736 гг. Дорожный журнал // С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. — М.; Л.: Наука, 1966. — С. 49–87.

Кузьмина Е.Е. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. — М.: Наука, 1973. — С. 153–164.

Кузьмина Е.Е. О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника) // Памятники древнейшей истории Евразии. — М.: Наука, 1975. — С. 220–230.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Инф. бюл. Междунар. ассоциации по изучению культур Центральной Азии UNESCO. — М., 1985. — Вып. 9. — С. 24–45.

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. — Фрунзе: Илим, 1986. — 134 с.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1988. — 34 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. — М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. — 464 с.

Кукушкин И.А. Андроновские могильники Кызылентского ущелья // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. — Караганда: Караганд. ун-т, 1989. — С. 67–75.

Курманкулов Ж.К. Стратиграфическое распределение керамических комплексов поселения Атасу // Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. — Кемерово: Кемер. ун-т, 1987. — Ч. 1. — С. 150–151.

Куц Г.А. Археологические исследования Восточно-Казахстанского историко-краеведческого музея // Маргулановские чтения: Тез. — Петропавловск: ИА АН Казахстана, 1992. — С. 77–78.

Лал Б.Б. Культура серой расписной керамики // Древние культуры Средней Азии и Индии. — Л.: Наука, 1984. — С. 101–126.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука 1966,— 435 с.

Маркова Л.В. Типы сельского жилища Болгарии // Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. — М.: Наука, 1968. — С. 12–68.

Мартынов А.И. Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Из истории Кузбасса. — Кемерово, 1964. — С. 227–245.

Матвеев А.В. О хозяйственно-функциональной планировке ирменских жилищ Быстровского поселения // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. — Барнаул: Алт. ун-т, 1983. — С. 129–131.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. — Новосибирск: Наука, 1998. — 417 с.

Матвеев А.В. Ведийская игровая терминология и ее зауральские параллели // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Челябинск: Рифей, 1999. — С. 89–90.

Матвеев А.В., Бурлина Т.В. Бархатовская керамика Красногорского городища // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 99–114.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Крюкова Т.С. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Ингальской долине (по итогам работ 1998 г.) // ВИАЭ. — Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. — Вып. 2. — С. 126–135.

Матвеев А.В., Орищенко А.В., Зах В.А. и др. Радиоуглеродный возраст и проблемы хронологии археологических памятников эпохи неолита и бронзового века на юге Тюменской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. — Барнаул: Алт. ун-т, 1991. — С. 28–31.

Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. — Тюмень: Тюм. ун-т, 1985. — С. 29–54.

Матвеева Н.П., Матвеев А.В., Зах В.А. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. — Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. — 190 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. — 118 с.

Могильников В.А. Памятники андроновской культуры на Верхнем Алее // Древняя история Алтая. — Барнаул: Алт. ун-т, 1980б. — С. 155–159.

Могильников В.А. Андроновские курганы Гилево-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Мат. конф. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. — Вып. 3. — С. 104–108.

Могильников В.А. Курганы Корболиха-1 — памятник андроновской культуры в предгорьях Алтая // Древности Алтая. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. ун-т, 1998. — С. 29–43.

Молодин В.И. Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка-3) // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск: Башк. ун-т, 1984. — С. 37–44.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск: Наука, 1985. — 200 с.

Молодин В.И. Археологические исследования в Барабинской лесостепи // АО 1996 г. — М.: ИА РАН, 1997. — С. 341–342.

Молодин В.И., Соболев В.И. Андроновские погребения памятника Преображенка-3 // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1975. — № 1. — С. 113–119.

Обыденнов М.Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала: Учеб. пособие. — Уфа: Башк. ун-т, 1986. — 80 с.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. ИИАЭ АН КазССР. — Алма-Ата, 1958. — Т. 5. — С. 216–294.

Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1970. — С. 129–146.

Орлова Л.А. Голоцен Барабы (стратиграфия и радиоуглеродная хронология) — Новосибирск: Наука, 1990. — 128 с.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологиче-

ских реконструкциях. — Ч. 2. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. — С. 207–232.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. — М.: Наука, 1985. — 376 с.

Рахимов С.А. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде (Красноярский край) // КСИА. — 1968. — Вып. 114. — С. 70–75.

Ригведа. Мандалы I–IV. — М.: Наука, 1989. — 768 с.

Рикман Э.А. Жилище племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья // Древнее жилище племен Восточной Европы. — М.: Наука, 1975. — С. 50–87.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Ине // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 122–135.

Сальников К.В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки // МИА. — 1940. — № 1. — С. 58–67.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. — М.: Наука, 1967. — 408 с.

Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1 // Древние поселения Алтая. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. — С. 71–84.

Сотникова С.В. К вопросу об алакульской традиции на территории Западной и Южной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. — Барнаул: Алт. ун-т, 1988а. — С. 76–78.

Сотникова С.В. Некоторые черты алакульской погребальной обрядности // Археология Западной Сибири: Тез. докл. Омск. обл. науч. конф. «История, краеведение и музееведение Западной Сибири». — Омск: Омск. ун-т, 1988б. — С. 14–16.

Стефанов В.И. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. — Челябинск: Аркаим: Чел. ун-т, 1996. — С. 43–63.

Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.Н. Курганы федоровского типа могильника Урефты-1 // СА. — 1983. — № 1. — С. 155–166.

Стефанов В.И., Стефанова Н.К. О соотношении кротовских и андроновских комплексов // Археология Волго-Уральских степей. — Челябинск: Чел. ун-т, 1990. — С. 128–139.

Стоколос В.С. Памятник эпохи бронзы — могильник Черняки-II // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. — 1968а. — № 191. — С. 210–220.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). — М.: Наука, 1972. — 168 с.

Ткачев А.А. Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М.: ИА АН СССР, 1991. — 26 с.

Ткачев А.А. К проблеме алакульско-федоровских контактов // Маргулановские чтения 1990: Сб. мат. конф. — М.: ИА АН Казахстана, 1992. — Ч. 1. — С. 117–123.

Ткачев А.А., Винокурова Е.И. Могильник эпохи бронзы Маринка // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. — С. 53–55.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Березовский могильник // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. — С. 51–53.

Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул: Алт. ун-т, 1997. — 19 с.

Ткачева Н.А., Брындина Ю.А. Поселение эпохи бронзы Барашки-1 // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. — С. 55–57.

Троицкая Т.Н. Памятники андроновской культуры (по материалам Новосибирской археологической экспедиции) // Из истории Западной Сибири. — Новосибирск: Новосиб. пед. ин-т, 1969. — С. 3–20.

Троицкая Т.Н., Софеев О.В. Памятник Крохоловка-13 как исторический источник эпохи развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. — Барнаул: Алт. ун-т, 1990. — С. 63–72.

Уманский А.П. Новые памятники андроновской культуры на Алтае // Изв. лаб. археологических исследований. — Кемерово: Кем. пед. ин-т, 1967. — Вып. 1. — С. 96–100.

Уманский А.П. Андроновская могила на Елбане близ Нечунаево // Изучение памятников археологии Алтайского края: Мат. конф. — Барнаул, 1995. — Вып. 5, ч. 2. — С. 61–65.

Усманова Э.Р. Андроновский погребальный обряд и проблема хронологии и периодизации (по материалам могильника Лисаковский) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к Всесоюз. науч. конф. — Барнаул: Алт. ун-т, 1991. — С. 90–93.

Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В. Уйтас-Айдос — могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. — Алматы, Москва, 1998. — Вып. 2. — С. 46–60.

Хабарова С.В. Культурно-хронологическое соотношение алакульского и федоровского западного комплексов // Тобольский исторический сб. — Тобольск: Тоб. пед. ин-т, 1997. — Вып. 2, ч. 1. — С. 92–102.

Хлопин И.Н. Доска Неварташир (к истокам календаря) // Природа. — 1988. — № 6. — С. 72–79.

Чебакова Т.Н. Андроновские поселения верховьев р. Увельки // ВАУ. — Свердловск: Урал. ун-т, 1975а. — Вып. 13. — С. 92–108.

Чемякин Ю.П. Новое поселение андроновского времени в Южном Зауралье // АО 1975 г. — М.: Наука, 1976. — С. 206–207.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. — 1953. — № 35. — С. 7–71.

Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самоедской) общности // Congressus internationalis fenno-ugristarum Budapestini habitus. — Budapest, 1963. — P. 405–411.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. — 1960. — № 88. — 272 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю. и др. Археологические памятники эпохи бронзы на Карталах (поселение Горный и другие) // РА. — 1999. — № 1. — С. 77–102.

Шамшин А.Б., Ченских О.А. Новый памятник андроновской культуры в Верхнем Приобье // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. — С. 47–50.

Шамшин А.Б., Ченских О.А. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая (по материалам могильника Фирсово-14) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Мат. Всерос. науч. конф. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. — С. 52–56.

Шорин А.Ф. Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск: ИИФ СО АН СССР, 1988. — 26 с.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ. ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 1974 г. в археологическом кружке Новосибирского государственного педагогического института появился новый энергичный молодой человек, которого руководившая кружковцами Татьяна Николаевна Троицкая ласково называла «Санька Матвеев». Благодаря стремлению заниматься археологией и врожденному художественному вкусу он быстро влился в коллектив и стал незаменимым помощником Троицкой в экспедициях, в которых чертил планы, рисовал и всячески помогал вести полевую документацию. Так как Т.Н. в силу своих научных интересов исследовала в эти годы памятники кулайской культуры и раннего средневековья, Саша Матвеев работал вместе с ней в пойме р. Уени — древней протоки р. Оби. Но в июне 1975 г. была организована экспедиция со школьниками из Новосибирска на Обском море у с. Ордынское. В ней принимали участие кружковцы Виталий Елагин, Саша Матвеев, Света Базар-Садаева, Лида Петрова, а также «сочувствующие» студенты-старшекурсники — Таня Белоусова и Толя Платонов, друг Саши. Анатолий Германович Платонов много лет работал с А.В. Матвеевым в экспедициях и после того, как тот, женившись, переехал в Тюмень.

Лагерь был разбит на песчаной дюне живописного берега залива, образованного Обским морем и рекой Ордой, недалеко от рыбозавода. Работы проводились сразу на нескольких памятниках — могильнике Ордынское 1, поселениях Ордынское 9 и 12. Саше Татьяна Николаевна вначале доверила вести документацию и следить за работами на поселении бийского этапа большереченской культуры Ордынское 9. Расположенное на террасе р. Орды, на огородах рыбозавода, оно достаточно сильно разрушалось водами водохранилища и распашкой. Практически каждый год линия берега отодвигалась на метр-полтора вглубь, обнажая в обрыве остатки котлованов углубленных в материк жилищ. Одно из таких сооружений исследовалось и в этом году. Жилище оказалось почти полностью обвалившимся, после его раскопок и тщательного осмотра береговой линии группа школьников и студентов с поселения была переброшена на могильник Ордынское 1, где работы на двух курганах того же времени курировал Виталий Елагин. Под одной из насыпей благодаря обильному дождю, хорошо промочившему песок, явно проступили очертания котлована и столбовых ям, судя по немногочисленным фрагментам керамики, самусьского жилища, кото-

рое было раскопано, а Матвеевым занесено на план. К востоку же от могильника исследовалось поселение эпохи бронзы Ордынское 12.

В 1975 г. работы на памятниках, расположенных по берегу Обского водохранилища, во многом стали определяющими для Саши. В этом году был написан первый отчет — об археологической разведке в Кулундинской степи. Тогда обозначились будущие направления его научной деятельности, проявилась впервые увлеченность эпохой бронзы, которой он оставался верен практически всю свою жизнь. Даже несмотря на то что в течение последних лет серьезно изучал историю Ермака, копал средневековый Тобольск, как только узнал, что напротив Чистослебяжского могильника (на противоположном берегу озера Бочанецкое), на котором исследовал когда-то алакульские курганы, находится поселок федоровской культуры, сразу выразил желание побывать на нем: этот факт подтверждал, по его мнению, одновременность этих комплексов. Но поездка в 2012 г. не состоялась, и побывать ему на этом поселении оказалось не суждено... А 1975 г. был началом всего, началом экспедиций на р. Иню, Оби и Обском водохранилище, а впоследствии в Тоболо-Ишимье.

Очень быстро стало ясно, что Саша будет заниматься комплексами ирменской культуры. Выделенная Н.Л. Членовой по материалам ушедшего под воды Обского водохранилища поселка Ирмень 1, исследовавшегося в начале 1950-х гг. М.П. Грязновым, культура расширяла свой ареал с открытием новых поселений и могильников. Требовалось более тщательное изучение структуры поселений, жилищ, керамического, орудийного и хозяйственного комплексов. Позднебронзовая ирменская культура, как будет выяснено впоследствии, по наличию зольников, обширных жилищ, площадью до 300 кв. м, в которых вместе с людьми, вероятно, обитал крупный и мелкий рогатый скот, ближе всего стояла к андроновским (федоровским) комплексам. Особенно интересными в плане определения времени существования ирменских поселков и занятий людей в зимний период года были зольники. Как-то раз зашел разговор с Е.А. Сидоровым, что было бы несомненно интересно получить и изучить весь набор инструментов, целых или сломанных, из такого зольника, раскопанного полностью. Такой случай представился. На реке Иню, территория бассейна которой в середине 1970-х гг. достаточно интенсивно исследовалась, было обнаружено ирменское поселение Иня 9 у д. Красный Яр, впоследствии переименованное Матвеевым в Ясашный Луг. На поверхности первой надпойменной террасы хорошо прослеживались несколько жилищных западин и небольшой возвышающийся над землей зольник. Он и стал объектом исследований.

Лагерь был разбит недалеко от реки в тени небольшой ивовой рощицы, состоял из нескольких палаток, в которых жили студенты и школьники, и хозпалатки, где хранились продукты, находки и инструменты. Это была первая самостоятельная экспедиция Саши. В это же

время мы работали где-то в 12 км восточнее Красного Яра, напротив деревни Изылы, у Изылинской горы, в недрах которой находилась пещера, частично разрушенная при добыче камня для строительства железной дороги Новосибирск — Новокузнецк. Отсутствие машин не способствовало общению между отрядами, а 12 км в одну сторону было приличным расстоянием, особенно после рабочего дня. Но интерес к зольнику победил. В один из вечеров мы решили сходить к Матвееву в гости. После позднего ужина небольшая группа отправилась в с. Красный Яр. Путь пролегал вначале по пойме р. Ини, затем вброд через реку, по деревне Изылы, и, наконец, перед нами появилась ровная линия железной дороги с каменистой насыпью и шпалами. Мы явно переоценили свои силы, идти было очень неудобно, что сильно сокращало скорость передвижения. Показалось, что расстояние между лагерями было в два раза больше. В уже начавшей растворяться темноте показались крыши домов, а лай собак нас четко сориентировал на жилье. Еще немного усилий, и мы стояли у палаток. Лагерь спал, от реки поднимался едва различимый в предутренней темноте туман, обволакивающий мелкой водяной пылью и прохладой. «Вычислить» палатку Саши и разбудить его не составляло труда, но этого не потребовалось. Одна из палаток закачалась, зашнурованный вход приоткрылся, и из него показалась голова с взъерошенными волосами и полусонными недоумевающими глазами. И вот уже у давно потухшего костра шевелится кучка людей, бурно обменивающихся впечатлениями о поселении и раскопках, «местных» из деревни и житейских мелочах.

Неглубокий раскоп около 100 кв. м очерчивался отвалами. Он охватил, вероятно, хозяйственную постройку и небольшой зольник. На разрезе отмечался темный культурный слой и тонкий прослой золы. Как оказалось, находок было немного, в основном обломки посуды и незначительное количество костяных изделий. Судя по всему, ирменский поселок функционировал очень короткое время, и зольник не оправдал надежд. Но это осознание пришло позже, а пока жизнь продолжалась. После кратковременных переговоров Сашу Матвеева и его ребят удалось уговорить посетить лагерь у Изылинской пещеры, посмотреть раскопки неолитической стоянки Иня 11. Почти на восходе мы двинулись в обратный путь. Вновь рельсы, шпалы, выскакивающий из-под ног гравий железнодорожной насыпи. Дорога «домой» показалась короче, правда, к броду через Иню мы подошли уже при поднимавшемся над горизонтом светиле. Со стороны лагеря доносились приглушенные голоса, стук топора и позвякивание посуды, дежурные готовили завтрак. Позавтракав, Саше показали пещеру как местную достопримечательность, в которой даже в сильную жару было прохладно и можно было спрятаться от надоедавшего гнуса, раскоп с неолитической посудой, имевшей наплывы под краем венчика, очень похожей на керамику с зауральских поселений, с разнообразными каменными орудиями из серого кремня и сливных кремни-

стых песчаников... Но хотелось спать. И уже около 12 часов команда Матвеева отправилась к себе в лагерь. И все бы ничего, но как раз утром этого дня в лагерь к Саше приехала Татьяна Николаевна...

К середине 1970-х гг. по берегам Оби и Обскому водохранилищу было известно достаточно большое количество ирменских поселений и несколько могильников, однако исследована лишь незначительная их часть. Наиболее полно к этому времени было раскопано под руководством М.П. Грязнова поселение Ирмень 1, давшее название культуре, вскоре размытое Обским морем. Материалы с 1200 кв. м исследованной площади памятника оставались неопубликованными. Под руководством В.И. Матющенко вскрыто 2200 кв. м площади на Еловском поселении. Е.А. Сидоров начал работы на ирменском поселении Милованово 3, наиболее изученном в настоящее время (вскрыто более 4000 кв. м). Немногочисленные и невыразительные материалы, полученные на Ясашном Лугу на р. Инь, вероятно, помогли Саше окончательно определиться с темой исследований. В последующие годы он направляет все усилия на изучение ирменских комплексов в лесостепном, в основном Новосибирском Приобье, где оно неразрывно связано с Обским водохранилищем.

Внимание Матвеева привлекает разрушаемое морем поселение Быстровка 4. Обнаруженное Э.А. Севастьяновой в 1971 г., оно не раз осматривалось весной при объездах побережья водохранилища. Как правило, в это время береговая отмель в этом месте обнажалась на сотни метров и в пределах разрушаемых памятников можно было собирать керамику и предметы, вымытые из культурного слоя. С 1976 по 1978 г. А.В. Матвеев исследовал остатки этого поселка. Раскопом около 1800 кв. м была вскрыта разрушающаяся площадь памятника, выявлено пять жилищ, несколько построек и частично исследован зольник. Жилища различались конструктивно: это были одно- и двухкамерные каркасно-столбовые и срубные полуземлянки, углубленные на 0,4–0,5 м в материк, площадью до 200 кв. м и более. Неотъемлемым элементом структуры ирменских поселений являлись зольники. На миловановском поселении зольник представлял собой в разрезе чередование слоев черной, светлой и коричневой супеси, содержащей золу, и углистых прослоек. Как правило, зольник перекрывал древнюю погребенную почву.

Большую роль в понимании развития ирменской культуры сыграли материалы многослойного памятника Красный Яр 1, расположенного при слиянии речки Чучки и Обской протоки Уени, изучавшегося Т.Н. Троицкой в конце 1950-х — 1960-х гг. В 1978 г. А.В. Матвеев исследовал остатки двух зольников, двух классических ирменских и одного более раннего двухкамерного жилища. Стратиграфия раскопа позволила проследить последовательность возведения сооружений. Раньше всех было построено двухкамерное жилище, содержащее посуду с гребенчатой и резной «елочкой» и геометрическими узорами. После того как

жилье было покинуто, в образовавшийся провал стали сбрасывать золу. Позднее при возведении классического ирменского жилища южная часть котлована прорезала зольник. Эти факты были очень важны для формирования представлений о развитии позднебронзовых комплексов в лесостепном Приобье и периодизации ирменской культуры.

Нельзя не отметить, что за более чем 20-летний период после открытия ирменской культуры исследователи продвинулись в ее изучении. Так или иначе, после М.П. Грязнова и Н.Л. Членовой к разработке ее проблем не раз обращались М.Ф. Косарев, В.И. Матющенко, В.А. Посредников, В.И. Молодин, А.И. Мартынов, Е.А. Сидоров и др. К началу 1980-х гг. большинство из них признают генетическую преемственность андроновской (федоровской) и ирменской культур, хотя высказывают разные мнения по вопросам об этапах, локальных вариантах и участии в процессе формирования ирменской культуры иных компонентов, а также взаимодействии с культурами сопредельных территорий, в частности карасукской. Так, на материалах Еловского поселения В.И. Матющенко ставит вопрос о существовании единой еловско-ирменской культуры, однако не находит поддержки у специалистов. В.И. Молодин, проанализировав ирменские материалы, обосновывает выделение позднеирменских комплексов, со своеобразной посудой, близкой к посуде раннего этапа большереченской культуры. И все же многие вопросы, особенно связанные с жизнедеятельностью и социальной структурой ирменского общества, были мало изучены и реже освещались в литературе. Еще М.П. Грязновым на основе определения костей с Ирмени 1 был реконструирован состав стада у жителей этого ирменского поселка. Первое место в нем занимал крупный рогатый скот, далее — овцы, третье место принадлежало лошади. Кости диких животных составляли менее 1 %. Хозяйство характеризовалось как скотоводческо-земледельческое с небольшой долей охоты. М.П. Грязнов охарактеризовал и домостроительство ирменцев и их быт. Подпрямоугольные полуземляночные жилища площадью более 100 кв. м аналогичны подобным, исследованным у хутора Ляпичева на Дону, в которых в зимнее время содержался скот. Несмотря на успехи в изучении ирменской культуры, многие аспекты, такие как периодизация, хронология, общественная организация, идеология и хозяйство, требовали более пристального внимания, не разработанными оставались и вопросы происхождения и культурных связей ирменского населения.

Для того чтобы получить разрешение на использование материалов поселения Ирмень 1 в своем будущем диссертационном исследовании, Саша едет в Ленинград к М.П. Грязнову. Судя по дальнейшим исследованиям, на формирование Матвеева как ученого Михаил Петрович оказал большое влияние, и своими публикациями, и при личных беседах, что выразилось прежде всего в подходе к разработке периодизации и изучению хозяйственной деятельности ирменского населения.

Обобщив весь имеющийся по ирменской культуре материал, А.В. Матвеев предложил четырехэтапную схему ее развития. Ранний, ордынский этап выделен им на основе комплексов поселения Ордынское 12, в керамике которого еще достаточно заметны андроновские (федоровские) черты. На следующем — быстровском этапе происходит постепенное оформление собственно ирменских традиций, характерных уже для последующего, классического ирменского комплекса. В посуде позднеирменского этапа появляются элементы, присущие комплексам переходного от бронзы к железу времени и раннего железного века, что отмечал еще В.И. Молодин. Несмотря на то, что периодизация была построена и на стратиграфических данных, и на статистическом сравнении керамических материалов, не все исследователи приняли ее. Это коснулось прежде всего правомерности выделения быстровского этапа, материалы которого алтайские коллеги склонны относить к выделенной ими корчажской культуре. Тем не менее периодизация ирменской культуры, предложенная А.В. Матвеевым, до настоящего времени не имеет альтернативной версии, что свидетельствует о ее жизнеспособности и значительном вкладе исследователя в изучение позднебронзовых древностей лесостепи Западной Сибири.

Несомненный интерес и значение имели исследования А.В. Матвеева и Е.А. Сидорова в области домостроительства и хозяйственной деятельности ирменского населения. Например, для подтверждения мысли о содержании скота непосредственно на ирменских поселениях Матвеев впервые определяет и анализирует количество гумуса в их жилищах, зольниках и межжилищном пространстве, а также на поселениях переходного от бронзы к железу времени и раннего железного века. Так из отдельных, тщательно прорабатываемых деталей постепенно складывается представление исследователя о хозяйстве ирменского скотоводческого общества. В зимний период, судя по счищенным площадкам в полуземлянках, наличию золистых слоев в зольниках и количеству гумуса в культурных напластованиях, обитатели ирменских поселков держали скот в жилищах, что было достаточно рационально с точки зрения системы их жизнеобеспечения.

В силу ряда обстоятельств в 1978 г. А.В. Матвеев переезжает в Тюмень. Затем служба в армии, заочная аспирантура у Р.С. Васильевского, защита в 1985 году кандидатской диссертации... Начинается новый период жизни, исследуются новые территории, памятники, культуры. Но нет-нет да всплывут из глубин памяти и увидятся, как на четком фотоснимке, контуры ирменских жилищ, зольников, фрагменты посуды, так похожие на алакульские, федоровские, пахомовские и бархатовские Зауралья, из комплексов, впоследствии объединенных им в андроновскую семью культур позднего бронзового века...

*В.А. Зах
Тюмень, ИПОС СО РАН*

ВКЛАД А.В. МАТВЕЕВА В ИЗУЧЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Увлечение эпохой бронзы в исследовательской судьбе А.В. Матвеева было predetermined с первых шагов в археологии. Выбор в качестве темы исследования ирменской культуры Приобья был продиктован малочисленностью материала, крайне спорными гипотезами развития и возникновения этого населения. Начав с публикаций материалов поселений Быстровское, городища Батурино 1 и материалов разведочных исследований, Александр Васильевич вышел на обобщение полученных данных и создание авторской концепции развития культуры. Поддерживая отчасти гипотезу М.П. Грязнова, А.В. Матвеев при анализе и обобщении ирменских материалов Приобья пришел к выводу о четырехчленной периодизации ирменских древностей и выделил последовательные этапы — ордынский, быстровский, ирменский и позднеирменский [1985, 1986]. При этом материалы ордынского типа, по мнению исследователя, отражали связь ирменских и андроновских традиций.

Население ирменского и позднеирменского этапов, как считал Александр Васильевич, в целом было схоже по особенностям материальной культуры. Количество памятников этих этапов в рамках ареала ирменской культуры различалось, что позволило выдвинуть гипотезу о малой продолжительности существования позднеирменского этапа.

При проведении исследований, которые связаны с ирменской проблематикой, Александр Васильевич опирался на ряд методов, особенно отмечал стратиграфический, который показал особую эффективность при исследовании ирменских зольников, и в частности зольника поселения Быстровка. Полученные аргументы о синхронизации культур раннего периода существования ирменских древностей всегда приводились как неоспоримый аргумент и не вызывали сомнений. В полемике с алтайскими коллегами А.В. Матвеев в первую очередь рекомендовал изучать не только саму жилую площадку, но и зольник, который он считал отражением всей хронологии функционирования поселения. Известны также его работы о хозяйстве ирменской культуры, в том числе по жилым объектам поселений, их функциям и особенностям содержания скота.

Созданная Александром Васильевичем периодизация ирменской культуры прочно вошла в научный оборот, не потеряла своей акту-

альности и продолжает выступать в качестве основной концепции в изучении древней истории Приобья.

С конца 70-х гг. основная тематика исследований А.В. Матвеева была связана с эпохой бронзы Тюменского Притоболья. Именно в эти годы впервые были предприняты планомерные и целенаправленные поиски и изучение памятников бронзового века. Результаты работ тюменских археологов вылились в издание подробного свода свыше 1000 памятников, расположенных на территории области, от эпохи камня до средневековья [Археологическое наследие..., 1995]. Раскопки Чистолёбязского, Хрипуновского могильников, поселений Нижнеингальское 3 (раскопано Н.П. Матвеевой), с привлечением материалов поселения Ук 3, позволили А.В. Матвееву выявить достаточно плотную группировку алакульских племен на северо-западе ареала этой культуры, в подтаежной зоне мелколиственных лесов, и тем самым существенно его расширить [Матвеев, 1998]. Присущие исследователю тщательность, скрупулезность при введении в научный оборот данных, полученных в процессе раскопок, широкая эрудиция, сопоставление с материалами сопредельных территорий дали возможность впервые воссоздать целостную картину развития древних племен Западной Сибири в эпоху бронзы.

В исследовании и обработке полученных материалов им достаточно широко практиковался мультидисциплинарный подход, предусматривающий привлечение методов естественных и технических наук для всестороннего и полноценного освещения археологических артефактов с существенным расширением информационного фона реконструкции прошлого древних племен. Работы проводились совместно со специалистами по древнему ландшафту, палинологам, карпологами, антропологами, палеозоологами, исследователями в области радиоуглеродного датирования.

А.В. Матвеевым впервые была создана хронологическая периодизация древностей эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири, построенная на анализе погребальных и поселенческих материалов Зауралья, Западной Сибири, Казахстана с учетом результатов радиоуглеродного датирования [1998]. Рассматривая механизмы расселения алакульцев, особое внимание ученый обратил на существенную трансформацию экологической ниши и ландшафтно-климатических условий с остепнением территории, что способствовало проникновению скотоводов алакульской культуры в северную предтаежную зону. Он достаточно подробно и аргументировано рассмотрел проблемы этногенеза алакульских племен с выделением этапа формирования культуры на базе петровско-синташтинского пласта памятников. К последним он отнес погребения 2 группы могильника Верхняя Алабуга, Убаган 1 и раннего горизонта поселения Камышное 2. Подобной точки зрения в настоящее время придерживаются и ведущие специалисты по этой тематике — Н.Б. Виноградов, Г.Б. Зданович, А.В. Епи-

махов, В.В. Ткачев. При этом специфика периода была обусловлена началом освоения территории Зауралья этническими группами, выходцами из Юго-Восточной Европы в условиях военного противостояния автохтонного окружения. Сложившаяся на Южном Урале, в Зауралье, Северном Казахстане алакульская культура была достаточно однородной и в своем развитии прошла три фазы или этапа — кулевчинский, чистолеляжский, собственно алакульский и камышинский. В основу выделения этапов были положены довольно объемная статистическая обработка керамических комплексов, анализ набора орудий труда, особенностей погребальных ритуалов и планировки поселенческих комплексов.

Одним из первых исследователей в Сибири и Зауралье А.В. Матвеев обратил внимание на проблемы абсолютной хронологии алакульской культуры в связи с накоплением данных радиоуглеродного датирования материалов. В нескольких лабораториях (Уральский педагогический институт, Институт геологии и минералогии СО РАН) были получены 18 дат. Пять дат автор назвал некорректными (одна указывала на ранний железный век, четыре уходили в пределы XXII–XXI вв. до н.э.). 11 дат группировались довольно компактно и указывали на XX — первую половину XVIII в. до н.э. [Матвеев и др., 1994]. Автор предложил датировать кулевчинский и чистолеляжский этапы рубежом III–II тыс. до н.э. — началом II тыс. до н.э., алакульский — второй четвертью XX — серединой XVII в. до н.э., камышинский и амангельдинский этапы — серединой XVIII — серединой XVI в. до н.э. Это привело к существенному изменению (удревнению) ранее принятой традиционной хронологии алакульской культуры, хотя дальнейшее накопление данных, возможно, несколько изменит ситуацию в области абсолютной хронологии срубно-алакульского пласта памятников.

Итогом многолетних исследований ученого явились широко известная монография «Первые андроновцы в лесах Зауралья» [1998], а также защищенная в 2000 г. докторская диссертация «Лесостепное Зауралье во II — начале I тыс. до н.э.». Выводы стали базой для разработки теоретических положений по истории и хронологии племен эпохи бронзы Западной Сибири, решения проблемы генезиса культур эпохи бронзы Среднего Приобья. Это была хорошо аргументированная периодизация культур эпохи бронзы Зауралья, опирающаяся на материалы с огромной территории и рассмотренная на широком культурном фоне. Одной из сильных сторон данной работы является логичность в построении материала. Взаимосвязь культур исследовалась на всех уровнях — от материальной культуры до религиозных представлений. Наиболее разработанными были проблемы, связанные с андроновскими культурами — алакульской, федоровской, черкаскульской. И немало еще идей относительно развития андронидного населения были намечены. Впоследствии их правомерность неоднократно подтверждалась в археологическом материале. Кон-

цепция культурогенеза в Зауралье, предложенная Александром Васильевичем, не потеряла своей актуальности, без ссылок на его работы не обходится практически ни одно исследование, посвященное этой проблематике. Изученные им памятники стали эталонными для ряда культур, а потенциал его идей далеко не исчерпан.

Сфера научных интересов исследователя постоянно расширялась, в нее вошли вопросы изучения последующих периодов эпохи бронзы. Многогранный талант Александра Васильевича проявился в его подходе к изучению эпохи бронзы в целом — это был чрезвычайно глубокий замысел исследователя, направленный на характеристику широкого спектра культурогенетических процессов в Притоболье. В культурогенезе андроновских древностей Зауралья и прилегающих территорий А.В. Матвеев видел неразрывную связь алакульской и федоровской культур. Одной из особенностей научного почерка Александра Васильевича была своего рода гуманитаризация понятий. Предельно простые и четкие определения с подачи исследователя легко внедрялись в научный оборот. Уникальный как по своему содержанию, так и по применению в археологии термин «семья культур» наиболее полно и гармонично раскрывает суть понимания культурогенеза в андроновскую эпоху. Универсальное понятие «семья» достаточно точно характеризовало систему взаимоотношений носителей культур эпохи бронзы.

Мы не останавливаемся подробно на итогах изучения федоровской культуры, так как в статье, включенной в данный сборник, изложена основная позиция А.В. Матвеева. Однако считаем необходимым упомянуть памятники, материалы которых были использованы в процессе написания работ. Селище Щетково 2, на берегу оз. Щетково, — один из немногих памятников федоровской и бархатовской культур в Нижнем Притоболье. В последующем А.В. Матвеевым был исследован еще один памятник федоровской культуры — селище Криволюкское 7. Из раскопанных под руководством А.В. Матвеева можно отметить поселение Имбиряй 3, с его подачи начал исследоваться и представительный комплекс поселения Хрипуновское 1.

А.В. Матвеев обобщил материалы практически всех известных комплексов федоровской культуры Зауралья. Обосновывая этап существования древностей амангельдинского типа, исследователь выступил за поэтапность в развитии культур андроновской семьи, охарактеризовав процесс оформления федоровских традиций на базе алакульских. По мнению А.В. Матвеева, долговременные контакты этих культурных групп не подтверждаются широким кругом источников, а случаи совместного залегания федоровской и алакульской керамики интерпретировались им как естественный культурный процесс перерастания андроновской традиции. Вместе с тем преимущество в культуре алакульских и федоровских общин исследователь видел в существовании единой этнолингвистической группы, относя как алакульские, так и федоровские коллективы к индоиранской ветви.

Поздний этап федоровской культуры А.В. Матвеев отождествлял отчасти с черкаскульскими древностями, но в рамках процесса становления и развития андроновской семьи.

Одним из интересных поселений черкаскульской культуры, исследованных А.В. Матвеевым, является Ольховка, расположенная в Исетском районе при впадении в Исеть р. Ольховки. Каждый раз Александр Васильевич с теплотой вспоминал годы, проведенные на этом памятнике, ведь это место было примечательно не только с позиции полученного материала, но и как полигон для отработки фронтально-стратиграфического метода ведения раскопа. Полученные на памятнике археоботанические и палеозоологические данные позволили говорить о специфической системе экономики черкаскульцев.

Заключительный этап в андроновской семье культур, по мнению исследователя, соотносится с черкаскульскими древностями. Количество памятников черкаскульского типа к моменту написания докторской диссертации Александра Васильевича было ограниченным. Однако самобытный и интересный материал поселений Тоболо-Исетья позволил автору представить целостную картину культурогенеза андроновцев и тем самым завершить воссоздание цепочки развития андроновских традиций.

Сравнив материалы памятников классического черкаскульского облика Южного Урала и Зауралья с тюменскими, А.В. Матвеев высказал мнение о присутствии данного этапа на территории Притоболья, отметив незначительные черты, отличающие уральские памятники от притобольских, но при этом не видел оснований для выделения особой группы.

Материалы федоровских и черкаскульских памятников демонстрировали генетическую преемственность от федоровской к черкаскульской культуре, хотя эти этапы в развитии древних племен были обособлены. Исследователь подчеркивал неразрывность алакульских, федоровских и черкаскульских традиций, тем самым оспаривая точку зрения К.В. Сальникова по поводу концепции «таежного андрона». Неоспоримым аргументом в решении проблемы выступил анализ ареального распространения всех указанных групп населения, выявивший совпадение их территории, что позволило сделать заключение об их генетической преемственности и неразрывности.

Изучая культуры андроновского круга, исследователям приходится рассматривать проблемы так называемых андронидных культур. А.В. Матвеев столкнулся с проблемой постандроновских комплексов, однако памятники пахомовского облика были малочисленны. В 80-х гг. О.Н. Корочкова [1987] сформировала базовую концепцию андронидных культур региона. А.В. Матвеев признавал наличие особой пахомовской культуры, однако не соглашался с точкой зрения О.Н. Корочковой по поводу генезиса этой культуры. По его мнению, наиболее логично было бы прослеживать миграционный поток пахомовского

населения с территории Приишимья и Прииртышья. Таким образом, при передвижении из восточных районов носители пахомовской традиции проникали в Притоболье и сталкивались с группами андроновско-черкасульского населения. Под руководством А.В. Матвеева были изучены несколько селищ: в 2001 г. — Ботники 1 (до этого исследовалось Н.П. Матвеевой в 1987 г.), в 2002 г. — Имбиряй 2, в 2003–2004 гг. — Большой Имбиряй 10.

По его мнению, носители пахомовской и черкасульской культур проживали на территории Притоболья чересполосно, их объединяли общие, федоровские корни, при этом хозяйственный уклад позволял осваивать совместно территории без вреда для соседних общин. Такое соседство привело к появлению бархатовских коллективов в Притоболье.

Бархатовская проблематика неразрывно связана с вопросами изучения андронидных культур Притоболья. Под руководством А.В. Матвеева был не только исследован ряд памятников, но и систематизирован огромный круг источников. Среди ярких памятников можно отметить Красногорское городище, селище Щетково 2, поселение Заводоуковское 9. Именно на материалах этих и еще ряда памятников ученому удалось установить наличие двух этапов в развитии культуры. Ранний этап (щетковский) бархатовской культуры характеризовался пойменным расположением поселков, отсутствием оборонительных укреплений, своеобразным колоритом керамики и присутствием в комплексе сосудов хронологически близких культур (сузгунская, саргаринско-алексеевская, ирменская). Поздний этап (красногорский) был охарактеризован наличием укрепленных поселков, изменением орнаментации (возросла доля жемчужин, флажков), в комплексах встречается гамаюнская керамика, сосуды с крестово-печатным штампом, произошла переориентация хозяйства в сторону увеличения поголовья лошади и повышения роли присваивающих форм. Позже удалось установить, что бархатовское население было знакомо с элементами земледелия. Характеризуя бархатовскую культуру, А.В. Матвеев не ассоциирует ее собственно с андроновскими древностями, но считает, что нельзя ее называть андронидной в полной мере, так как вопрос об ее происхождении и количестве компонентов, участвующих в сложении культуры, еще остается открытым.

Александр Васильевич проявлял интерес и к переходному периоду от бронзы к железу, в котором, по его мнению, можно было наблюдать уникальные механизмы трансформации населения, отголоски андроновских традиций и последствия перемещения разнотипных по своему происхождению групп. Эпизод с изучением городища Ефимово 1 наглядно демонстрирует это: в небольшом репринте емко, скрупулезно и своевременно был опубликован материал красноозерского городища.

Научные труды А.В. Матвеева хорошо известны российским археологам, которые отмечали такую особенность его исследовательской работы, как сочетание предельной тщательности с широтой постановки проблем и огромной эрудицией. Несомненно, введение им в научный оборот пласта археологических памятников эпохи бронзы, решение целого ряда важнейших проблем истории и культуры древних племен Приоболья явились важным вкладом в развитие отечественной археологии.

Список литературы

Матвеев А.В. О хозяйственно-функциональной планировке ирменских жилищ Быстровского поселения // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири: Тез. науч. конф. Барнаул: АлтГУ, 1983. С. 129–131.

Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: ТюмГУ, 1985. С. 29–54.

Матвеев А.В. Ирменские поселения лесостепного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: ИИФ СО АН СССР, 1985. 21 с.

Матвеев А.В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // Советская археология. 1986. № 2. С. 56–69.

Матвеев А.В. Некоторые вопросы теории и методики полевого исследования поселений эпохи бронзы и железа в западносибирской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: ТюмГУ, 1989. С. 4–26.

Матвеев А.В. Хронология бархатовского комплекса Красногорского городища // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: Тез. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения К.В. Сальникова. Уфа: БашГУ, 1991. С. 63–65.

Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово-1. Препр. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 76 с.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Зах Е.М. и др. Хрипуновский могильник: новые сведения о северных андроновцах // Западная Сибирь — проблемы развития. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. С. 3–19.

Матвеев А.В. Культуры андроновской семьи в бронзовом веке Западной Сибири // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тез. международной науч. конф. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. Т. 2. С. 27–29.

Матвеев А.В., Чикунова И.Ю. Поселение Ботники-1в на Нижней Исети // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 44–50.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.

Матвеев А.В. Лесостепное Зауралье во II — начале I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 50 с.

Матвеев А.В. Черкаскульская проблема и метаморфозы концепции «лесного андрона» // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. Всероссийской науч. конф. Омск: ОмГУ, 2000. С. 75–77.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Хроностратиграфические комплексы позднебронзового поселения Щетково-2 в Ингальской долине // Хро-

нология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий: Мат. науч. семинара. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. С. 78–83.

Матвеев А.В., Измер Т.С. Исследование поселения Имбиряй-3 в Ингальской долине // Словцовские чтения-2002: Мат. докл. и сообщ. Всероссийской научно-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. С. 142–143.

Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGIN: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 4–41.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. 416 с.

Матвеев А.В., Костомаров В.М., Костомарова Ю.В. К характеристике хозяйственной деятельности носителей пахомовской культуры лесостепного Зауралья // Вестник ТюмГУ. 2009. № 7. С. 3–14.

Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 46–55.

В.М. Костомаров, А.Д. Дегтярева
Тюмень, ИПОС СО РАН

ПАМЯТИ А.В. МАТВЕЕВА

Роман Федоров, Евгений Сидоров, Андрей Гаман, Виктор Соболев, Игорь Глушков, Наталья Довгальук... сколько их, археологов, начинающих, опытных, маститых, ушло от нас? Они ушли в самом начале научного пути или в полном расцвете сил, не закончив свои дела... Этот список никогда не кончится...

В этот раз настала очередь Александра Васильевича Матвеева, археолога, доктора исторических наук, профессора, занимавшегося изучением... Он много чем занимался: копал памятники бронзового века в Приобье и Притоболье, разрабатывал интересную методику раскопок поселений, изучал сюжеты, связанные с последними днями Ермака, обобщал накопленные материалы по Ингальской долине, и так далее, и так далее. Он выучил археологии целую плеяду студентов и аспирантов, написал статьи и книги, организовал конференции, раскопал интересные археологические памятники. Совсем недавно вышел сборник, посвященный его юбилею, а теперь его нет и никогда не будет с нами. Потому что смерть — это навсегда. А в памяти время от времени всплывает его образ, светлый образ друга и коллеги. И эта статья — дань уважения к нему.

С Александром Васильевичем я был знаком почти четверть века, но впервые услышал о нем, будучи студентом второго курса, в 1979 году. Это было на полевой студенческой конференции в Томске, осенью. Съехались туда в основном студенты из Западной Сибири. Было интересно, все показывали друг другу привезенные материалы. И кто-то из новосибирских ребят, не помню кто конкретно, но кто-то из учеников Татьяны Николаевны Троицкой, посмотрев рисунки позднебронзовой керамики Еловского могильника, сказал, что подобными вещами занимаются у них Женя Сидоров и Саня Матвеев. Поскольку археологический кругозор в то время у меня был невелик, то эти имена отложились в моей памяти, хотя и залегли в каком-то далеком ее уголке.

В то время, когда я делал первые шаги в археологии, а это конец 1970-х — начало 1980-х годов, мне казалось, что большинство археологов изучает поздний бронзовый век, и это были, как тогда мне казалось, самые достойные ученые. Конечно, подсознательно я чувствовал, что их должно было быть несколько поколений, этих ученых. В те годы среди студентов, по крайней мере, знакомых мне, бытовало мнение, что самыми лучшими знатоками эпохи бронзы были М.Ф. Косарев и В.И. Матющенко — выпускники Томского университета, док-

тора наук, авторы монографий и статей, непримиримые оппоненты в науке и друзья в жизни — ученые среднего поколения. Они учились у корифеев науки, классиков советской археологии, у своих старших коллег М.П. Грязнова, С.В. Киселева, А.П. Окладникова, В.Н. Чернецова и других, внесших серьезнейший вклад в науку о древностях, авторов солидных томов в знаменитой серии «Материалы и исследования по археологии СССР», которые я объединял словосочетанием «Древние истории». В моем тогдашнем понимании это были небожители с непревзойдаемым научным авторитетом и недостижимым научным уровнем.

С огромным интересом я читал работы ученых, которые были помладше лучших «бронзоведов», но которые уже сделали кое-что в науке: защитили кандидатские диссертации, написали первые монографии или серию интересных статей. Сейчас это признанные ученые: В.В. Бобров, Ю.Ф. Кирюшин, В.И. Молодин, В.А. Посредников. Тогда я не знал их лично. А вот со многими их учениками я был знаком.

Вообще, студенческое сообщество — уникально. Я убеждался в этом неоднократно в поле, на конференциях, в различных поездках. Готовность помочь (и реальная помощь тоже), показать что-либо из новых материалов и рассказать о них, поделиться мнением и обсудить сложную проблему — это было в характере студентов-археологов. И очень часто речь заходила о позднем бронзовом веке, и ребята рассказывали о работах своих товарищей, чуть-чуть постарше их, но эти работы порой отличались от того, что было написано в монографиях и статьях.

Среди молодых «бронзоведов» выделялись три человека: барнаулец Александр Шамшин, ученик Ю.Ф. Кирюшина, и два новосибирца: Евгений Сидоров и Александр Матвеев, ученики Татьяны Николаевны Троицкой. Правда, последний уже работал в Тюмени, но в научном плане занимался Приобьем, поэтому я и отношу его к новосибирцам. Эти ребята уже вели самостоятельные раскопки и занимались темой для меня очень близкой — памятниками еловского и ирменского времени. У них уже были первые публикации, и каждый из них изучал какой-то аспект позднебронзовых древностей Приобья, и все они органично дополняли друг друга. Но тематика их работ была разная.

Если же говорить о ней в целом, то формировался новый взгляд на предшествующие ирменской культуры. Вкратце напомним концепции того времени: ирменская культура сформировалась на... вот эта-то подоснова в рассуждениях исследователей и была разная. В.И. Матющенко считал, что это была еловская культура, сформировавшаяся на основе андроновской культуры при участии доандроновского населения (самусьской культуры). Его оппоненты — М.Ф. Косарев, В.А. Посредников, Ю.Ф. Кирюшин считали что еловские памятники в своей основе таежные, гребенчато-ямочные, и в формировании ирменского пласта древностей их участие незначительно. Дискуссии были очень острые, в оборот вводились все новые и новые материалы позднебронзового времени, а ученики ученых на студенческих конференциях

чуть ли не с пеной у рта доказывали истинность концепции своих учителей. К сожалению, сейчас нет такого накала дискуссий, но зато желающие могут познакомиться с их научной канвой в многочисленных публикациях того времени.

Вот эти три парня и подтачивали гипотезу еловской подосновы еловско-ирменской культуры. В Барнауле А.Б. Шамшин, очевидно находясь под влиянием Ю.Ф. Кирюшина, говорил о местном своеобразии Верхнего Приобья, о так называемой «южной еловке». Примерно к середине 1980-х годов Юрий Федорович ввел термины «корчажнинская керамика» и «корчажнинская культура», а А.Б. Шамшин описал их в кандидатской диссертации. Е.А. Сидоров, работая с комплексом Милованово, говорил о сходстве полученной им керамики с мало-красноярской посудой из Казахстана. К сожалению, он этот сюжет не завершил, но мы два раза с ним об этом говорили (весной 1982 года, когда я был на преддипломной практике в Новосибирске, и летом этого же года на Черном озере, где он вел раскопки). Ну а Александр Васильевич разрабатывал свою концепцию быстровского этапа ирменской культуры. Возможно, они как-то обсудили свои темы, чтобы не пересекаться в науке. Кто-то из новосибирцев мне даже показывал лавочку на Красном проспекте, где они сидели втроем и обсуждали насущные проблемы «бронзоведения». А может быть, это одна из многочисленных студенческих легенд? По крайней мере, сам Александр Васильевич при нашей встрече весной 2012 года вспомнить этого не смог, но и не опроверг категорически возможность такой посиделки.

Зато он рассказал, что говорил с М.П. Грязновым о работе с материалами поселения Ирмень I. Как известно, это выразительное поселение, находившееся в устье одноименной речки, левого притока Оби, давшее название целой культуре, нашел и раскопал Михаил Петрович. Была небольшая публикация об этом памятнике, материал М.П. Грязнова использовала Н.Л. Членова при выделении ирменской культуры, но полной публикации не было, как нет ее и сейчас. С подачи Татьяны Николаевны Троицкой Александр Васильевич обсуждал с автором раскопок возможность обработки и совместной публикации материалов. Но, к сожалению, инициатива запоздала, Михаил Петрович из-за болезни отнесся к предложению прохладно. Александр Васильевич в одиночку материалы такого важного памятника публиковать не решился. Однако в монографии «Ирменская культура в лесостепном Приобье» в 12 из 26 таблиц приведены материалы поселения Ирмень I. Выходит, что он их изучил детально.

В какой-то мере эта тройца молодых археологов укрепила мое желание заниматься изучением социальной структуры населения позднебронзового времени, но не проблемами выделения археологических культур. Я, немножко зная керамику, видел, что еловские памятники служат основой ирменской культуры в северных лесостепных районах Приобья, ну может, и в южно-таежных местностях — это Кожевниковский район Томской области, Коченевский и Колыванский

районы Новосибирской. Так, Е.А. Сидоров показал мне керамику комплекса Черное озеро, что близ Колывани, которая показалась мне почти копией еловской из Томской области, а «крохалевскую» (д. Крохалевка в Коченевском районе) «еловку» я находил сам, «южную еловку» мне показал А.Б. Шамшин... В общем, мне казалось, что ребята не так уж неправы, и нежелание заниматься тем же самым — керамикой и культурами, — в чем они уже продвинулись, во мне только укрепилось.

Итак, концепция формирования ирменской культуры, высказанная В.И. Матющенко, потихоньку сходилась на нет. По каким-то причинам и сам Владимир Иванович не слишком занимался спорами с оппонентами, хотя с 1979 по 1982 год усердно искал новые аргументы, ведя раскопки близ д. Еловка. На смену этой концепции шли идеи локального своеобразия в развитии населения эпохи поздней бронзы: выделены корчажкинская культура в Алтайском крае и быстровский этап в Новосибирской области. Я не опишу этот этап лучше, чем Александр Васильевича, а желающие могут найти его концепцию в вышеназванной книге. Полагаю, что это была первая серьезная научная концепция, которую он публично высказал и защитил.

Мое первое длительное очное общение (мы были знакомы и раньше, но это были короткие встречи) с Александром Васильевичем состоялось на организованной им конференции. Если память мне не изменяет, она называлась «Актуальные проблемы методики западно-сибирской археологии» и была проведена весной 1989 года. Конференция проходила в каком-то комплексе отдыха под Тюменью. Известно, что для организации переезда участников и их расселения за городом нужны немалые усилия. Мне показалось, что та конференция была организована прекрасно. Транспорт, размещение, питание, заседания, обеспечение участников конференции научной литературой — все было отлично. Здесь я увидел Александра Васильевича как организатора. Он был спокоен, нетороплив, рассудителен, основателен, но все шло как надо. В этом ему помогали и его молодые сотрудники, и его студенты.

Вот эту рассудительность и основательность я видел у него неоднократно. Как-то в один из моих приездов в Тюмень мы сидели с ним в недавно образованной лаборатории археологии, антропологии и этнографии ИПОСа¹, в здании на улице Водопроводной (он перед разговором напоил меня чаем и показал небольшую экспозицию), и разговаривали. Конечно же об археологии и различных археологических событиях. И я спросил об одном из моих коллег, тогда работавших в Тюмени. Такого подробного и обстоятельного ответа я не слышал никогда. Было у Александра Васильевича умение излагать все по пунктам, обдуманно и без ненужной шелухи. Так же детально и продуманно он рассказывал мне во время нашей последней встречи в Тюмени о «последнем прыжке Ермака». Еще один случай. Это было в

¹ Институт проблем освоения Севера СО РАН.

Томске, на Западно-Сибирском совещании, лет 10 назад. Регистрация участников заканчивалась, и археологи потихоньку проходили в зал заседаний. Там я и увидел Александра Васильевича, просматривающего книги. Но как! Многие спешат открыть оглавление, быстро пролистать книгу, на чем-то ненадолго остановиться. Нет, однако! Он листал книгу не спеша, медленно просматривая страничку, наслаждаясь текстом или картинкой. И было в этом что-то магическое, завораживающее, что я не решился оторвать его от сего занятия.

Та конференция 1989 года, которую он организовывал, запомнилась мне тремя вещами. Во-первых, его докладом о методике раскопок памятников. Из всех докладов я лучше всего запомнил два — Ю.Б. Сериков рассказывал о «конкретной ситуации в археологии» и А.В. Матвеев — о фронтально-стратиграфическом методе. Доклад вызвал много обсуждений, были мнения *pro* и *contra*, но равнодушных не было. Мне же доклад очень понравился, тем более он был проиллюстрирован великолепной серией слайдов. Второй сюжет был связан с Татьяной Николаевной. В те годы был сухой закон и публичное распивание алкоголя не приветствовалось. Но добрый Александр Васильевич перед посадкой в автобусы угощал гостей каким-то самодельным вином. Подошел он и к Татьяне Николаевне, которая, выпив маленький стаканчик, своим звонким и громким голосом возгласила: «Тут Саша Матвеев всех вином угощает! Подходите, кто хочет!» Надо было видеть его смущение, смущение главного организатора употребления вина в публичном месте. Ну а третье — внезапный снег, уже после отъезда из лагеря, и последующий мороз по приезду в Тюмень. На этой конференции как раз он попросил меня написать статью по раскопкам на поселении Еловка, которую и опубликовал в одном из сборников. Он был первый, кто попросил меня написать статью на определенную тему.

Потом было много встреч, много разговоров, в основном на археологические темы, о студентах, раскопках, новых книгах, памятниках, знакомых археологах и т.д. Направления наших исследований разошлись. Он занимался изучением Притоболья, бронзового века, конечно. И докторскую диссертацию он по эпохе бронзы Зауралья защитил, а я перешел к проблемам изучения археологических микрорайонов и поздних археологических памятников XVII–XVIII веков. Честно сказать, в то время я совсем охладел к «бронзе», занимаясь изучением микрорайонов и социальной структуры. В этом смысле мне по тематике были ближе работы Н.П. Матвеевой, которая анализировала социальную историю населения саргатской культуры.

Но и книги и статьи Александра Васильевича, я, конечно, с интересом читал. Это, например, «Археологические путешествия...», а уж «Археологическое наследие...» я изучал с карандашом в руках, отмечая закономерности расположения археологических памятников по отношению к большой реке и ее притокам первого, второго и т.д., порядков, а не к степи, лесостепи или другой ландшафтной системе.

Это привело меня к мысли о внезональных ландшафтах. Но до сих пор ни анализ расположения археологических памятников на юге Тюменской области, ни концепция ландшафтов не завершены.

Интересная встреча была у нас с Александром Васильевичем в Новосибирске в 2000 году. Там я оказался по каким-то делам на другой день после его защиты. Конечно, я знал, что он уже вышел на защиту, но день, когда она случится, мне был неизвестен. Поэтому наша встреча была случайной. Но длительной и основательной. Он уже уходил из Института, да и я закончил свои дела, поэтому он и пригласил меня к себе, а жил он тогда в гостинице Института археологии и этнографии, переделанной из детского садика. По дороге мы посетили магазин и уже в его комнате несколько раз возлили коньяк по случаю его защиты. Тогда он много рассказывал о процедуре защиты, об оппонентах, вообще обо всем, и был очень-очень доволен и своим успехом, и отзывами коллег.

Известно, научные пути неисповедимы и запутаны. И снова они сошлись на Южном Урале, на конференции по проблематике эпохи бронзы, связанной с проблемой изучения «Страны городов». Так назвали наши челябинские коллеги совокупность укрепленных памятников раннебронзового времени в верховьях рек Тобол и Урал. В общем, в 1999 году Г.Б. Зданович собрал на Аркаиме международную конференцию, посвященную изучению и этого памятника, и аналогичных ему объектов. Запомнился и «аквариум» на речке Караганка, и осмотр с вертолета памятников, и реконструкция кургана Темир (в общем, много чего было интересного), да и само научное общение запомнилось тоже. На нее Александр Васильевич и Наталья Петрова привезли молодых, начинающих ученых Женю Волкова и Наташу Рябогину. И как-то зашел разговор об Ингальской долине. И всплыла тема интересующих меня археологических микрорайонов. У тюменцев были несколько иные представления об этом феномене. Но это было неважно. Главное, еще один коллектив начал постоянно их изучать.

До этого коллеги из Тюмени не один раз публиковали материалы об этой долине. Но как-то они не связывались в моем мозгу с микрорайонами, да и географию той местности я представлял плоховато. После же разговоров с Женей, а особенно с Александром Васильевичем, картина для меня стала совершенно четкой. Ингальская долина — это как Окуневский микрорайон, только по географическим условиям немножко не такой. Окунево — это терраса, гигантский мыс, вдоль склонов которого текут Иртыш и Тара, и в окружающей пойме есть останцы с памятниками, на террасе тоже памятники. А Ингала — это долина, окруженная террасами, и в долине — тоже останцы. В целом же природно-географические условия очень сходные — коротко их можно назвать словами «обитаемая пойма». Подробно об Ингальской долине написано в книге Александра Васильевича «Затерянный мир Ингальской долины» и в диссертации его ученика Е.Н. Волкова «Ком-

плекс древних и средневековых памятников Ингальская долина...» (2005) и последующей монографии с таким же названием.

Опять-таки, к сожалению, работа по тематике археологических микрорайонов приостановилась, хотя в кандидатских работах как минимум четырех сибиряков есть существенные рассуждения об археологических микрорайонах. Еще имеются три хорошо изученных района — Ингальская долина в Тюменской области, Окуневский микрорайон в Омской и Крохалевский микрорайон в Новосибирской. Все они лежат примерно в одинаковых природно-географических условиях, приурочены к поймам больших рек, которые хорошо освоены и которые существовали как минимум с эпохи ранней бронзы до средневековья.

Последний раз мы много говорили с Александром Васильевичем в Тюмени весной 2012 года. Я приехал на конференцию «Человек и Север». Это была хорошая конференция, я уже выступил, поговорил с друзьями и коллегами. А Александр Васильевич появился не в первый день конференции. Я сразу увидел его, как он вошел в зал: веселый, отдохнувший, вернувшийся, как он сказал, «из Израилью». Потом мы говорили, и он рассказывал о своих работах в Тобольске, о русской археологии, найденном подземном ходе. Рассказал и об изучении последних дней Ермака. Разговор продолжился и на неформальной части конференции. Мы пили красное вино, ели конфеты и говорили, говорили, говорили... о детях, о студентах, о молодежи вообще, о любимой науке археологии и о новых разработках, об археологах прошлых лет, о проблемах жилья. Потом все, в том числе и мы, разъехались. Я поехал на вокзал, а он домой. Наша последняя встреча была в Омске осенью 2012 года, когда он приехал на конференцию «Культура русских в археологических исследованиях». Мы поздоровались, обменялись дежурными фразами. Потом был переезд в Тару, а наутро мне пришлось возвращаться в Омск. Поэтому разговоров у нас не получилось. И ничто не предвещало беды.

Весной 2013 года до Омска дошли слухи о его болезни. В переписке или во время телефонных разговоров с тюменцами всегда говорили о его здоровье. 24 апреля утром я позвонил в Тюмень, и мне ответили, что только что не стало Александра Васильевича. Как было написано в одной из старых книг: «...и выбрал он царство небесное, а нас оставил в печали...».

Говоря об Александре Васильевиче, надо было бы говорить и о Наталье Петровне, его верной спутнице. Но сейчас не тот случай. Я же написал не научное исследование, а воспоминания, то, что хорошо помню. Безусловно, есть люди, знавшие Александра Васильевича намного лучше и полнее, чем я. Но вот таким — основательным, умным, спокойным, рассудительным он остался в моей памяти, остался навсегда.

*С.С. Тихонов
Омский филиал ИАЭТ СО РАН,
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского*

В моей памяти за давностью лет не сохранился факт личного знакомства с Александром Васильевичем. Скорее всего, это произошло на одной из конференций. Но поскольку до этого момента я его знала, как мне казалось, уже давно, то восприняла состоявшуюся встречу как само собой разумеющееся.

А воспоминания о Саше Матвееве, уехавшем в Тюмень,— всеобщем любимце, талантливом археологе, друге, мы, будучи студентами Новосибирского педагогического института, слышали от своих старших коллег и наставников часто. Работа студенческого археологического кружка, в те годы (впрочем, как и всегда) не сводилась только к научным заседаниям и докладам, хотя они проводились регулярно. Мы постоянно толклись на четвертом этаже, где обитали археологи,— либо в 409-й комнате, либо в музее, либо в тесной камералке. Кто-то писал очередной доклад, кто-то помогал готовить отчет, кто-то просто приходил пообщаться. Выезжали на первую и последнюю «лопату», отмечали вместе праздники и дни рождения. И всегда с удовольствием слушали рассказы о прошлых экспедициях и их участниках. Чаще других в этих рассказах фигурировал Саша (Саня) Матвеев. Вспоминали его дотошность и тщательность при ведении раскопа, его тактичность и интеллигентность, влюбленность в археологию, готовность работать на раскопе сутками. И по тому, с какой теплотой о Матвееве говорили все без исключения, чувствовалось, как его не хватает.

Эта симпатия была взаимной. Александр Васильевич не пропустил, по-моему, ни одного значимого события в жизни нашего неформального сообщества. Он приезжал на все юбилеи — и археологического кружка, и его бессменного руководителя Татьяны Николаевны Троицкой. С ней они контактировали постоянно — чаще по телефону, но обязательно виделись лично в каждый приезд А.В. в Новосибирск. Было видно, как ценит Татьяна Николаевна это общение и дорожит этими нечастыми встречами.

Более плотно мы начали общаться с Александром Васильевичем в процессе написания моей кандидатской диссертации. Обсуждали тему, предложенную Татьяной Николаевной, и он был очень рад, что материалы Милованово-3 не будут заброшены после ухода из жизни Е.А. Сидорова. Бережно храню один из экземпляров отзыва ведущего учреждения, подписанный заместителем директора по науке, зав. лабораторией археологии и этнической антропологии ИПОС СО РАН А.В. Матвеевым, тогда еще кандидатом наук. Защищались мы в один день с Натальей Петровной Матвеевой, а наши мужья совместно за нас переживали, может, даже больше, чем мы сами. Во всяком случае, радовались они потом точно сильнее нас! И клятвенно обещали, что теперь их очередь.

Мне были очень понятны и близки педагогические принципы Александра Васильевича, хотя я могла наблюдать его отношения с учениками только со стороны, на конференциях. Требовательность и строгость к младшим коллегам сопровождались очень теплыми и

дружескими отношениями, но без всякого панибратства. Хотя шли они к нему с любыми вопросами, не только профессиональными и научными, но и жизненными. И на конференциях он всегда был в окружении своих подопечных, которые между собой называли его Шефом. Для меня же (как и для многих других) он был настоящим Профессором — именно так, с большой буквы: и по знаниям, и по своим научным достижениям, и по статусу, независимо от должности, которую он занимал в разные периоды своей жизни. Хотя, как выясняется, он так и не получил этого звания официально, видимо, не считал это для себя важным. Но признание и уважение коллег, на мой взгляд, куда более ценная вещь, чем бумажка с печатью.

Последняя наша встреча состоялась два года назад на археологическом съезде в Старой Руссе. Он участвовал во всех заседаниях секции, задавал докладчикам вопросы, дискутировал, в перерывах по-прежнему курил, так и не поборов в себе заядлого курильщика, грустно шутил по поводу своей трости, с которой на тот момент не расставался и которая добавляла его образу, с одной стороны, импозантности, а с другой — незащищенности... Спрашивал обо всех давних знакомых, передавал им приветы, сетовал на очередные проблемы с университетским образованием. Прощались, как всегда, надеясь на скорую встречу...

*О.И. Новикова
Новосибирск, ИАЭТ СО РАН*

СКРУПУЛЕЗНЫЙ, ДОСКОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК...

Готовя этот материал, я поняла, что судьба, распорядившись таким образом, что я не смогла попрощаться и проводить Александра Васильевича, была абсолютно права. Для меня он остался среди нас таким, как я его вижу с экрана моего компьютера: спокойным и рассудительным, веселым, с юмором относительно своих проблем, по-мальчишески с опаской (чтобы не увидела Наталья Петровна) прячущим сигарету под лавочку во время нашего разговора во дворе его загородного дома. И сегодня, переводя нашу с ним беседу с видеозаписи на бумагу, мне так и хочется снять трубку и набрать его номер, так и оставшийся в моем сотовом, чтобы уточнить не попавшую в запись деталь его научной карьеры, эпизод экспедиционной жизни.

Мы принадлежали к разным поколениям и сферам научных интересов и, по сути, тесно соприкоснулись только на «русском поприще», но и из этого малого по времени общения я поняла, какой это был внимательный, влюбленный в свою профессию, скрупулезный, доскональный в познании человек.

Свое повествование я начну с фразы, которую Александр Васильевич сказал о своем друге Евгении Сидорове: «Женя Сидоров был уникальный человек, к сожалению, так нелепо и рано ушедший из жизни. Он был моим другом, хотя и старше на 5 лет. Есть несколько сборников, посвященных его памяти, куда меня тоже приглашали со статьями. Но я их так и не написал. И не потому, что ленивый или нет времени. У меня были наброски статей, но я каждый раз понимал, что не могу написать что-то достойное этого человека. А писать недостойное я не хочу».

Я тоже вряд ли смогу написать статью лучше, чем это сделают близкие друзья и ученики Александра Васильевича, поэтому я попытаюсь с его помощью рассказать о нем, взяв в качестве источника интервью, записанное мною летом 2010 года в Тюмени в гостях у супругов Матвеевых.

Как это интервью появилось? Занимаясь визуальной антропологией, мы с моим коллегой П.В. Орловым (хотя он физик по специальности, но «лирик» в душе, и у нас с ним много проектов по естественно-научным методам в археологии) придумали проект «Повести о сибирских ученых». Цель проекта — история сибирской науки в формате видеосъемки об ученых-сибиряках и сибироведах-археологах и

этнографах, представленная фильмами о старейших представителях ученых-сибиряков, ныне здравствующих и определяющих не только образ и уровень развития сибирской науки, но и образ страны и ее научных достижений.

Началом этих работ стал визит к старейшему классику сибирской науки — основателю новосибирской археологической школы, профессору, доктору исторических наук — Татьяне Николаевне Троицкой, которая более чем полвека посвятила изучению древней и средневековой истории Сибири, является автором многочисленных монографий и статей, воспитала достойных учеников. Затем мы записали серию интервью с учениками Татьяны Николаевны, одним из которых был А.В. Матвеев.

А.В. Матвеев на 85-летнем юбилее Т.Н. Троицкой.
Новосибирск, 2010 г. Фото Л.В. Татауровой

Целью этого интервью были воспоминания Александра Васильевича о Татьяне Николаевне, которая дала ему путевку в жизнь и к которой он уже в зрелом возрасте относился так же трепетно, как и в далекие студенческие годы. Однако формат этой беседы не ограничился только воспоминаниями об учебе и экспедициях. В рамках проекта мы работали по одному сценарию с каждым ученым, поэтому вопросы касались различных жизненных сюжетов.

*Из интервью А.В. Матвеева — Тюмень, август 2010 года
(Л.Т. — Лариса Татаурова, А.В.М. — Александр Васильевич
Матвеев)*

Л.Т. Александр Васильевич, расскажите, когда Вы родились и кем были Ваши родители?

А.В.М. Я родился в Новосибирске в 1955 году, мои родители — обычные сибирские интеллигенты: мама — врач, отец по образованию металлург, но значительную часть жизни проработал в Сибирском отделении РАН — химик, патентная работа. Никакой генетической предрасположенности к истории и археологии у меня не было, этим удалось заболеть уже в пединституте, где преподавала Т.Н. Троицкая — мой первый, главный и лучший учитель.

Потом начались экспедиции, в которых Татьяна Николаевна заразила археологией не меня одного.

Л.Т. А как Вы попали в пединститут на истфак?

А.В.М. Детство и юность мои и моего поколения пришлись на 60–70-е годы, своеобразный период. Поэтому мы выросли людьми двойной морали: мы понимали, что можно говорить на комсомольских собраниях и что можно говорить дома на кухне в кругу друзей. Идеологический гнет был серьезный, поэтому юность нашего поколения была достаточно сложной в этом отношении — у многих развился алкоголизм. Слава Богу, не было тогда наркотиков, иначе многие бы от них погибли. В наше время человеческое существо искало свободы, особой ниши. Я тоже не был в стороне и нашел такую нишу в науке, которая идеологическому прессу не подвергалась. В археологии можно было делать хоть маленькие, но открытия, высказывать свои точки зрения, участвовать в дискуссиях. Видимо, поэтому я пошел на истфак, плюс романтика экспедиций, хорошие и верные друзья — это имело свое значение. А самое важное — это пример учителя Т.Н. Троицкой. Мы ее очень уважали и любили.

Л.Т. А как вы познакомились с Татьяной Николаевной?

А.В.М. Познакомились на лекции, на первом курсе. Она читала историю Древнего Востока. Была не особо артистичным, я бы сказал, была суховатым академическим лектором. Всем хорошо была знакома ее привычка подойти к окну, присесть на подоконник и, обведя взглядом аудиторию, читать лекцию, в которой давала четкую, ясную картину в изложении материала. И если не случилось бы потом личных встреч, никто у нас в археологию бы не пошел.

Но по-настоящему мы увидели Татьяну Николаевну в экспедиции, и с другой стороны: очень демократичную, в ней сочетались разнообразные, порой противоречивые черты. Внимательная, доступная в общении — она не воздвигала стену между собой и студентами, поэтому с ней можно было говорить обо всем. Кроме того, Татьяна Николаевна обладает таким качеством: относится к студентам как к младшим, не очень опытным, но равным ей людям. В ней не было

высокомерия, она считала, что если мокнешь со студентами вместе под дождем, ешь из одного котла, то это учит тебя демократическим отношениям. Это часто ей ставили в вину на партсобраниях, выдавая за панибратские отношения. Но так говорили те, кто ее не знал. Потому что при всей доступности она была человеком, до которого надо дотянуться. Мы ощущали ее багаж знаний, причем не только в археологии, а общий багаж, общий уровень культуры, что заставляло нас тянуться. Она это не демонстрировала, но это заставляло нас учиться и идти вперед.

Татьяна Николаевна как любой хороший учитель прививала не столько знания, сколько общечеловеческие нравственные ценности, а еще была хорошим рассказчиком. И наше с ней общение было практически ежедневным, особенно после экспедиции. Надо еще сказать, что Татьяна Николаевна умела научить профессиональному ремеслу. Это бывало так: давали человеку задание, давали проявить самостоятельность, столкнуться с раскопом, с культурным слоем один на один, а потом обсуждали и проверяли полученный результат, приводя методические примеры, так сказать, обучали в бою. Это конечно быстро запоминалось. И студенты Татьяны Николаевны были всегда хорошо подготовлены в полевом ремесле.

Но одного ремесла было мало, еще Татьяна Николаевна умела подтолкнуть людей, чтобы у них рождались свои новые идеи, но она это делала не нудным чтением лекций, а иногда словом, взглядом, жестом давала понять, что что-то хорошо, а что-то не очень. Могла сказать: «что-то я у тебя особых идей вообще не вижу» — и это заставляло человека тоже тянуться.

Для нас Татьяна Николаевна была особым идеалом ученого-археолога, за которым студенты тянулись. Хотя сама Татьяна Николаевна всегда повторяет, что она прежде всего педагог, а потом ученый. Нам, ее ученикам, эта фраза всегда казалась спорной. Мы слушали ее доклады, читали ее статьи и книги, и нам казалось, что она себя принижает. Ведь она формировала в учениках серьезную преданность науке, это было очень ощутимо, мы науку любили беззаветно. Но потом пришло понимание, что ее роль как воспитателя оказалась действительно более важной, чем ее научные разработки, — она воспитала огромное количество профессионалов, и не только археологов, но и учителей, музейных работников. Ведь она работала в педагогическом институте, где была рядовым преподавателем, доцентом кафедры (не заведующим, не деканом), а вон какую научную школу создала! Это говорит о ее уникальности как педагога!

Л.Т. Скажите, а тему Вашей студенческой научной работы предложила Татьяна Николаевна?

А.В.М. Да, Татьяна Николаевна. В первые два года занятий в кружке. Хотя как таковых занятий у нас не было. Это был кружок по типу академического института, исследовательского центра. Татьяна Николаевна иногда приглашала кого-нибудь для чтения лекций, но

главным были исследования — твои и твоих товарищей, обсуждения результатов раскопок. Важным условием была идейная обстановка — мы обменивались и жили идеями. В то время Женя Сидоров высказал гениальную фразу: «результативность раскопок надо оценивать не в квадратных метрах, а в битах информации». И это так и есть!

Л. Т. Какую тему для исследования предложила Вам Татьяна Николаевна в студенчестве?

А. В. М. Первые годы меня интересовали культуры крестово-печатной керамики, так называемого переходного времени от бронзы к железу. Но Татьяна Николаевна постепенно стала сдвигать меня ближе к ирменской культуре. Я сначала очень не хотел. Почему — не знаю. Наверное, потому, что проблема была очень серьезной, за нее было страшно браться: много материала, много памятников, много раскопок. Как говорила Татьяна Николаевна, «ирменя как грязи», и этот материал надо было обобщать, надо было напрягаться. Это первое. Второе — проблема была дискуссионная, к ней обращались многие, взгляды были противоположные, и надо было иметь смелость, чтобы за это взяться. Третье. Надо было найти что-то свое в этой теме. И окончательно дело сдвинулось, когда она дала мне 3–5 человек и предложила самостоятельно провести раскопки на одном из поселений. А как студенту 3–4 курса отказаться от такого — у тебя свой раскоп, свои люди, ты один на один с памятником. В результате твоих усилий начинает появляться свой материал, и тогда ты волей-неволей начинаешь к нему присматриваться, анализировать. Так я и втянулся. Особенно были интересны раскопки в южных районах Новосибирской области на Обском водохранилище, тут была и определенная состязательность, которая обогащала опытом и общением. Например, Женя Сидоров копал прекрасное ирменское поселение Милованово, а я чуть севернее — другое, у села Быстровка, копали в одно время. Тут был и обмен идеями, и обмен наблюдениями, возможность проверки идей, а самое главное, приобретался неоценимый опыт.

И к диплому я был в этой тематике полностью подкован. Вот так Татьяна Николаевна втянула меня в эту проблему, и это оправдано, потому что молодым студентам трудно самим правильно выбирать тему и что-то предвидеть на будущее.

Татьяна Николаевна обладала в совершенстве одним удивительным свойством — как-то она видела, к чему какой человек расположен: этому надо заниматься каменным веком, этому — бронзой. Я несколько раз у нее спрашивал, как Вы это видите? Она отвечала: тут все просто, надо за человеком следить, и следить за его реакцией на находки и обстоятельства. Вот я увидела у одного, что он находит каменные орудия и у него аж руки трясутся — до того он этим доволен, значит, ему надо каменным веком заниматься — он «каменщик». Хотя про себя она говорила, что каменный век не понимает, не чувствует.

Л. Т. Как сложилась Ваша судьба после института?

А.В.М. Тут вмешались личные отношения — знакомство с моей будущей женой Наташей.

Супруги Матвеевы. Август 2010 г. Фото Л.В. Татауровой

Познакомились мы с ней на конференции. Кстати, тогда у меня родилась идея (это лишний раз говорит об идейной атмосфере в кружке). Я однажды пришел в кружок и говорю. Вы слышали, что есть брак экзогамный, а есть — эндогамный? Экзогамный же прогрессивней, конечно? Значит, в археологической среде браки должны быть экзогамные: жену надо брать из другого города. Спросили почему. Ответил: разные научные школы, а это полезно для науки. Все согласились. Потом, я понимал, что буду всю жизнь заниматься наукой и моя будущая жена должна суметь оценить, чем ее муж занимается, и, понятно, не все профессии жены могли подходить с этой точки зрения. Была и еще одна идея — почему не быть археологической семьей?

Л.Т. Значит, здесь Татьяна Николаевна уже не влияла на Вашу работу?

А.В.М. В кружке у нас сложилось негласное правило: что бы ты ни написал, всегда показать написанное Татьяне Николаевне. Она нас не заставляла это делать, мы сами этого хотели, потому что нам важно было узнать ее мнение, и мы считали это своим долгом. Она читала наши сочинения, указывала слабые и сильные стороны. С переездом в Тюмень эта связь прекратилась.

Л.Т. Кто руководил Вашей кандидатской диссертацией?

А.В.М. Фактически руководила Татьяна Николаевна Троицкая. Хотя она меня «сватала» к А.П. Окладникову, он был директором Института филологии и философии, мы ездили вместе с Татьяной Николаевной к нему, она меня представила, а потом как-то получи-

лось, что в аспирантуру к нему я не поступил, хотя и сдал экзамен, но меня не взяли. Вскоре Алексей Павлович умер, а я второй раз поступил в аспирантуру, и официальным руководителем у меня был Р.С. Васильевский. Понятно, Татьяна Николаевна к нему сходилась и попросила, чтобы он взял меня в аспирантуру, но фактически руководителем оставалась она. Она отдала мне свои полевые материалы, какие-то чертежи, рисунки. Хотя, конечно, к Р.С. Васильевскому я тоже обращался за помощью, и многому от него научился, и тоже считаю его своим учителем.

Если продолжать этот сюжет, то многое мне дал и М.П. Грязнов. По совету Татьяны Николаевны на 3–4 курсах я ездил в Ленинград в Эрмитаж, где хранились коллекции памятника Ирмень-I, раскопанного М.П. Грязновым в 50-е годы. Их надо было поднимать и проработать. Это были незабываемые поездки: во-первых, Ленинград, во-вторых, Эрмитаж, в-третьих, нас, студентов, там хорошо принимали, давали работать с коллекциями. И самое главное, в ходе одной из поездок, мне посчастливилось познакомиться с Михаилом Петровичем Грязновым. А у этого человека можно было учиться, находясь с ним в одной комнате, дыша с ним одним воздухом! Совершенно уникальный человек!

Л.Т. Докторская диссертация?

А.В.М. Докторская диссертация — это «андрон» в широком смысле слова. Кандидатскую диссертацию я сделал фактически на материалах Татьяны Николаевны и материалах, полученных в ходе студенческих раскопок. А для докторской копал, уже находясь в Тюмени.

Начав работать в Тюмени, увидел, что здесь археологическое поле непаханое. Правда, было несколько экспедиций уральцев, но мы решили самостоятельно развивать полевые исследования. Начали копать с того, что было нам интересно: Наташа — ранний железный век, хотя пыталась сначала заниматься сургутским неолитом, но я ее переубедил. И мы копали саргатские курганы вместе.

А меня интересовала эпоха бронзы. Стали искать памятники этой эпохи, и нас подстегивало то, что когда в г. Кургане работала Тамара Михайловна Потемкина, у нее была серьезная источниковая база, ведь все основные андроновские памятники находятся в лесостепи. Но юг Тюменской области был мало исследован и меня очень интересовал.

Вообще надо заметить, что я к этой андроновской тематике очень долго подступал. Это был определенный эквивалент «ирмени»: очень сложные проблемы, очень много ученых этим занималось и очень много запутанного. Надо было делать концептуальную работу. И пришла простая мысль — не надо бояться. Ведь андроновские древности — это каркас бронзового века. Потом наступило знание о том, что мы неправильно атрибутируем «андроновцев», видя их в коротком промежутке времени (около 200 лет). А соседнюю культуру, похожую или производную от «андроновцев», с таким же хозяйством, до-

мами, орудиями и другими деталями, относим к другой культуре (черкаскульской и др.). А на самом деле, мы за деревьями леса не видим. Поэтому, когда собрал все материалы, понял, что это значительно более грандиозное явление, протяженностью около 1000 лет!

Выступление на III Всероссийском археологическом съезде
в Старой Руссе. 2011 г. Фото Л.В. Татауровой

В свое время В.А. Дремов (тоже ученик Т.Н. Троицкой) мне сказал, что «андроновцы» по антропологическим критериям почти не отличаются от «ирменцев». Проанализировав эту идею, получил, что андроновская культура просуществовала 1200–1300 лет, и это была не одна линия развития, а разные линии, которые вобрали в себя множество культур.

Я долго искал термин, который мог бы это правильно охарактеризовать. Самый простой способ — взять понятие «общность», как это принято, но оно не особо подходит. Вообще надо сказать, что археология молодая наука и понятийный аппарат до конца еще не сложился. Мы научились классифицировать материал, памятники, но и только. Я хотел об этом написать. Вот такой пример: вы встречаетесь с коллегой после экспедиции, спрашиваете, что он делал летом. Он отвечает — копал «алакуль». И вы понимаете, что речь идет о памятниках. Другой случай. Встречаетесь на конференции, и один из коллег доказывает, что в «алакуле» выделяются три или больше стадии развития. И вы опять понимаете, что здесь речь идет о культуре. Или третий сюжет: вы в экспедиции у костра обсуждаете алакульские миграции, и все тоже вас понимают, что вы говорите не о памятниках, не о культуре, а о людях. У нас в археологии за одним словом могут пониматься три понятия (здесь я наберусь смелости заметить Александру Васильевичу, что и у русского языка есть такое свойство. — Л.Т.). Но вместе с тем у нас нет в науке терминов для людей. Когда у нас говорят (почитайте в любом словаре): культура — это совокупность памятников, и здесь же пишут про миграции культур, развитие культур, — это неправильно, потому что это не развитие памятников (они не могут развиваться), это развитие человеческих коллективов. Значит, назвать андроновское образование «культурой», «общностью» — терминами, применявшимися не для людей, а к памятникам — нельзя. Пришлось думать. В результате пришлось взять лингвистический термин — «семья». Ведь есть же языковые семьи, почему не могут быть культурные семьи, семьи культур. Тогда появился такой термин — «семья археологических культур». Я это так представляю. Этому и была посвящена докторская диссертация. Сейчас мы стараемся все опубликовать.

Л.Т. Александр Васильевич, Вы всю жизнь занимались эпохой бронзы и вдруг приехали в Тобольск и стали заниматься городом. Как это получилось?

А.В.М. К этому привели несколько причин. Первая: корю себя за одно обстоятельство. Лет 20–30 назад в Тюмени в неплохом состоянии было так называемое «Царево городище» — цитадель средневекового города Чимги-Тура. И лет 20–30 назад там надо было провести серьезные исследования и получить соответствующие материалы. Но научная карьера складывалась на бронзовом и железном веке, а отношение к городской археологии было несерьезное и мы всеми силами от нее старались откреститься. Это привело к тому, что терри-

тория городища была застроена и, когда мы, наконец, собрались копать, оказалось поздно — пришлось ходить по огородам, просить посмотреть культурный слой, но он был уже почти утерян. Вторая причина — в Тобольске, к счастью, культурный слой лучшей сохранности. В-третьих, пришло понимание того, что важна не только доисторическая археология, но и археология позднего времени, она не менее интересна, еще и потому, что она тесно сопряжена с письменными и историческими источниками, чего ранней археологии явно не хватает. Жаль, что это понимание пришло поздно.

После первых раскопок в Тобольске, когда мы увидели сложность культурных слоев, дикое количество культурных отложений, то по-новому начали смотреть на доисторическую археологию. Знаешь, что до этих периодов прошли не века, а тысячелетия и все эти слои слились, перемешались, с находками тоже это произошло, тогда начинаешь понимать, что, копая поселения каменного и бронзового века, ты сталкиваешься с настолько переработанной временем информацией, и эта информация тоже во многом утеряна.

А Тобольск заслуживает пристального археологического внимания! Первая столица Сибири, в нем формировались те отряды русских людей, которые шли в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Ведь все это было у нас в Сибири, и если мы не сделаем — не сделает никто, ни Петербург, ни Москва. И чем быстрее мы возьмемся за археологическое изучение русской истории Сибири — тем лучше будет результат: все разрушается. Когда пришло это понимание, мы начали работать.

Л.Т. После изучения ранних памятников трудно было копать памятники русских?

А.В.М. Трудно. Потому что абсолютно убежден, что поздние памятники раскапывать сложнее, чем древние. Технически сложнее, методически сложнее — потому, что это более сложные памятники. Но очень важен для раскопок поздних памятников опыт исследования доисторических памятников. Потому, что у «чистых средневековщиков» есть свои недоработки, прежде всего невнимание к стратиграфии. Я это чувствовал у москвичей, новгородцев: план — это все, стратиграфия — ничего. Это неправильно. Стратиграфия очень важна, и, приобретая опыт раскопок поздних памятников, начинаешь другими глазами смотреть на ранние памятники.

Л.Т. Вроде русские хорошо изучены, много письменных источников, зачем археология?

А.В.М. Археологических объектов много, но их информативность не на большой высоте, потому что не так много из них можно взять. Если сравнивать с письменными источниками, где есть искажения информации или чего-то не хватает, то все равно, когда с ними работаешь, удивляешься, сколько информации и загадок может быть в небольшом тексте. Но с другой стороны — письменных источников не так и много. И мои последние исследования в Тобольске, при огром-

ной информативности материала, привели меня к Ермаку. Казалось бы, что здесь археологического? Но я абсолютно убежден, что даже этот, казалось бы, чисто исторический сюжет может получить археологическую верификацию. Просто рано или поздно пришло понимание того, что проблема серьезная и сложная, хотя написано огромное количество литературы, даже больше, чем по «андроновцам». И разные, порой противоположные точки зрения. Возникает вопрос — найдутся ли новые исторические источники, которые расставят точки над *i* в этом сюжете? Не факт! Какой из этого выход? Все хорошо это изучить и знать, плюс археология¹.

Мы приехали на это место, соотнесли его с материалами летописей, с реальной географической картиной, гидрографией, и получили уверенность, что нашли именно то место, ту самую Ермакову перекопь, где погиб Ермак. Она существует и сейчас.

Хотя, как считает Александр Васильевич, они пошли не с того конца. Они первоначально нашли этот объект на местности, эту перекопь, а затем обратились к картам и материалам С.У. Ремезова, которые подтвердили правильность их находки.

А археология, по мнению А.В. Матвеева, — это доскональное знание. Изучение русел рек, гидрология и гидрография каких-либо объектов — это тоже археология, потому что она многогранна. Она всегда была многогранна. Изучение поздних памятников привело к его мысли, что археология дает не только новые материалы, но и восстанавливает то, что мы порой уже забыли. Археология и история нуждаются в том, чтобы не забывать ранее сделанное и найти новые способы решения старых проблем.

Р. С. На конференции «Культура русских в археологических исследованиях», которая прошла в 2011 году в г. Таре, Александр Васильевич сделал блестящий доклад о результатах поиска места последнего боя Ермака. Доклад вызвал много вопросов и споров, продолжительную дискуссию. Которые еще раз показали, что это историческая проблема до сих пор не решена и еще много предстоит сделать. Тогда же на конференции было принято решение, появлению которого мы с Александром Васильевичем способствовали. Было решено провести следующую конференцию по археологии русских в первой столице Сибири — Тобольске. Последний раз мы обсуждали этот вопрос с Александром Васильевичем в феврале 2012 года, когда я приезжала в Тюмень работать с коллекциями. Надеюсь, что это задумка когда-нибудь сбудется.

*Л.В. Татаурова
Омский филиал ИАЭТ СО РАН,
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского*

¹ Говоря о проблеме изучения Ермака, следует отметить, что в 2005–2006 гг. А.В. Матвеев провел две экспедиции по исследованию места гибели Ермака.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПОСЕЛЕНИЙ (взгляд издалека)

«Сегодня более актуальна другая задача — ... совершенствование методики полевых исследований в целом» (А.В. Матвеев, из статьи 1989 г.)

Был май 2000 года, два дня до праздника 55-летия Победы. Я только закончил свою учебу, меня приняли 2-го мая на работу в Германский археологический институт, чтобы участвовать в российско-германском научно-исследовательском проекте,— и отправили 7-го мая в Сибирь. Я прибыл в Новосибирск, не будучи знакомым ни с кем из будущих коллег Института археологии и этнографии и даже не очень представляя, чем буду заниматься. «Прыжок в холодную воду»,— как у нас говорят. Меня встретили и разместили в так называемом «садике», корпусе института, где находились и музей и несколько других отделений. Со мной там оказался Александр Васильевич Матвеев. У него за несколько дней до этого была защита докторской диссертации, и ему пришлось ждать, пока все документы оформлялись. Итак, мы оба ждали, он документов, а я отъезда в экспедицию. Таким образом, Александр — он представился сразу без отчества — стал почти первым российским археологом, с которым я познакомился.

Мы быстро нашли общий язык и выяснили, зачем я приехал: чтобы в составе большого коллектива работать на городище Чича-1 эпохи поздней бронзы. Тогда о Чиче я знал не много, а Александр, конечно же, был хорошо знаком с этим памятником. Я, конечно, видел магнитограмму, звучали такие слова, как «протогород» и «цитадель», я в Берлине даже послушал лекции академика В.И. Молодина о развитии археологических культур в Сибири. Но мое представление о конкретных культурных образованиях было все-таки, скажем прямо, слабое. Александр, естественно, давно знал эту проблематику и мне рассказывал о ней. Обсуждая разные вопросы, мы остановились на ирменской культуре. Александр оказался здесь большим знатоком, рассказывал о ней пространно и, что тогда было очень важно, объяснил мне в простых словах, что представляют собой основные формы керамики. Он даже рисовал их на бумаге, и мне стало понятно, что он любит рисовать. Эти наброски у меня до сих пор хранятся. Перед отъездом домой в Тюмень Александр мне еще обещал подарить свою монографию об ирменской культуре в Новосибирском Приобье¹ — и

¹ Матвеев 1993.

сразу после его возвращения домой ее отправил. Купить книгу где-нибудь было тогда уже не реально, поскольку из-за малого тиража она разошлась уже несколько лет назад.

Эти дни перед первой моей экспедицией на Чичу были далеко не скучные. Я познакомился с коллегами, которые меня с теплотой приняли, и с институтом, я встретился со старыми знакомыми из Иркутска, которые в то время случайно находились в Новосибирске, и на 9-е Мая я даже поехал из академгородка в город на салют. Я до сих пор помню то ощущение легкого ужаса: как я — немец — стоял возле ног Ленина, на базе памятника, и поэтому чуть выше всех остальных, а за моей спиной гремел салют и взлетал фейерверк. Таким образом, вся бесконечная толпа молодых людей, обогрившихся пивом (и не только), кричала во все горло как будто одним голосом: «УРАААА! УРАААА!» — и прямо мне в лицо. «Дай Бог, чтобы сейчас никто не открыл, что я немец!» — были все мои мысли на этот момент. Это был третий мой день в Новосибирске, и новых впечатлений для меня тогда было просто множество, а тем более потом, когда я почти три месяца жил на Чиче в экспедиции.

Хотя мы с Александром в Новосибирске пересеклись всего лишь на пару дней, но несмотря на яркость многих других событий, которые я частично даже уже и забыл, эта встреча с ним осталась у меня светлой в памяти. Не имело абсолютно никакого значения, что он только что защитил свою докторскую диссертацию, а я только закончил свою учебу, у нас с ним было теплое дружеское взаимопонимание. Как он представился — «Александр», — таким он и был, нормальным, открытым и честным человеком. Ему было интересно существо людей и дела, а не какая-то тщеславная суeta вокруг. Это можно даже понять об авторе, когда читаешь его работы, в частности монографию по ирменской культуре. Она выглядит скромно: небольшого размера, без особых признаков. Но эта книга стала самой важной книгой для моей диссертации, в которой речь шла о поселениях и керамике эпохи поздней бронзы.² Она, как и другие его работы, показывает, что все проблемы, которые он выносит на обсуждение, не только очень детально разработаны и осмыслены, но с ней как с источником можно еще хорошо работать. Все выводы в ней понятны, и, что самое главное, можно разобраться, на чем они построены. Это единственная работа, с результатами которой сравнить мои результаты обработки керамических материалов из Чичи на математико-статистическом уровне было возможно!³ Он старался опубликовать используемую им методику, включая максимум данных и цифры. Помню, что Александр еще извинился, когда он мне ее подарил, что она такая маленькая, отпечатанная на плохой бумаге, и с некрасивыми иллюстрациями, потому что в те времена, в начале 1990-х, бумага была дефицитом, на издание было мало средств и т.д. Он старался

² Schneeweiß 2007.

³ Матвеев 1993, с. 115–125; Schneeweiß 2007, с. 210–212.

сделать свою работу как можно лучше и всем открывал способ, которым получил свои результаты. Ему было неважно, произвел он впечатление или нет. Он был настоящим, глубоким ученым, который относится к своим результатам не эмоционально и который понимает, что самое главное — методика. Поэтому он был рад новым результатам, которые были получены частично с использованием и его результатов. Он был идеальным учителем, который чувствует себя комфортно только тогда, когда его ученики стали лучше него. В таком же духе он писал фундаментальные методические работы.⁴ Таких работ было очень мало, проблемы методики поселенческой полевой археологии обсуждались крайне редко в отечественной литературе.

Хочу кратко остановиться на одном моменте, который, на мой взгляд, характерен для научного подхода Александра. «...В качестве полноценных источников материалы поселения могут выступать только в том случае, если само оно исследовано всесторонне и методически верно», — пишет Александр в одной статье.⁵ И дальше: «...важнейшим требованием к методике полевого исследования поселения является выработка и использование таких приемов ведения раскопок, которые давали бы максимально полное представление об их стратиграфии и, что особенно важно, позволяли бы оперативно и на больших площадях вести раздельную разборку каждого из имеющихся на памятнике слоев и соответствующую послойную фиксацию находок».⁶ Можно, конечно, сказать, что это давно известно и каждый студент, который специализируется по археологии, это узнает не позднее 4-го курса. Но практика показывает, что это далеко не так.

В те времена, в конце 1980-х гг., российская полевая методика была, пожалуй, не очень развита и методические вопросы редко звучали в литературе. Были «могильщики», которые не очень любили копать поселения. Они руководствовались тем, что могильники дадут меньше находок по числу и лучше по информативности и зрелищности, несмотря на то, что при их изучении, конечно, возникает своя специфика и свои проблемы, эти памятники результативнее. Причем по методике они часто не так сложны, как поселения. А те исследователи, которые копали поселения, в среднем изучали одно или два жилища за полевой сезон и обычно не особо обращали внимание на стратиграфию. Довольно часто даже встречался в литературе анализ материалов из одного жилища как единого комплекса, как будто полуземлянка — закрытый комплекс.⁷ А об этой проблеме уже писал М.П. Грязнов в свое время,⁸ и Александр в названной его статье тоже

⁴ Например, Матвеев 1989.

⁵ Матвеев 1989, с. 4.

⁶ Матвеев 1989, с. 7.

⁷ Этот подход существует и сегодня. См. ниже.

⁸ Грязнов 1956, с. 53; См. также: Матвеев 1993, с. 85–86.

остановился на формировании культурного слоя полуземлянок.⁹ Они могли оставаться заброшенными длительное время в чертах поселения, и таким образом могли накапливаться материалы разных времен в заполнении такого жилища. При этом опыт показывает, что первичные и вторичные слои в заполнении полуземлянок часто не читаются, даже когда разница времени их отложения достигает нескольких столетий, особенно в черноземах лесостепи. А это, естественно, никогда не означает, что разновременных напластований внутри землянок нет. Александр о методике не только писал, у него был именно такой практический способ раскопок и анализа данных из раскопок. Он развивал и проверял свой методический подход к археологическому изучению поселенческих памятников, так называемый «фронтально-стратиграфический» метод,¹⁰ в котором отразилось, насколько большое значение Александр придавал микростратиграфии. В своих работах он всегда пытался использовать всю возможную и доступную информацию, чтобы понять как можно лучше происходившие на памятнике процессы археологизации, перед тем как строить свои интерпретации. Таким образом, он получал наиболее достоверные результаты, которые мне при анализе результатов из Чичи очень помогли.

На мой взгляд, именно понимание процессов археологизации на поселенческих памятниках особенно важно, для того чтобы делать широкие выводы. Поселения только в исключительно редких случаях являются однослойными памятниками. Даже если жили на одном поселении, допустим, только в течение одного поколения, то есть около 25–30 лет¹¹, люди там перемещали результаты своего труда. Это значит, что происходили постоянно определенные процессы строительства, изготовления предметов ремесла, быта, культа и т.д., люди рождались и умирали. Из всего этого следуют разномоментные отложения и, следовательно, микростратиграфия, даже учитывая, что большая часть активности не оставляет следов в земле.

Стратиграфия основана на принципе последовательности отложений (или слоев), который был описан впервые датчанином Nikolaus Steno в XVII в.¹² В археологию вводили принцип стратиграфии в XIX в. исследователи С. J. Thomsen (1788–1865 гг.), J. J. A. Worsaae (1821–1885 гг.) и купец Н. Schliemann (1822–1890 гг.), когда они применяли эту идею при изучении культурных отложений. С тех пор стало понятно значение контекста для интерпретации находок и постепенно развивалась методика раскопок, в том числе метод единичного контекста для фиксации находок. В отличие от могильников, на поселенческих

⁹ Матвеев 1989, с. 5–6.

¹⁰ Матвеев 1989, с. 15.

¹¹ См., например, Fenner 2005. Подобный период сходится с предполагаемым временем существования ирменских жилищ (Матвеев/Сидилов 1985, с. 43).

¹² Steno 1669.

памятниках встречаются находки в массовом виде. Поэтому основной единицей при фиксации находок стала не единичная вещь, имеющая какие-то трехмерные координаты, а стратиграфически выделяемый контекст, имеющий объемные границы в планиграфии и в стратиграфии. Этот контекст, правда, может быть «настоящим», археологическим контекстом, как определенный слой, заполнение ямы и т.п., или «искусственным» контекстом, следующим из метода раскопа, как горизонт, «штык» или «пласт». Индивидуальные, наиболее выразительные находки осмысливаются как составная часть определенного контекста. По этому принципу работала в основном и советская поселенческая археология. И на Чиче, где мы использовали базу данных и ГИС-технологии для свода всей пространственной и качественной информации о находках и их контекстах, стратиграфически выделяемый контекст являлся ключевой единицей в системе обработки данных.¹³ Анализ контекстов особенно важен на многослойных памятниках. Комплексные процессы, перекопы и подобные виды деятельности приводят к переотложению материала, иногда в значительной мере. «Чистых» или «закрытых» комплексов на поселенческих памятниках в общем нет, только в исключительных случаях, которые требуют отдельного пояснения. Доля более древних находок в определенном слое может достигать даже величины, значительно превышающей число одновременных со слоем вещей. Это зависит от способа формирования и условий залегания данного слоя и других факторов, например откуда взят материал или сколько керамики вообще производилось в определенный период.¹⁴ Таким образом, находки являются ответственным, но косвенным средством датирования определенного слоя,¹⁵ стратиграфические наблюдения применяются в качестве корректива в необходимом порядке.

Большой шаг вперед в анализе стратиграфии раскопов представляла собой работа Е.С. Harris 1979 г., в которой он сформулировал основные аксиомы стратиграфии специально для археологии.¹⁶ Грубо говоря, они почти те же, какие уже открыл Steno, но дополняются законом стратиграфической последовательности (*law of stratigraphical succession*).¹⁷ Он заключается в том, что любой изучаемый слой определяется его положением между верхним (более мо-

¹³ См. Молодин и др. 2004, с. 13–16, рис. 10, 11; Schneeweiß 2007, с. 46 рис. 28; Рыбина/Шнеевайс 2003.

¹⁴ На Чиче, например, в поздних, саргатских слоях иногда обнаруживалось значительное количество черепков эпохи бронзы, которые несомненно переотложены. Абсолютное количество фрагментов керамики эпохи бронзы гораздо выше, чем саргатских. Это связано с разным количеством производимых вообще в данный период сосудов и, вероятнее всего, с разным временем пребывания людей на памятнике.

¹⁵ Давно известно общее правило, что самая молодая находка в стратиграфической единице является решающей для ее датирования.

¹⁶ Harris 1979.

¹⁷ Harris 1979, с. 86–87, с. 96; Harris 1989, с. 33–34.

лодым) и нижним (более старым) слоем или контекстом. Это значит, что играют роль для фиксации изучаемого слоя только те стратиграфические единицы, которые имеют прямой контакт с ним. На этой основе Э. Харрис вырабатывал инструмент для анализа стратиграфии археологического памятника, так называемую матрицу Харриса.¹⁸ Матрица Харриса — лишь вспомогательное средство и позволяет, особенно в случаях комплексной стратиграфии, изобразить соотношения всех стратиграфических единиц раскопа и распознать логичные порочные круги. Категорически возможны только три варианта отношений между ними: старше — синхронно — моложе. Важно отметить, что стратиграфический анализ является основной процедурой для понимания памятника. Анализ вещевого комплекса и массового материала только в связи с ним, как дополнительный, может давать полноценную информацию и интерпретацию. Поэтому необходимо иметь в виду установление связи артефактов со стратиграфическими единицами уже во время раскопок, даже осознавая, что это часто делается доказательным только после завершения раскопок. При этом возникает ряд проблем, которые влияют прямо на методику ведения раскопа. Александр Матвеев наглядно пояснил и описал эти проблемы, критикуя распространенные при этом ошибки.¹⁹ Избежать всех проблем — невозможно. Каждый памятник иной, особый, никогда заранее не известно, что будет в определенном раскопе или секторе. Следует тщательно вести наблюдения, как и анализировать материал, и все соотношения как можно старательнее документировать.

Хорошим примером может служить памятник Чича в Барабинской лесостепи, о котором выше уже шла речь. Он достаточно известный, по нему опубликованы уже несколько монографий и несколько десятков статей.²⁰ Он был поводом первой нашей встречи, и в дальнейшем Александр с большим интересом следил за результатами наших работ. Городище Чича-1 было уже известно в литературе до возобновления полевых работ в 1999 г. по основательным работам В.И. Молодина.²¹ Были известны планиграфия городища и общая культурная принадлежность памятника к позднеирменскому этапу ирменской культуры.²² Хотя, когда делали первую магниторазведку, вдруг возникла совсем неожиданная картина — планиграфия оказалась сложнее и памятник в 5 раз больше по площади, чем до того

¹⁸ Harris 1979, с. 116–121; Harris 1989, с. 34–37.

¹⁹ Матвеев 1989, с. 10–16 и рис. I.

²⁰ Например: Молодин и др. 2001а; Молодин и др. 2001б; Molodin и др. 2002; Молодин и др. 2004; Молодин 2007; Schneeweiß 2007; Молодин и др. 2009; Schneeweiß 2010.

²¹ Молодин 1979; Молодин 1985, с. 155–175; Членова 1994.

²² Молодин 1979, с. 111; Молодин 1985, с. 173–174. См. также: Парцингер и др. 1999, с. 489. В.И. Молодиным обоснованно выделенный позднеирменский этап ирменской культуры без пояснения позже был назван самостоятельной позднеирменской культурой, впервые в Молодин и др. 2001а, с. 160 и *passim*.

предполагали. Сразу же, за год до начала раскопок, возникли и идеи интерпретации такой планиграфии: «новые системы укреплений, жилых и производственных площадок, несомненно, составляющие единый комплекс с рельефно видимым городищем», «прекрасно видна архитектурная планировка», «визуально фиксируется направление роста этого укрепленного поселения». Памятник рассматривался как «грандиозный поселенческий комплекс» на рубеже эпох бронзы и железа, представляющий собой «элемент градостроения», изучением которого можно было решать проблему сложения «элементов цивилизации со всеми вытекающими отсюда последствиями».²³ Еще в поле родились названия разных частей памятника как «цитадель» и «посад» и в целом как «центр городского типа».²⁴ Было определенное радостное возбуждение и чувство, что найдена сенсация. И правда, такого плана, как его показывала магнитограмма, в то время никто не ожидал. Уникальный план, на котором все показалось ясным и очевидным! Сегодня, после раскопок, анализов материала и на более опытный взгляд, разумеется, понятно, что подобных памятников должно быть больше, памятник Чича отличается в первую очередь степенью изученности.²⁵ Мы выбрали места для раскопок, естественно, исходя из магнитограммы и начали копать на краю внешнего поселения, где ожидали увидеть одно жилище, ров и проход через него (раскоп 1).²⁶ Этот участок находится далеко от того места, где раньше проводились первые раскопки, где никогда не пахали и где до сих пор видны ров и жилищные западины («цитадель»). Отряд был большой, мы первый раз работали вместе в таком масштабе, и вообще уровень опыта был у всех разный. Следовательно, очень интенсивно обсуждались вопросы методики и способы документации раскопок. Наша методика развивалась из года в год, и мы даже разработали «методичку» для полевых работ на Чиче. Короче говоря, сумели договориться и совместить наши разные точки зрения по возможности таким образом, что применяли метод, который нам показался более точным.²⁷ Еще в первом сезоне бросалось в глаза, что спектр керамики в «цитадели», где расположили раскоп 2, значительно отличался от того, что в раскопе 1. В итоге родилась идея о «сосуществовании популяций», то есть что в цитадели и во внешней зоне поселения жили разные группы населения, которые смешались.²⁸ Никому тогда

²³ Молодин и др. 1999, с. 458–460.

²⁴ Becker/Fassbinder 1999, 172 (там как «citadel», «lower city» и «urban centre»).

²⁵ Ср. Schneeweiß 2010.

²⁶ См., например: Молодин и др. 2001а, с. 24–25.

²⁷ К примеру: мы копали большими площадями, но по квадратам; мы рисовали планиграфию на разных уровнях (горизонтах), в том числе находки в масштабе (а не символами), а копали по слоям (если возможно); мы оставили общие бровки для стратиграфии по сетке и делали дополнительные стратиграфические разрезы для микростратиграфии где нужно; мы делали все рисунки в цвете и т.д.

²⁸ Впервые: Молодин и др. 2001а, с. 160.

не пришло в голову учитывать хронологические аспекты, даже когда открыли типичное ирменское погребение в чертах внешней зоны поселения.²⁹ Слишком заманчива была сенсационная картина (прото)города в лесостепи, где дружески сосуществовали разные по происхождению совершенно люди. Важно отметить, что мы в том году изучали в «цитадели» только одно жилище, все остальные раскопки охватывали разные части внешнего поселения.³⁰ Это важно потому, что только в следующем сезоне открыли впервые участки собственно в «цитадели», в которых нам удалось наблюдать более сложную стратиграфию. В восьмом раскопе мы нашли до того не известный ров,³¹ заполнение которого перекрывали другой ров и жилищные конструкции.³² Раскоп 8 был небольшой, и нам было трудно разобраться и объяснить стратиграфию, но стало уже ясно, что памятник не только многослойный, а что именно здесь, в «цитадельном» участке, происходили более сложные процессы и частые перестройки в течение более длительного времени, чем во внешнем участке памятника. Я хорошо помню длинные плодотворные дискуссии перед стратиграфическими разрезами, особенно на краю «цитадели», где мы открыли и в последующих сезонах достаточно сложные стратиграфии в раскопах 13³³ и 16³⁴, которые являются особенно ценными для понимания памятника. Только здесь четко и очевидно считаются все фазы заселения поселка и изменение функции одной и той же площадки со временем, особенно выражено в разрезе М-Р/46 раскопа 16.³⁵

Анализировалась стратиграфия с помощью матрицы Харриса.³⁶ Она сама по себе дает только информацию об относительной последовательности слоев, а напрямую ничего не говорит о возрасте определенного слоя. Поэтому организаторы экспедиции сделали серию радиоуглеродных датировок, чтобы иметь хронологические реперы для разделения фаз развития памятника. При этом тщательный анализ с применением стратиграфических данных необходим.³⁷ Получилось вполне приемлемое разделение на несколько фаз, которое сходится в общей сложности со стратиграфическими, планиграфическими и типологическими наблюдениями, несмотря на то, что данные

²⁹ Молодин и др. 2001а, с. 130–134, рис. 104–107; Молодин и др. 2001б, с. 114–115 рис. 10; Molodin и др. 2002, с. 204–207, рис. 11.

³⁰ Молодин и др. 2001а.

³¹ Молодин и др. 2004, с. 7 рис. 3. Ров мы в магнитограмме без раскопа не распознали: ср. Молодин и др. 2001а, с. 10 рис. 4.

³² Молодин и др. 2004, с. 47 рис. 66 и с. 48 рис. 67.

³³ Молодин и др. 2004, с. 70 рис. 100; Schneeweiß 2007, с. 34 рис. 23.

³⁴ Молодин и др. 2004, с. 19 рис. 14 (упрощенный, интерпретированный вариант).

³⁵ Молодин и др. 2004, с. 19 рис. 14 сверху.

³⁶ Schneeweiß 2007, с. 37–40, см. особенно рис. 22 и 23.

³⁷ Ср., например, разницу между рис. 16 (с. 26) и рис. 19 (с. 30) в Schneeweiß 2007, где показана серия радиоуглеродных дат сначала в хронологическом порядке и потом на основе стратиграфических данных.

результаты вызывали и некоторые возражения.³⁸ Особенно сложными являются заполнения жилищ. Как выше уже было сказано, наблюдать разные слои и стратиграфию в черноземном заполнении котлована достаточно трудно. Так же было на Чиче. В 2001 г. в одном случае, в раскопе 6, удалось фиксировать в ходе работ несколько объектов на разных уровнях заполнения, в основном развалы сосудов, лежащие *in situ*.³⁹ Для фиксации стратиграфии были оставлены бровки перпендикулярно к направлениям жилища.⁴⁰ Таким образом, стало понятно, что на участке шестого раскопа совместились несколько построек, разные по форме и по времени. Точную форму этих построек реконструировать в общей сложности невозможно, так как границы слоев слабо читались и нельзя сказать, к какой постройке та или иная столбовая яма относится.⁴¹ К тому еще осложняется ситуация тем, что более поздние постройки частично разрушали более древние котлованы. А фиксация развалов позволяла реконструировать хотя бы разные уровни полов жилищ. Для анализа материала из заполнения котлована это значит, что мы тут имеем в основном сильно перемешанный комплекс, который анализировать по стратиграфическим единицам не представляется возможным. Такую возможность дают более или менее только те объекты (развалы сосудов), которые удалось фиксировать *in situ* на полу жилищ, так как они, без сомнения, не переотложены. Данный раскоп 6 является ярким примером того, до какой степени могут отличаться результаты анализа одного и того же раскопа в зависимости от полноценного привлечения стратиграфии или без него. 27 из названных объектов можно было отнести к одной из разных существующих на этом месте построек, они разделились на четыре разные (суб-)фазы.⁴² Так отразилось на этом раскопе и временное развитие памятника в целом. Ошибка интерпретации возникла из недооценки стратиграфических наблюдений, так как исходили из того, что речь идет в данном случае об одном только жилище, когда анализировался керамический комплекс в том числе из раскопа 6 еще раз целиком «статистико-планиграфическим» способом.⁴³ Поскольку цель этих работ была

³⁸ Например: Молодин и др. 2009, с. 44 (краткая, не совсем соответствующая действительности критика); Молодин/Парцингер 2009, с. 53 (аргументы в основном против культурной атрибуции мною второй фазы как красноозерской, что на самом деле было сделано достаточно неопределенно).

³⁹ см. Молодин и др. 2004, с. 71–93, особенно с. 90 рис. 131.

⁴⁰ см. Молодин и др. 2004, с. 75 рис. 105 и с. 76 рис. 106.

⁴¹ См., например, Молодин и др. 2004, с. 75 рис. 105.

⁴² См. Schneeweiß 2007, с. 20 рис. 13; Taf. 2, 3, 41, 42, 43, 46, 47.

⁴³ Молодин и др. 2009, с. 44–47. Не особо упоминая об этом, авторы не включают самую позднюю фазу (объекты 4, 6, 13, 19, 21) в анализ, признавая, что носители «саргатской культуры раннего железного века [...] появились на поселении уже по прошествии нескольких столетий с начала функционирования памятника» (с. 44).

«ответить на вопрос о динамике освоения памятника»,⁴⁴ то выбранные для анализа венчики горшков причислялись к одной или другой культуре,⁴⁵ а затем сравнивались количественные доли этих культурных групп и планиграфическое расположение в чертах раскопа на разных участках памятника. Стратиграфические размышления, аналитическая статистика, расчет степени вероятности или коэффициентов сходства или подобные методы должны были бы усложнить картину. Но поскольку в итоговый анализ включили исключительно материалы из жилищ, то, исходя из двух основных предположений: что керамическая традиция равна этнокультурной группе населения⁴⁶ и что памятник функционировал в общей сложности 200–250 лет,⁴⁷ то есть 7–8 поколений, коллектив пришел к следующим выводам:⁴⁸ 1) одновременно сосуществовало несколько керамических групп, 2) их количественное соотношение на разных участках отличается, 3) керамические находки неоднородно распространены в жилищах (что может свидетельствовать о структуре семейно-брачных отношений), 4) присутствуют синкретичные формы керамики и 5) памятник демонстрирует сложность этнокультурных процессов.

Поскольку здесь речь идет в основном о роли стратиграфии для понимания раскопок, я не буду останавливаться на круге проблем отождествления этноса с археологической культурой, или, упрощенно говоря, людей с керамическими сосудами. Об этом и в российской литературе уже существует ряд основательных работ. Могу выразить согласие с авторами данной работы, когда они пишут, «что при атрибуции памятников переходных эпох следует крайне взвешенно подходить к вопросам их культурной диагностики».⁴⁹ Хочется добавить, что культурная диагностика памятников только один из многих интересующих археологов вопросов в изучении древности. На мой взгляд, мы еще далеки от ответов, от глубокого понимания процессов, которые приводили к облику памятников, каким он представляется нам сегодня. Спектр методов, применяемых в полевой и лабораторной археологии, развивается невероятно быстро на наших глазах, понимать все их со всеми нюансами и проблемами иногда сложно, но не невозможно.

В итоге основой наших археологических полевых работ остается полноценный хроностратиграфический анализ отложений и контекста находок. Без них понимание того, как формировался любой памятник,

⁴⁴ Молодин и др. 2009, с. 44.

⁴⁵ Типологические признаки и точные критерии классификации для причисления к той или иной определенной культуре Л.Н. Мыльниковы нигде не изложила, нет их и в других ее публикациях. В отличие от работ А.В. Матвеева оценка ее типологии поэтому, к сожалению, невозможна.

⁴⁶ В подразумеваемом виде: Молодин и др. 2009, с. 44, и в других публикациях.

⁴⁷ Молодин и др. 2009, с. 44 (с конца X до начала VII в. до н.э.).

⁴⁸ Молодин и др. 2009, с. 49–50.

⁴⁹ Молодин и др. 2009, с. 50.

является невозможным. Александр Матвеев подчеркивал значение стратиграфических наблюдений и приводил отличные примеры таких методически правильных аналитических работ.⁵⁰

Александр считал вполне правомерной ситуацию, что в науке всегда больше вопросов, чем ответов, так и должно быть. Я это пишу с большой уверенностью, хотя мы с ним встречались редко. Через несколько лет после нашего знакомства мы встретились в Тюмени на конференции. Был ноябрь месяц, но в Тюмени была уже не осень, а зима, снег и мороз. Я был не в первый раз в Сибири зимой, но не додумался взять перчатки. Александр заметил, что их у меня нет, и мне подарил свои. Они до сих пор у меня, и я вспоминаю с теплотой Александра каждый раз, когда они греют мои руки. Я тогда в Тюмени случайно попал на его день рождения, который отмечался с коллегами по университету. И это тоже говорит о его характере: он был открытым и скромным человеком и не особо любил иерархию. Он любил свое дело и был готов дискутировать, в том числе и о своих результатах, был всегда открыт новому — он был настоящим ученым. Всегда не хватает таких людей. Александр Васильевич был один из лучших археологов России. Моя первая встреча с Александром стала подарком в моей жизни; наше с ним знакомство очень ценю и буду хранить его в памяти.

Д-р Йенс Шнеевайс
Университет Георга-Августа, Геттинген, Германия

Библиография

Becker/Fassbinder 1999

H. Becker, J. W. E. Fassbinder, Magnetometry of a Scythian Settlement in Siberia near Cichah in the Baraba Steppe 1999 // J. W. E. Fassbinder, W. E. Irlinger (Ed.), Archaeological Prospection. Arbeitshefte des Bayerischen Landesamtes für Denkmalpflege 108, München 1999, с. 168–172.

Fenner 2005

J. N. Fenner, Cross-cultural estimation of the human generation interval for use in genetics-based population divergence studies. *American Journal of Physical Anthropology* 128, 2005, 415–423.

Harris 1979

Edward C. Harris: *Principles of Archaeological Stratigraphy*. Academic Press, London и др. 1979.

Harris 1989

Edward Harris: *Principles of Archaeological Stratigraphy*. Academic Press, London и др. 1989.

Schneeweiß 2007

J. Schneeweiß, Die Siedlung Čiča in der westsibirischen Waldsteppe I. Untersuchungen zur Keramik, Chronologie und kulturellen Stellung in der

⁵⁰ См., например: Матвеев 1993; Матвеев и др. 2002.

Spätbronzezeit und der Übergangsperiode zur frühen Eisenzeit. Archäologie in Eurasien 22 (Mainz 2007).

Schneeweiß 2010

J. Schneeweiß, «Protourbane» Siedlungen an der Wende vom 2. zum 1. Jahrtausend v. Chr. in der westsibirischen Waldsteppenzonen, in: B. Horejs/T. Kienlin (Hrsg.), Siedlung und Handwerk. Studien zu sozialen Kontexten in der Bronzezeit. Beiträge zu den Sitzungen der AG Bronzezeit 2007 und 2008. Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 194 (Bonn 2010) 157–171.

Steno 1669

Nicolaus Steno, De solido intra solidum naturaliter contento dissertationis prodromus, Флоренция 1669.

Грязнов 1956

М.П. Грязнов, История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. Материалы и исследования по археологии СССР 48, Москва — Ленинград 1956.

Матвеев 1989

А.В. Матвеев, Некоторые вопросы теории и методики полевого исследования последней эпохи бронзы и железа в западносибирской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень 1989, с. 4–26.

Матвеев 1993

А.В. Матвеев, Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск 1993.

Матвеев/Сидоров 1985

А.В. Матвеев/Е.А. Сидоров, Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень 1985, 29–54.

Матвеев и др. 2002

А.В. Матвеев, О.М. Аношко, Т.С. Измер, Хроностратиграфические комплексы позднебронзового поселения Щетково-2 в Ингальской долине // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Тюмень 2002, с. 78–83.

Молодин 1979

В.И. Молодин, Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе // Тезисы докладов всесоюзной археологической конференции. Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово 1979, с. 110–112.

Молодин 1985

В.И. Молодин, Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск 1985.

Молодин 2007

Дуальная модель организации историко-культурного пространства на памятнике Чича-1 в Барабинской лесостепи // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез, Санкт-Петербург 2007, с. 58–67.

Молодин/Парцингер 2009

В.И. Молодин/Г. Парцингер, Глава 5. Хронология памятника Чича-1 // В.И. Молодин, Г. Парцингер (отв. ред.), Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Том 3. Новосибирск — Берлин 2009, с. 51–77.

Молодин и др. 1999

В.И. Молодин/Г. Парцингер/Г. Беккер/Й. Фассбиндер/М.А. Чемякина/А. Наглер/Р. Нииф/О.И. Новикова/А.К. Манштейн/Ю.Н. Гаркуша/А.Е. Гри-

шин/Н.С. Ефремова, Археолого-геофизические исследования российско-германской экспедиции в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий 5, 1999, 454–461.

Молодин и др. 2001а

В. И. Молодин/Г. Парцингер/Ю. Н. Гаркуша/Й. Шнеевайс/А. Е. Гришин/О. И. Новикова/Н. С. Ефремова/М. А. Чемякина/Л. Н. Мыльникова/С. К. Васильев/Г. Беккер/Й. Фассбиндер/А. К. Манштейн/П. Г. Дядьков, Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской Лесостепи. Первые результаты исследований. Материалы по Археологии Сибири. Вып. 1. Новосибирск 2001.

Молодин и др. 2001б

В. И. Молодин/Г. Парцингер/Ю. Н. Гаркуша/Й. Шнеевайс/Х. Бекер/Й. Фассбиндер/М. А. Чемякина/А. Е. Гришин/О. И. Новикова/Н. С. Ефремова/А. К. Манштейн/П. Г. Дядьков/С. К. Васильев/Л. Н. Мыльникова/Е. В. Балков, Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 в Барабинской лесостепи. Первые результаты Российской-германской экспедиции, Археология, этнография и антропология Евразии 3 (7), 2001, 104–127.

Molodin и др. 2002

V. I. Molodin/H. Parzinger/J. Schneeweiß/J. N. Garkuša /A. E. Grišin/O. I. Novikova/N. S. Efremova/Ž. V. Marčenko/M. A. Chemiakina/L. N. Myl'nikova/H. Becker/J. Faßbinder, Čiča — eine befestigte Ansiedlung der Übergangsperiode von der Spätbronze- zur Früheisenzeit in der Barabinsker Waldsteppe. Vorbericht der Kampagnen 1999–2001, Eurasia Antiqua 8, 2002, 185–236.

Молодин и др. 2004

В.И. Молодин/Г. Парцингер/Ю.Н. Гаркуша/Й. Шнеевайс/А.Е. Гришин/О.И. Новикова/М.А. Чемякина/Н.С. Ефремова/Ж.В. Марченко/А.П. Овчаренко/ Е.В. Рыбина/Л.Н. Мыльникова/ С.К. Васильев/Н. Бенеке/А.К. Манштейн/П.Г. Дядьков/Н.А. Кулик, Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Том 2. Материалы по Археологии Сибири, вып. 4. Новосибирск — Берлин 2004.

Молодин и др. 2009

В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова, И. А. Дураков, Л. С. Кобелева, Глава 4. Культурная принадлежность городища Чича-1 по данным статистико-планиграфического изучения керамических комплексов на разных участках памятника // В.И. Молодин, Г. Парцингер (отв. ред.), Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Том 3. Новосибирск — Берлин 2009, с. 44–50.

Парцингер и др. 1999

Г. Парцингер/В. И. Молодин/О. И. Новикова/А. Наглер/М. А. Чемякина/Ю. Н. Гаркуша/А. Е. Гришин/Н.С. Ефремова, Первые раскопки на городище Чича-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий 5, 1999, 487–490.

Рыбина/Шнеевайс 2003

Е.В. Рыбина/Й. Шнеевайс, Использование ГИС-технологии в археологических исследованиях (на примере памятника Чича-1), Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий 8, 2002, 429–435.

Членова 1994

Н.Л. Членова, Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. Москва 1994.

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Прошло слишком мало времени, чтобы осознать и пережить потерю этого человека. Александр Васильевич сыграл в моей жизни ключевую роль: в выборе профессии, в формировании не только моего отношения к работе, но и многих жизненных позиций. Он был моим учителем в прямом смысле этого слова: учил, советовал, наставлял, подавал пример, передавал свой опыт и знания, помогал в трудных ситуациях. Вспоминать об А.В. Матвееве мне тяжело, в прошедшем времени писать о нем рука не поднимается, поэтому подготовку этого очерка как сознательно, так и по независящим от меня обстоятельствам я постоянно откладывала. Я долго думала, что написать: о моем отношении к этому человеку — но это слишком лично для меня; о вкладе Александра Васильевича в науку, в археологию, — уместно и необходимо, но в данный момент невозможно, так как требует огромной аналитической работы и ответственности за каждое высказанное слово, серьезного историографического анализа; об его организаторских или преподавательских способностях — но это лишь часть достоинств этой многогранной личности. Мне кажется, что сейчас важно написать хоть несколько строк о каждой стороне жизни Александра Васильевича.

Организатор, руководитель. А.В. Матвеев являлся представителем археологической школы Т.Н. Троицкой, возглавлявшей широко известный среди сибирского научного сообщества студенческий кружок Новосибирского педагогического института. Еще студентом он проводил самостоятельные разведки и раскопки в Новосибирской области. В 1978 г. по семейным обстоятельствам А.В. Матвеев переезжает в Тюмень. До его приезда здесь полевые исследования проводили уральские археологи, но их работы были сосредоточены в основном на двух участках — на берегах Андреевского озера близ Тюмени и на Барсовой горе в районе Сургута.

Даже эти эпизодические исследования показали перспективность изучения древней истории Зауральского региона в границах Тюменской области, но решение этой научной проблемы было возможно лишь при организации широкомасштабных планомерных археологических экспедиций. Поэтому предстоящая работа в Тюмени открывала для А.В. Матвеева широкое «непаханое» поле профессиональной деятельности. Обладая талантом руководителя и высоким творческим потенциалом, он при поддержке супруги Натальи Петровны смог за достаточно

короткий срок сделать важные шаги для складывания в Тюмени, подобно другим крупным сибирским городам, археологического научного центра. Во-первых, создал на базе Тюменского государственного университета научно-исследовательскую археологическую лабораторию, во-вторых, организовал масштабные археологические работы на юге Тюменской области. Данные обстоятельства способствовали активизации подготовки кадров на месте, привлечению к выполнению исследовательской программы как студентов, так и уже подготовленных специалистов. В результате под руководством А.В. Матвеева в 80-е гг. XX в. коллектив лаборатории вел фундаментальные исследования, направленные на изучение историко-культурных процессов, протекавших в каменном, бронзовом и раннем железном веках на территории лесостепи и подтаежной полосы Зауралья, вопросов социально-экономического развития древних обществ.

В 90-е гг. развитие археологического направления в Тюменском регионе было продолжено на академическом уровне. А.В. Матвеев создал в Институте проблем освоения Севера СО АН СССР (с 1991 г. СО РАН) лабораторию археологии и этнической антропологии Западной Сибири, которая на протяжении десяти лет успешно разрабатывала как ранее начатые исследования, так и новые научные направления, внедряя комплексный, междисциплинарный подход в изучение памятников и археологических культур региона. В 2000-е гг. А.В. Матвеев берется за новое дело — возрождение археологии в Тюменском университете: в 2001 г. им была открыта кафедра археологии, антропологии и этнографии, в 2003 г. он возглавил Институт гуманитарных исследований, а на его базе основал сектор археологии и этнографии, в котором разрабатывались историко-культурные и источниковедческие проблемы археологии Сибири, вопросы палеоэкономики, палеоэкологии, палеодемографии. Александр Васильевич шутил: «Видимо, с судьбой не поспоришь: через каждые двенадцать лет мне приходится менять место работы». Так, и в 2012 г. начался новый виток в жизни ученого, он вернулся в Институт проблем освоения Севера СО РАН, где планировал осуществить многие задуманные исследования и проекты.

Даже краткий обзор профессиональной деятельности продемонстрировал, что А.В. Матвеев оказал определяющее влияние на формирование и развитие археологического направления в Тюменской области.

Ученый. Я думаю, и со мной многие согласятся, что научный вклад оценивается не количеством статей и монографий, а «живучестью» концепций и идей ученого. Хотя в исследовательском процессе нередко бывает, что с появлением нового материала приходится проверять ранее высказанные предположения, дополнять, уточнять и даже отклонять, но лишь часть исследователей способны отказаться в научной печати от своих точек зрения. А.В. Матвеев относился к той категории ученых, которые никогда не подгоняют данные под уже

разработанную концепцию, а осуществляют ее построение, опираясь на четко проверенные факты. Каждая представленная им гипотеза аргументирована и основана на детальном анализе материала.

Организовав в начале 80-х гг. XX в. полевые археологические исследования в Притоболье, супруги Матвеевы перевернули представление о саргатской культуре, которая характеризовалась тогда как «серое», ничем не выделявшееся явление на периферии скифо-сибирского мира. Полученные в ходе раскопок материалы стали опорными для реконструкции историко-культурных и социально-экономических процессов, протекавших в раннем железном веке не только в Тоболо-Исетье, но и в целом в Западно-Сибирском регионе. На основе детального анализа саргатских материалов А.В. Матвеевым была раскрыта тайна происхождения Сибирской коллекции Петра I.

Однако основным научным приоритетом А.В. Матвеева являлась проблематика бронзового века Западной Сибири, к которой он сохранил любовь на протяжении всей своей жизни. Еще в студенческие годы Александр Васильевич изучал поселения ирменской культуры лесостепного Приобья, по материалам которых он защитил кандидатскую диссертацию. Ученый разработал новую хронологию и периодизацию ирменских памятников, значительно расширил и углубил представления о материальной культуре оставившего их населения. Предложенная им модель развития ирменской культуры «работает» и в настоящее время, хотя по ряду конкретных вопросов идут дискуссии, возникают новые точки зрения.

Что касается направленности изысканий в Зауралье, то в результате обширных раскопок памятников А.В. Матвеевым был получен ценный материал колоссальной информативности для разработки общих вопросов древней истории и создания периодизации культур бронзового века этого региона. Ему принадлежит ряд концепций по наиболее острым проблемам андроноведения — одного из самых дискуссионных направлений в отечественной археологии. Алакульско-федоровская проблематика всегда вызывала серьезные научные дискуссии, основным предметом которых являлось хронологическое и культурное соотношение алакульских и федоровских древностей. Раскопки в Притоболье Чистолембяжского и Хрипуновского могильников алакульской культуры позволили ученому получить широкую выборку радиоуглеродных датировок, значительно удревняющих период ее развития, и доказать, привлекая материалы других памятников, диахронную, генеалогическую связь алакульских и федоровских древностей. А.В. Матвеев выступил с новой концепцией происхождения черкаскульской культуры, носители которой рассматривались им не как «лесные» соседи федоровских групп, а как их непосредственные потомки, продолжившие андроновскую линию развития в Зауралье. В это же время ученым была высказана идея о существовании устойчивых контактов между черкаскульскими и пахомовскими группами в лесостепном Притоболье в последней трети II тыс. до н.э.

Исследования А.В. Матвеева позволили существенно восполнить информационный пробел в отношении заключительного этапа бронзового века региона. Анализируя имеющиеся материалы, он пришел к выводу, что они не имеют прямых аналогий с синхронными комплексами бронзового века сопредельных районов и относятся к самостоятельной бархатовской культуре, стоящей в одном хронологическом ряду с межовскими, ирменскими, позднееловскими и сузгунскими древностями.

Представления о древностях бронзового века Зауралья получили детальную аргументацию в докторской диссертации, в которой ученый дал генеалогическую классификацию и этнолингвистическую атрибуцию зауральских культур андроновского типа. Проведя критический анализ существующих определений терминов «археологическая культура» и «культурно-историческая общность», он предложил новое для археологии понятие «семья археологических культур», которое обосновал на примере андроновского культурного феномена, представлявшего собой, по его мнению, совокупность культур, связанных общностью происхождения и отношениями прямой преемственности, отражающих устойчивое развитие ряда общих традиций. Эти идеи явились серьезным вкладом в развитие теоретических основ археологии.

А.В. Матвеев также внес вклад в полевую археологию, он постоянно совершенствовал методику раскопок в зависимости от характера культурного слоя. Разработанный им фронтально-стратиграфический метод продемонстрировал свою эффективность при изучении хорошо стратифицированных поселенческих комплексов.

Нередко Александра Васильевича критиковали за эволюционный подход к исследованию археологических материалов. Однако предложенная им модель историко-культурного развития Зауральского региона в бронзовом веке отчетливо демонстрирует древовидную структуру и соответствует многолинейной эволюции, осложненной переплетением традиций разных по происхождению групп населения, их взаимодействиями и передвижками, а также влиянием окружающей среды. Именно А.В. Матвеев первым в Тюменском регионе стал широко применять комплексный, междисциплинарный подход в археологических исследованиях. Наиболее полно данный принцип был реализован им при изучении комплекса древних и средневековых памятников Ингальская долина, расположенного в Тоболо-Исетском междуречье, выделенного ученым в 1994 г. Был рассмотрен широкий спектр проблем, связанных с созданием сквозной хронологической шкалы древностей Тоболо-Исетья, реконструкцией ландшафтно-экологической системы, особенностями историко-культурной ситуации на различных этапах освоения Ингальской долины, теоретическими и практическими аспектами изучения археологических микро-районов и т.д.

В последние годы жизни Александр Васильевич сетовал, что сейчас в изучении материалов бронзового века наблюдается статичность, между исследователями нет диалога, практически не ведутся дискуссии, когда-то так украшавшие любую конференцию, каждый ученый настаивает на своей точке зрения. Может быть, по этой причине А.В. Матвеев перенаправил свой творческий потенциал на развитие нового исследовательского направления в тюменской гуманитарной науке — городской археологии. Под его руководством были возобновлены археологические исследования культурного слоя Тюмени, в том числе на участках, где располагалась легендарная Чинги-Тура — цитадель столицы Тюменского ханства. Одной из главных сфер деятельности ученого в данное время стала организация спасательных археологических работ в историческом центре Тобольска. А.В. Матвеев сделал многое, чтобы наладить на местах строительства превентивные охранные раскопки широкими площадями, это позволило реконструировать отдельные постройки, усадьбы, мостовые, торговые лавки, оборонительные сооружения и др. Исследования, проведенные под его руководством в 2007–2012 гг. на верхнем и нижнем посадах Тобольска, по сути дела, впервые открыли для археологии и широкой общественности первую российскую столицу Сибири. Для исследователя, страстно увлеченного проблематикой бронзового века, поворот к изучению Тобольска потребовал больших внутренних усилий, тем более что культурный слой этого города первоначально не воспринимался как действительно значимый археологический объект. Представления об отсутствии серьезных научных перспектив для археологии в Тобольске стали меняться по мере расширения спасательных раскопок и появления первых ярких находок. В процессе проведения данных исследований было установлено, что ценными для исторических изысканий являются культурные слои не только XVII в., но и последующих периодов, позволяющие восстановить целостную динамику развития города.

А.В. Матвеев одним из первых обратился к идее археологической верификации исторических сведений похода Ермака. Работая с летописными, картографическими и иными источниками, он начал формировать базу исторических данных об объектах (поселениях, кладбищах, урочищах и т.д.), связанных с пребыванием дружины Ермака в Западной Сибири и взаимодействием участников похода с автохтонным населением региона. В дальнейшем Александр Васильевич хотел осуществить натурное обследование наиболее значимых объектов из этого списка с целью уточнения и дополнения информации, содержащейся в письменных источниках.

Эти и многие другие исследования А.В. Матвеев планировал провести в ближайшее время, но, к сожалению, не успел.

Преподаватель. Вся преподавательская и педагогическая деятельность А.В. Матвеева связана с Тюменским университетом. Ее начало относится к 1980 г., когда им была разработана первая программа курса

«Археология», а в дальнейшем она значительно расширилась: от лекций по нескольким дисциплинам до спецсеминара по методике написания дипломных работ. Он прошел все «ступеньки» кафедральных должностей — от ассистента до заведующего кафедрой, но никогда не гонялся за званиями. Для Александра Васильевича на первом месте стояла работа со студентами, с которыми на занятиях он любил вести диалог. О том, каким А.В. Матвеев был преподавателем, я могу судить лишь по временному отрезку с конца 1990-х гг. Лекции отличались фундаментальностью, фактологической насыщенностью, четким, логичным построением материала, концептуальностью и легкостью изложения, ярким иллюстративным сопровождением. Они производили неизгладимое впечатление на студентов, которые заслушивались рассказами Александра Васильевича о Сибирской коллекции Витзена, о М.П. Грязнове, В.Н. Чернецове и других исследователях, о спорах об андроновской общности... На занятиях он как бы одновременно обращался и ко всем вместе и к каждому в отдельности. Студенты активно привлекались к разведкам и раскопкам памятников и камеральной обработке археологических материалов. Преподавательская деятельность А.В. Матвеева способствовала появлению широкого круга учеников, часть из которых стали профессиональными археологами.

Учитель. А.В. Матвеев выступил в качестве учителя не для одного поколения исследователей. Именно в ходе обучения и археологических экспедиций студенты приобщались к научной работе. Большинство из них не стали профессионально заниматься археологией по ряду причин: в 80-е гг. из-за отсутствия ставок по археологии в Тюменском регионе, в 90-е гг., как известно, из-за кризиса в стране, в условиях которого каждый выживал как мог, а в 2000-е гг. профессия историка, и в частности археолога, по мнению многих, считалась не перспективной, малооплачиваемой, при том что всегда требовала больших внутренних усилий. Однако часть исследователей нашли в археологии собственный путь не без влияния личности А.В. Матвеева. Он всем давал шанс проявить себя, самостоятельность по принципу «выплывешь — не выплывешь», в исследовательском процессе никогда не оказывал давления на своих учеников, а наоборот, не ограничивал в свободе рассуждений. Александр Васильевич придерживался дискуссионной формы общения с учениками, если возникали спорные вопросы по тем или иным научным проблемам.

Большую роль в моем становлении как археолога сыграли беседы с Александром Васильевичем, которые predetermined методологическую и историческую основу моих исследований. А такое важное его качество, как требовательность к анализу археологических источников, не раз удерживало меня от скоропалительных выводов и заставляло более тщательно прорабатывать материал. Александр Васильевич в шуточной форме говорил, что есть четыре типа ученых: первый — «перевернутая елочка», второй — «песочные часы», третий — «ромб» и, наконец, четвертый, к которому

нужно стремиться,— «елочка», означающая наличие острого ума и терпения, усидчивости. Вот я теперь и стремлюсь стать «елочкой», так как в душе моей живет глубокая благодарность за его учительскую щедрость и веру в меня.

Уход из жизни А.В. Матвеева — это серьезная утрата для отечественной археологической науки. Научный вклад этого ученого трудно переоценить, его концепции и идеи, отраженные в книгах и статьях, еще многие годы будут обсуждаться в научном сообществе. Память о нем как об интереснейшей личности живет в сердцах его коллег, а многие дела найдут продолжение в трудах учеников.

*О.М. Аношко
Тюмень, ИПОС СО РАН*

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ МАТВЕЕВ

Память — простое слово с очень непростым и порой необъяснимым контекстом. Память — просто слово и в то же время — функция, позволяющая заново воспроизводить события, отделенные от нас толщей времени, наполнять их смыслом, эмоциями, возможностями. Память — нерушимый мостик, соединяющий нас, живущих здесь и сейчас, с событиями прошлого; инструмент, заставляющий заново переживать и сопереживать действия, оставшиеся где-то там, далеко. Память — глубоко материальная субстанция, не только позволяющая перейти к застывшей «фотографической» ретроспективе, но и требующая воспроизводить, творить новое. Память — императив к действию.

Память — странная штука, зачастую смешивающая события сегодняшнего дня и прошлое, особенно недавнее, которые довольно сложно отделить друг от друга. Вот и сейчас не могу отделить в своих мыслях две крайние точки: жизнь и смерть Александра Васильевича Матвеева. При слове «смерть», совершая вынужденный переход в прошедшее время, разум отказывается соединять эти состояния. Ловлю себя на мысли, что для меня Александр Васильевич, по-прежнему, находится здесь, в настоящем.

Память — состояние души, индивидуальное по отношению к каждому из субъектов, информация о которых хранится в ее ячейках. По отношению к одним воспоминания добрые и трепетные, окрашенные в теплые тона, к другим — нейтральные, залитые серым колером... Воспоминания, связанные с Александром Васильевичем, безусловно, относятся к первой, самой приятной, хотя и крайне немногочисленной группе.

В бездонном хранилище информации, называемом памятью, как в компьютерной программе, существуют свои папки, заполненные разнообразными файлами. Часть из них лежит на поверхности, их поиск не составляет труда, связь с подобными папками — мгновенная, занимающая сотые доли секунды. Другие спрятаны в глубине разветвленных каталогов, связь с ними требует значительного времени и энергетических затрат. Третьи и вовсе наполовину стерты и без запуска специальной программы восстановлению не подлежат. Папка с названием АВМ находится в самом верху каталога. Легкое касание мысленной клавиши — и тысячи разнообразных файлов мгновенно открываются. Снова и снова соприкасаясь с этим сектором памяти, пытаюсь выбрать из них самые яркие и емкие, наиболее значимые для меня...

Моя первая встреча с А.В. Матвеевым произошла в 1989 году, когда я, вчерашний школьник, поступил на исторический факультет Тюменского государственного университета. На первый же семестр приходилась сдача экзамена по «основам первобытной археологии». В то время Александром Васильевичем в рамках одного курса были объединены археология и история первобытного общества, на мой взгляд, весьма удачно.

После первого знакомства, по сути дела дистанцированного, на уровне преподаватель — рядовой студент, Александр Васильевич оставил впечатление уверенного в себе, эрудированного, прекрасно знающего материал преподавателя и замечательного лектора. Люди, прошедшие через обучение в вузах, прекрасно знают, что лектор лектору рознь. Лекции воспринимаются студентом через призму многочисленных нюансов, среди которых определяющую роль играют уровень владения материалом, умение определить четкую последовательность излагаемого, личная заинтересованность, даже любовь, к предмету, позволяющая внести яркую эмоциональную составляющую в учебный процесс. Лекторы, обладающие подобными качествами, владеют аудиторией, захватывают ум и воображение студента, превращая его из опосредованного слушателя в участника увлекательных исторических процессов. Александр Васильевич являлся одним из немногих преподавателей, встретившихся на моем жизненном пути, в полной мере наделенных этими качествами.

Между тем неумолимо приближалось время экзамена, первого в сессии и моей студенческой биографии. Меня и моих однокурсников «трясло». Александр Васильевич воспринимался как огромная «величина», расстояние между которой и нами имело космические масштабы. Добавляли масла в огонь и слова наиболее информированных однокурсников о том, что А.В. Матвеев — не только один из лучших преподавателей университета, но и одна из «звезд» сибирской археологии. Точно помню, что употреблялось именно слово «звезда».

Дальше была и подготовка к экзамену, и, как водится, последняя бессонная ночь перед ним. Придя на экзамен, мы узнали, что он будет проводиться не в обычной аудитории исторического факультета, а непосредственно в лаборатории археологии. Очутившись в лаборатории, вдоль стен которой возвышались массивные стеллажи с коллекциями, а на их фоне красовались склеенные сосуды и иной археологический материал, я первый раз испытал новый вид психологического давления — давления древностью, добавлявшей еще неуверенности в собственных силах. В тесной комнате стоял длинный стол, за которым восседал Александр Васильевич. Стол также был наполовину занят коробками с коллекциями, томами переплетенных отчетов и чертежами на миллиметровке. Нас рассадили на стульях, стоявших возле стеллажей. Первые ответы моих однокурсников были неуверенными, они часто сбивались, забывая даже добросовестно выученный материал.

Что приятно удивило, преподаватель не «валил» студента, чутко уловив напряженность обстановки, а задавал несложные наводящие вопросы, что позволило нам несколько расслабиться. Еще более ситуацию разрядила случайность. Как оказалось, у Александра Васильевича закончились сигареты. Какое-то время он терпел. Но, видимо, курить хотелось так сильно, что он не выдержал: «Ребята, у кого есть сигарета?» И тут же в его сторону протянулся веер рук, сжимающих пачки... Этот случай позволил почувствовать, что перед нами обычный человек, обладающий как сильными сторонами характера, так и типичными для любого из нас слабостями... В итоге я сдал экзамен на оценку «хорошо».

В дальнейшем наши пути с Александром Васильевичем разошлись на несколько лет. Он с основной частью коллектива лаборатории археологии перешел в Институт проблем освоения Севера СО АН СССР, я же продолжил обучение в университете, где со 2-го курса стал специализироваться по археологии.

* * *

Мое близкое знакомство с Александром Васильевичем состоялось в мае 1995 года, когда я был принят на работу в лабораторию археологии и этнической антропологии ИПОС СО РАН. С 1995 по 1999 г. лаборатория базировалась на ул. Водопроводной, отдельно от прочих структурных подразделений Института.

Александр Васильевич в то время был занят, а правильнее сказать, увлечен написанием монографии, вышедшей позднее, в 1998 г., под названием «Первые андроновцы в лесах Зауралья». Из множества событий в моей памяти наиболее ярко запечатлелось несколько эпизодов, так или иначе связанных с подготовкой этой книги.

Александр Васильевич «горел» андроновской тематикой. Он не писал книгу, а творил ее; казалось, что он жил двумя жизнями, одна из которых проходила там, в далеком бронзовом веке, среди петровцев, алакульцев, синташтинцев. Это был именно творческий процесс, помноженный на скрупулезность отношения автора к фактам, сопряженный с тщательным поиском и верификацией последних. Сверхтворческая природа Александра Васильевича не терпела вакуума, который частенько окружает исследования ученых. Ему было просто необходимо поделиться, выплеснуть сделанные им открытия. Считаю, мне очень повезло, что многими идеями, порой не доведенными еще до блеска и ювелирной огранки, Александр Васильевич делился в разговорах со мной. В эти минуты в моем восприятии сухие названия археологических культур оживали, преобразаясь в народы и племена, отдельных людей, которые трудились и сражались, любили и ненавидели, творили и разрушали. А Александр Васильевич, сидевший в кресле, представлялся возницей боевой синташтинской колесницы, устремлявшим ее движение вперед, за линию горизонта...

Подобные разговоры с Александром Васильевичем вдохновляли. После таких бесед появлялось необратимое желание писать, тво-

ритель, создавать... Признаться, тогда я пытался подражать ему, прежде всего стилю, манере изложения, подачи материала. Наверное, определенных успехов на этом поприще я достиг, потому что за несколько месяцев до выхода монографии Александр Васильевич попросил меня внимательно вычитать ее текст и при необходимости внести варианты правки, в том числе литературной. Хорошо помню, как я принес домой кипу листов, уложенных в обычную канцелярскую папку, отпечатанных на стареньком светодиодном принтере Okipage. Несколько вечеров подряд я вчитывался в текст будущей монографии, честно пытаясь внести в нее правку. Только количество исправлений, которые я предложил, было самым минимальным. Даже черновой вариант монографии, не подвергшийся серьезному просмотру со стороны издательства, был практически на 100 % готов к публикации. А Александр Васильевич еще раз добросовестно «перелопатил» текст, внося в него достаточно серьезные изменения. В 1998 году «Первые андроновцы...» вышли в свет. Без всякого преувеличения считаю, что это одна из наиболее достойных, фундированных, интереснейших и прекрасно написанных работ среди множества исследований, выпущенных представителями отечественного археологического сообщества. И я безмерно горд, что имею сопричастность, главным образом эмоциональную, к подготовке этой книги.

В «водопроводный» период жизни случилось много хороших и не очень приятных событий, но именно этот временной отрезок в моем восприятии наиболее сильно связан с личностью Александра Васильевича. Это время вместило в себя и множество совместных экспедиций, и разговоров, как научных, так и простых житейских, труда и переживаний, радостей и разочарований. Не могу не сказать, что работалось рядом с Александром Васильевичем очень легко и свободно. Он никогда не давил, не навязывал свою точку зрения. Если бывал несогласен с моими выводами, спокойно и ненавязчиво советовал: «Почитай такую-то статью. Посмотри эту монографию...». И обычно оказывался прав. Именно под воздействием Александра Васильевича произошло мое формирование как исследователя.

* * *

В 2001 году Александр Васильевич перешел в Тюменский университет, где была открыта кафедра археологии, которую ему предложили возглавить. Первое время после ухода шефа наше общение и встречи носили регулярный характер. При формировании учебного плана кафедры Александр Васильевич нашел предмет «под меня» — курс полевой археологии. Практиковались и совместные экспедиции ИПОС СО РАН и университета, в которых я также имел возможность близкого общения с ним. Но постепенно обстоятельства разводили нас все дальше друг от друга: ликвидация кафедры археологии, уход из Института Натальи Петровны, являвшейся «мостиком», связы-

вающим наши организации... Мои встречи и общение с шефом существенно сократились, стали периодическими.

Однако шеф продолжал оказывать очень сильное влияние на мою судьбу. Я довольно долго не мог представить кандидатскую диссертацию к защите, хотя она была уже достаточно давно написана. Александр Васильевич, естественно, являлся моим научным руководителем. Текст диссертации был проверен им уже около года назад, и я получил «добро» на защиту. Но оставалась какая-то неуверенность в выполненной работе, постоянно хотелось что-то исправить, переписать, отшлифовать. Видимо, шефу надоело ждать. Он попросил прийти к нему в университет, где очень спокойно и обстоятельно сказал: «Женя, чего ты ждешь? Работа диссертательна, фундирована, часть ее опубликована монографически. Если ты переживаешь, что к тебе могут отнестись предвзято, то напрасно. Как руководитель скажу, что у меня нет врагов в научном сообществе». Эта короткая, но емкая речь сняла психологическое напряжение и неуверенность. Далее оставались только технические детали, многие из которых Александр Васильевич помог оперативно решить.

Да и за самой диссертацией незримо стоит образ Александра Васильевича. К Ингальской долине, ставшей объектом моего диссертационного исследования, ненавязчиво подтолкнул меня он. Затем, также ненавязчиво и деликатно, предложил рассмотреть вопросы, связанные с созданием хронологической шкалы Тоболо-Исетья, и аспекты взаимодействия человека и природной среды применительно к отдельным этапам освоения долины. Причем «подталкивал» Александр Васильевич настолько тонко, что первое время у меня складывалось стойкое, хотя и ложное впечатление, будто до этих выводов я дошел самостоятельно...

Вообще, второй университетский период жизни Александра Васильевича давался ему достаточно тяжело. Во время наших нечастых встреч он всем своим видом старался демонстрировать бодрое состояние духа и оптимизм, хотя обрывки случайно брошенных фраз свидетельствовали об обратном...

* * *

В 2012 году, видимо, устав от перипетий насыщенной околонушной жизни университета, Александр Васильевич принял решение возвратиться в Институт проблем освоения Севера СО РАН. Складывалось впечатление, что он полон сил и творческих планов, чувствовалось его огромное желание воплотить в жизнь множество идей и замыслов, которые, в силу различных причин, не могли быть реализованы в университете. К сожалению, не получилось...

Прекрасно помню момент, когда я последний раз видел его, общался с ним. Это был день его рождения — 9 ноября 2012 года, когда он собрал коллег в своей лаборатории. Выглядел Александр Васильевич абсолютно нормально, шутил, вникал в разговоры... Я и представить не мог, что через очень короткое время ему предстоит операция, как не знал и того, что он болен страшной болезнью...

Удивительное свойство памяти — разрушать преграды, создавая возможность перевода из идеального, абстрактного состояния в материальную сферу того, что, казалось бы, безвозвратно потеряно. Именно так работает моя память, благодаря которой я до сих пор общаюсь с Александром Васильевичем и получаю от него бесценные советы.

Именно так случилось в мае 2013 года, когда мы проводили разведочные работы в Абатском районе. Достаточно долго не удавалось обнаружить на местности поселение Чупино, открытое еще в 60-е гг. XX в. Толковых описаний и чертежей памятника у нас не было, а имеющиеся сведения позволяли предполагать его нахождение на достаточно обширных участках, прилегающих к селам Чупино и Старая Маслянка. Мы сидели в машине и спорили. Дождь сплошным потоком проливался на стекла старенькой «Нивы». Сильный ветер склонял до земли высокую, пожухшую прошлогоднюю траву. Непогода накладывалась на усталость, и их заунывное звучание в унисон в моем мозгу преобразовывалось в тихое, злобное «не найдете... даже не пытайтесь...» И здесь, совершенно неожиданно для меня, из глубин памяти начали всплывать цветные картинки.

...Водопроводная. Весна 1999 года. Легкая дымка молодой зелени пробивается через зарешеченное окно кабинета. Я сижу у края большого, выдавшего виды стола, в центре которого пепельница, заполненная окурками. Рядом старенький 486-й компьютер. Передо мной Александр Васильевич. Очки сдвинуты на лоб. Он массирует уставшие глаза и в то же время что-то говорит мне. Я прислушиваюсь: «Понимаешь, какое дело. Все ранние памятники бархатовской культуры находятся на низких участках террас. А поздние, наоборот, тяготеют к очень высоким отметкам. Посмотри, это и Красногорское, и Миасское городища, а близкое им культурно и хронологически поселение **Чупино** вообще на горе расположено...»

...Сильный порыв ветра, качнувший машину, возвращает меня в настоящее. Начинаю, насколько это возможно из-за растекшейся по лобовому стеклу «Нивы» воды, рассматривать окружающий ландшафт... «Стоп. А место, которое можно соотнести с горой, здесь только одно». Через пятнадцать минут поселение было найдено.

Память — созидаящая субстанция, неустанно пополняющая папки своего разветвленного информационного каталога, даже те, которые, казалось бы, должны быть навсегда закрыты. А раз так, папка с названием АВМ не сдана в архив, она продолжает действовать, оставаясь на самом верху каталога. Не сомневаюсь, что творческие, созидющие свойства памяти еще не раз позволят пообщаться с Учителем, который обязательно придет на помощь в трудных жизненных ситуациях.

*Е.Н. Волков
Тюмень, ИПОС СО РАН*

ВЫПУСКНИКИ ИСТФАКА: IN MEMORIAM

Мы познакомились в 1983 году, когда Александр Васильевич Матвеев читал нам, первокурсникам, лекции по основам этнографии и основам археологии. И если курс этнографии был мне интересен, то курс основ археологии как-то не впечатлил. Ну что можно искать в окрестностях Тюмени? Так думал я до практики. Однако, когда в первых числах мая 1984 г. наша 932 группа выехала на Андреевское озеро и приняла участие в однодневной разведке на местности, обнаружив несколько артефактов, керамику, каменные наконечники стрел, возникло чувство любопытства. Подумать только, более тысячи лет назад и здесь жили люди!

Сама археологическая практика состоялась после первого курса летом того же года на Красногорском городище в Исетском районе.

Руководил археологической экспедицией старший преподаватель кафедры всеобщей истории А.В. Матвеев. Спокойный, увлеченный своими исследованиями, он, как правило, находился близ камеральной палатки, изучая фрагменты собранных студентами глиняных горшков или работая над рукописями. На раскоп приезжал утром и вечером, дать задание и проверить, как идут дела. В отличие от меня, призванного в ряды Советской армии, потом несколько однокурсников, под влиянием А.В. Матвеева, серьезно увлеклись археологией и ездили в экспедиции неоднократно.

Все участники экспедиции жили в палатках. Запомнилось, что копали траншеями и землю вывозили тачками, все это делалось на довольно большой площади. Это Александр Васильевич отрабатывал свое изобретение — фронтально-стратиграфический метод изучения памятников. Конечно, комары, вечерние посиделки у костра. Гречневая и прочая каша с тушенкой. Песни под гитару. Утром опять на раскоп, «где бери больше, кидай дальше».

Наше внимание — фрагментарно и мимолетно. Последующие встречи в 1980–1990-х гг. были случайны и не оставили каких-то глубоких штрихов. Меня интересовали проблемы истории партии эсеров на Урале, весьма далекие от археологической тематики. А.В. Матвеев занимался проблемами бронзового века и сарматоидной культуры ранних кочевников в Западной Сибири. Тем не менее я с любопытством прочитал книгу «Археологические путешествия по Тюмени», подготовленную авторским коллективом с его участием, а увлекшись краеведческими штудиями, не раз обращался к этой работе. Позднее,

в 2003–2005 гг., я услышал о раскопках культурного слоя столицы Тюменского ханства Александром Васильевичем на территории Царева городища, а также жилой застройки и кладбищ первых горожан на месте Тюменского острога в центре города и с удовольствием отметил, что наши интересы стали сближаться.

Значительно позже, в 2006 г., мы оказались в одном составе диссертационного совета по историческим специальностям Тюменского государственного университета. При встречах радостно приветствовали друг друга. Любопытно, но на заседаниях совета Александр Васильевич не отмалчивался при обсуждении диссертаций, не относящихся к археологической тематике, и порой достаточно резко подвергал сомнению выводы и аргументацию отдельных соискателей. Его вопросы, рассуждения, участие в дискуссии были далеко не формальны. Чувствовалось, что человек живет наукой, и вопросы задаются не «для галочки», они действительно его волнуют. Наряду с этим, он проявлял особую тактичность и деликатность в отношении соискателей, передавших в диссертационный совет «качественный продукт».

Жизнь так непредсказуема, в ней все зыбко и хрупко. Александр Васильевич Матвеев запомнился жизнерадостным, полным энергии, оптимизма, творческих идей и планов...

*А.А. Кононенко,
доктор исторических наук*

Каждому в жизни встречаются люди, воспоминание о которых вызывает улыбку и самые теплые чувства. Для меня одним из таких людей стал Александр Васильевич Матвеев. Удивительно светлый человек, которого мы, студенты, уважали и любили.

Уважали за его талант преподавателя, за умение говорить просто и увлекательно о сложных вещах, за профессионализм археолога. Он был настоящим ученым, уважаемым коллегами, воспитавшим множество учеников, которые сегодня продолжают его дело. Нам повезло, что он преподавал на первом курсе. Его лекции и семинары были настоящей экскурсией в древность, учиться у него было легко и интересно.

А любили студенты Александра Васильевича за его отношение к нам, за изумительный юмор, за незабываемые вечера у костра, когда он был не просто начальником экспедиции, а ее душой. С того времени прошло уже немало лет, ведь это была практика 1986 года, но и сегодня, когда мы собираемся своим курсом, мы поем песни, запомнившиеся в археологической экспедиции, которые впервые услышали в его исполнении, вспоминаем его шутки и розыгрыши.

Александр Васильевич был одним из лучших руководителей, которых я встретил в своей жизни. Он был требовательным и, когда необходимо, жестким начальником, но умел при этом создать в экс-

педиции атмосферу всеобщего увлечения работой, атмосферу дружбы и сотрудничества.

Хочется пожелать будущим историкам встретить в своей жизни такого же человека.

*А.А. Чеблаков,
главный консультант информационно-аналитического
управления Тюменской областной Думы*

Случаются порой в жизни такие встречи, которые, как мне кажется, предопределены судьбой. Мне вспоминается солнечный осенний день 2005 года так, словно это было вчера. Первым предметом в расписании стояла «Археология», и, сгорая от любопытства, мы все с нетерпением ждали начала занятия. Со школьной скамьи мечтавшая стать археологом, я села за первую парту. Наконец дверь открылась, и в аудиторию вошел Александр Васильевич. Я помню его внимательный взгляд в то мгновение. От этого взгляда, немного строгого, но в то же время полного надежды и интереса, не ускользнул ни один студент. Время, казалось, остановилось, и, надо сказать, оно имело такое свойство на каждом занятии Александра Васильевича. Привычный мир для нас переставал существовать, но открывались двери иного — удивительного мира науки «о древностях» и ее истории, полной волнующих открытий. Этих лекций и увлекательных рассказов мы всегда ждали с нетерпением. Но еще больший интерес вызвала у всех предстоящая археологическая практика. «Ингальская долина...», — произнес ее название, профессор выдержал паузу, а последовавший за ней рассказ навсегда наполнил мое сердце трепетом и чувством прикосновения к тайне, которое неотрывно влечет меня в тот край изумрудных полей и звонких ручьев по сей день.

Так, наполнив наши души мечтами, а тетради — малоразборчивым почерком, позади остался первый учебный год. Начиналось лето, а с ним все более приближалась археологическая экспедиция под руководством Александра Васильевича в «Ингальскую долину». Для меня, как и для многих моих сокурсников, это было первое серьезное путешествие, и потому в тот момент, когда доставивший нас автобус скрылся из виду, мы чувствовали себя более чем растерянными. Наш лагерь располагался в сосновой роще у реки. На небольшой поляне были расставлены палатки. Александр Васильевич сидел за обеденным столом, наблюдая за расселением новоприбывших практикантов. Я подошла и села напротив. Любопытство взяло верх над смущением, и, набравшись смелости, я рассказала ему о том, как мечтала об археологии. Мы разговорились, и беседа эта текла так легко и непринужденно, что я про себя удивлялась, из всех сил сдерживая восторг. Именно восторг, пожалуй, то самое чувство, которое возникало всякий раз при беседе с Шефом. Выдающийся российский ученый, археолог, за чьими плечами лежало множество удивительных

путешествий и невероятных открытий, относился всегда с искренним интересом и вниманием к каждому, кто этого самого внимания ждал.

Тем летом 2005 года археологическая экспедиция Института гуманитарных исследований проводила раскопки Хрипуновского могильника алакульской культуры в одном из красивейших мест Ингальской долины. Разнообразие и колорит памятников Зауралья и Западной Сибири свидетельствовали, по его мнению, о том, что андроновская эпоха здесь носила характер сложной многолинейной эволюции. И на своих занятиях он всегда учил нас уделять особое внимание индивидуальным археологическим находкам — своеобразным реперам, маркирующим процессы культурных связей в древности.

За тем нашим первым памятным разговором он, впервые услышав о моем увлечении верховой ездой, загадочно улыбнулся и сказал: «Я сейчас назову тебе одно слово, а ты мне ответь, нравится ли оно тебе или нет. Это слово — “псалии”». На мгновение повисло молчание. Слово это было мне совершенно незнакомо, как и стоящий за ним смысл, но оно перекачивалось у меня на языке, как сладкий леденец, и, недолго думая, я ответила: «Очень нравится!» Так с этого удивительного слова начались наши с Александром Васильевичем беседы, жаркие споры, воодушевлявшие меня. И не было большего удовольствия, чем вместе с ним пытаться приоткрыть завесу тысячелетий над обитавшими некогда в наших краях племенами. Накануне, на Хрипуновском могильнике, экспедицией института была сделана удивительная находка — роговой псалий конского оголовья, обладавший исключительными признаками и не имевший аналогов. Обнаружение его на памятнике алакульской культуры подтолкнуло Александра Васильевича к более детальному рассмотрению этой темы.

В то лето моей первой экспедиции наш лагерь переехал из живописной рощи у реки Исеть на базу отдыха, расположенную в окрестностях д. Битюки. К моей радости, на базе отдыха была небольшая конюшня, и я при любой возможности рассказывала Александру Васильевичу о лошадях, их выезде и тренинге. А он, с никогда не покидавшим его юмором, подталкивал меня к размышлениям об этом ремесле в древности. Как-то вечером, после одной из таких бесед, он сказал: «Знаешь, а я вот очень хорошо тебя понимаю! Вижу, как загораются у тебя глаза, когда речь заходит о лошадях,— они твоя страсть. А моя страсть — это археология, она — моя жизнь! И мне бы очень хотелось, чтобы однажды и ты полюбила ее с той же силой!» На всю жизнь останутся в моей памяти эти его слова, слова Учителя, наставника, наполнившего мою жизнь смыслом, во многом предопределившим мою судьбу. Дар наставника — редкое, удивительное качество, способность вести за собой людей, направлять их, дарить им вдохновение. Это лишь то немногое, что открывалось перед каждым, кто узнавал Шефа. Под его крылом не страшны были никакие беды!

Александр Васильевич всегда оставался для меня примером истинного исследователя, институтом интеллигентности и тактичности.

Работающий под его началом коллектив с жадностью перенимал опыт и знания. И к каждому Александр Васильевич находил индивидуальный подход.

Помню, как я, терзаемая противоречиями, вновь и вновь спешила к нему за советом. Нет, окончательных ответов на все мои вопросы он никогда не давал, хотя, могу поспорить, знал их еще до того, как я успевала спросить. Он лишь осторожно подталкивал меня к заключению, которое возникало как бы само собой. Таким образом, я не принимала ответ как данность, но сама приходила к нему. В этом, пожалуй, и было истинное мастерство. Александр Васильевич учил не просто постигать науку, он учил логически мыслить! Едва ли в мире существует руководство для воспитания исследователя. Мне о таком, по крайней мере, не известно. Однако, полагаю, Александр Васильевич без труда написал бы его, чем облегчил бы жизнь всем, кто стоит у руля отечественного образования. Так или иначе, эффективность его методики наглядно демонстрируют своими научными успехами и достижениями ученики основанной им научной школы.

За годы студенчества более всего запомнились мне наши с ним беседы. И что самое замечательное, он всегда позволял рассуждать открыто, на равных, не бояться собственного мнения. Сейчас, спустя много лет, я понимаю, что это самое «особое» мнение он и старался воспитать в каждом из своих учеников. И, надо сказать, не без успеха! Сложно выразить словами, как благодарна я за это чуткое руководство, во многом предопределившее мою жизнь. И даже после окончания вуза не было и дня, чтобы я не вспоминала о своей «археологической» семье. Двери дома А.В. Матвеева всегда были открыты, и за этим порогом сердце наполнялось надеждой, а жизнь смыслом. Потому, что рядом с Александром Васильевичем иначе и быть не могло.

Как не хватает мне сейчас его теплого, наполненного добротой взгляда. Как хочется порой вновь оказаться на пороге этого гостеприимного дома, чтобы он, как и прежде, встретил там, стоя у калитки, все такой же улыбающийся и родной... Я не знала никогда более искреннего, светлого, замечательного человека. Он во всем находил смысл и наполнял все смыслом — своим, особенным!

*М.А. Широкова,
аспирантка ИАЭТ СО РАН*

**«КОМУ КАК НЕ НАМ...
НАХОДИТЬ ЭТИ СЛЕДЫ?»:
А.В. Матвеев и формирование
региональной идентичности**

В последние годы в России появилось несколько примечательных инициатив, целью которых является популяризация науки. С 2005 г. фонд «Династия» ведет активную деятельность по распространению научных знаний в доступной форме через издание научно-популярной литературы, организацию публичных лекций, «дней науки» и научных кафе — встреч и дискуссий между журналистами, учеными и экспертами фонда¹; более десяти тысяч человек ежедневно посещает сайт проекта «Постнаука», начавшего свою деятельность с 2012 г. — за это время на сайте было размещено более тысячи материалов, а подписчиками проекта на конец 2013 г. являются около 8000 человек²; в Политехническом музее Москвы регулярно проходит лекторий³. За вклад в популяризацию науки учреждаются и вручаются премии, среди которых можно назвать премию «Просветитель», учрежденную фондом «Династия» в 2008 г., и премию С.П. Капицы «За популяризацию науки и технологии», впервые врученную в 2013 г.⁴

Занятие популяризацией науки порождает множество вопросов. Должен ли этим заниматься ученый и если да, то для чего? С одной стороны, по выражению А.И. Герцена, «наука — общее достояние всех, и между тем <...> к ней приступа нет <...> она говорит странным и трудно понятным языком»⁵; с другой стороны, популяризация, например, медицинских знаний может привести к недооценке сложности медицины и переоценке пациентом своих возможностей⁶. Должен ли популяризаторский труд ученого оплачиваться и кем он может быть оп-

¹ Подробнее см. на сайте фонда «Династия»: www.dynastyfdn.com/programs/popular (последнее обращение 20.12.2013).

² См. сайт проекта: <http://postnauka.ru>.

³ См. сайт лектория: <http://pmlectures.ru>.

⁴ Популяризация науки и технологий: в РИА Новости вручили премию Капицы // РИА Новости. URL: http://ria.ru/science_video/20131129/980740193.html (последнее обращение 20.12.2013).

⁵ Герцен А.Г. Дилетантизм в науке // VIVOS VOCO. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HERZEN/DIL03.htm> (последнее обращение 20.12.2013).

⁶ См. мнение Н. Эльштейна в: Эльштейн Н. Врачу надо верить // Медицинская газета. 25.03.1983.

лачен? Кто выступает потребителем научно-популярных знаний? С этими и другими вопросами и проблемами сталкиваются как естественные науки, так и науки гуманитарного и социального профиля⁷.

Л.С. Клейн выделяет три специфические проблемы популяризации гуманитарного знания: кажущаяся простота гуманитарных наук, приводящая к тому, что в эту деятельность включаются «люди без специального образования и навыков»; сложные способы доказательства в гуманитарных науках; распространенные предрассудки о предмете гуманитарных наук⁸. Нам представляется, что указанные сложности вызваны противостоянием между идентичностями, сформированными академическим дискурсом, и идентичностями, сложившимися в обществе. Гуманитарное знание (в особенности исторического характера) неизбежно конструирует идентичности. Большое значение для этого процесса «имеет историческая память, как способность опознания истории в себе и себя в истории, помещение себя в систему временных координат»⁹.

Вне всякого сомнения, значительный вклад в популяризацию научного знания об историческом прошлом нашего региона и в формирование «тюменской идентичности» на основе этого знания сделал А.В. Матвеев. Размышляя о перспективах развития гуманитарной науки, Александр Васильевич говорил об ее антропологическом повороте, не только в смысле смены научных установок, обновления предметного поля, но и в смысле важности достигаемых результатов не только лично для ученого или горстки его коллег, а и для общества в целом¹⁰.

Александр Васильевич регулярно выступал и давал интервью на радио и телевидении, на печатных и виртуальных страницах таких периодических изданий, как «Вслух о главном», «Тюменская область сегодня», «Тюменская правда», «Тюменский курьер», еженедельный журнал «Итоги», еженедельная газета научного сообщества «Поиск», «Университет и регион» и др. «Princers» тюменской археологии¹¹ также является автором и соавтором ряда научно-популярных трудов, среди которых можно выделить «Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям»¹² и «Затерянный мир Ингальской до-

⁷ Различные мнения по этим вопросам см. в: *Точка зрения. Популяризация науки в России* // Постнаука. URL: <http://postnauka.ru/talks/14235> (последнее обращение 20.12.2013).

⁸ Клейн Л. Задачи популяризации науки // Светский гуманист. URL: <http://humanism.su/ru/articles.phtml?num=000691> (последнее обращение 20.12.2013).

⁹ Богомяков В. Региональная идентичность «земли тюменской»: Мифы и дискурс. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2007. С. 13.

¹⁰ Куда плывет корабль науки? // Тюменские известия. 8 февраля 2005. № 27 (3694).

¹¹ Еманов А.Г. Princers [первый] тюменской археологии // Андроновский мир: Сборник статей. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2010. С. 8–9.

¹² Матвеева Н.П., Матвеев А.В., Зах В.А. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994.

лины»¹³. На страницах этих книг А.В. Матвеев делал уникальные знания достоянием общественности, и делал это доступным языком, что оставляет надежду на то, что они не окажутся потерянными для потомков. Важно отметить, что, улавливая веяния времени, Александр Васильевич никогда не пользовался популистскими приемами. Наука, только строгая наука, опирающаяся на тщательное изучение большого круга источников, лежала в основе его как научных построений, так и научно-популярных выступлений.

Наиболее известным «детищем» А.В. Матвеева была Ингальская долина, изучением которой он занимался многие годы. Зачастую именно с этой темы и начиналось общение журналистов с ученым: «С именем доктора исторических наук Александра Матвеева связывают такой уникальный археологический объект, как Ингальская долина. Он с коллегами изучает его почти два десятка лет. <...> Одни белые пятна Матвеев “раскрасил”, но обнаружил новые»¹⁴.

Сам археолог так рассказывал о своих открытиях: «Какое-то время открытые здесь памятники изучали отдельно друг от друга, каждый сам по себе,— отмечает профессор Матвеев. — Но с середины 90-х годов прошлого века выяснилось, что концентрация древностей в Тоболо-Исетском междуречье значительно выше, чем в сопредельных районах, что эти памятники образуют комплекс с четкими естественными границами, его начали исследовать целенаправленно и как нечто целое. Центральный район получил собственное имя — Ингальская долина. Мы обратили внимание на то, что очень часто используется тюркский корень “ингал”: Верхний и Нижний Ингал, Ингалинка, Ингала... Ингал — значит “тростник”, “камыш”. Решили: раз это слово встречается чаще других, следовательно, долине быть Ингальской. Правда, ее вы не найдете ни на одной географической карте — это район чисто археологический. На полутора тысячах квадратных километров скопление древних объектов просто гигантское — сотни памятников»¹⁵.

Научное изучение Ингальской долины важно и тем, что здесь создается одна из точек региональной (тюменской) идентичности. Она складывается через знакомство местных жителей, прежде всего детей, с работой археолога: «Пусть не все из них станут археологами или историками, но школу любви к Родине ребята здесь прошли отменную»¹⁶. В одном из интервью А.В. Матвеев так рассказывает о

¹³ Матвеев А.В. Затерянный мир Ингальской долины. Тюмень: Тюменский дом печати, 2004.

¹⁴ Караваева Л. Александр Матвеев: Источник глаголет устами науки // Вслух о главном: Тюменская региональная газета. 25 июня 2010.

¹⁵ Воинский Т. Загадочный мир Ингальской долины // «Аргументы и факты» в Западной Сибири. 14 июля 2010.

¹⁶ Власов Л. За тысячу лет до нашей эры // Тюменская область сегодня. 8 августа 2009.

работе со школьниками: «В этих местах будут трудиться школьные археологические лагеря. В Исетском районе — “Исседон”, в Заводоуковском — “Лукоморье”. Если “Лукоморье” — это совершенно новый лагерь, то “Исседон” у нас уже ветеран — в этом году он проведет свой десятый сезон. За финансовую и организационную поддержку лагерей совершенно искренне говорю спасибо местным администрациям»¹⁷.

Отдельным направлением в формировании региональной идентичности выступают музейные экспозиции и экскурсии, посвященные Ингальской долине. Например, в заводоуковском краеведческом музее существует постоянная экспозиция «Тайны Ингальской долины», а летом проводится автоэкскурсия «Археологическое наследие Ингальской долины» по маршруту Заводоуковск — Лыбаево — археологические памятники — д. Нижний Ингал.

И все это стало возможным благодаря деятельности А.В. Матвеева и его коллег.

В последние годы археолог стал заниматься еще одной темой — ранней историей освоения Сибири переселенцами из европейской части России. Основными точками приложения творческого потенциала ученого и коллег стали раскопки в Тюмени, Тобольске и поиск следов пребывания дружины Ермака. «Жизнь идет, и мечты меняются вместе с ней. Я долгое время занимался бронзовым и началом железного века. А вот сейчас меня потянуло в сибирское средневековье и период освоения этого края русскими. И особенно к Ермаку, о походе которого все слышали, но, к сожалению, мало что известно доподлинно. О нем как о человеке мы можем и не узнать ничего нового. А вот о его экспедиции в Сибирь археологические источники, думается, могут поведать немало нового»¹⁸.

Не секрет, что начальные этапы присоединения и освоения Сибири довольно бедно обеспечены документальными источниками. В архивохранилищах Сибири документов XVI–XVII почти не сохранилось. Пострадали в свое время и фонды Сибирского приказа. Поэтому каждый новый аргумент или свидетельство об этом периоде являются уникальными. Результаты, достигнутые в короткие сроки, оказались впечатляющими. Легендарные сведения о месте гибели Ермака впервые получили научное обоснование. Но для ученого-археолога более важным представлялся другой итог работ. Стало ясно, что по данным летописей можно искать и находить места, связанные с пребыванием Ермака в Сибири. Оказалось, что географические реалии, отраженные в летописных источниках и ранних исторических сочинениях, в основном соответствуют современному характеру местности. Это научная составляющая поисков. Но не менее важны результаты археологических исследований и для тех людей, что живут на этой

¹⁷ *Караваева Л.* Александр Матвеев: Источник глаголет устами науки // Вслух о главном: Тюменская региональная газета. 25 июня 2010.

¹⁸ Там же.

земле. «Насыщение» ранней истории первых русских городов Сибири реальными артефактами позволяет сделать более очевидными, реальными и даже осязаемыми наши связи с прошлым. Зачастую неясные, противоречивые сведения рукописных источников получают подтверждение в виде предметов быта, вооружений, орудий труда. Фрагмент мачты, возможно, с судна, на котором прибыли основатели Тобольска, подземный лаз под стенами тюрьмы, монеты, печати и прочие артефакты придают зримый образ прошлому «Сибирского Новгорода».

Как подлинный ученый, А.В. Матвеев и его коллеги, сталкиваясь с противоречиями или вопиющими несоответствиями, пытались решить их строго научными методами. Основываясь на факте существования на месте г. Тюмени столицы Сибирского (или Тюменского) ханства, ученый правомерно поставил вопрос об уточнении даты основания Тюмени: «Никому не придет в голову возраст городов Средней Азии отсчитывать с момента установления там Советской власти. Почему же исчисление возраста всех без исключения сибирских городов ведут от прихода русских?»¹⁹. Есть большой соблазн «добавить седины» Тюмени и отнести основание города к XIV столетию, ко времени существования Чинги-Туры. Однако А.В. Матвеев был убежден, что до выявления преемственности изначальной Тюмени с городом 1586 г. окончательных выводов делать нельзя.

Но размышления ученого уже создают возможности для расширения идентификационного поля, ведут к значительному увеличению опорных точек, позволяющих связать в единую ткань историю региона и народов, его населявших в далеком прошлом и населяющих в настоящее время. Укрепление исторических корней конкретными событиями, аргументами в виде предметов, современных событиям, известным только по письменным источникам, является важным фактором в конкретизации региональной идентичности. Идентичность, обнаруживаемая в творческом пути А.В. Матвеева, отличается конкретной наполненностью. В отличие от утверждения В.Г. Богомякова о том, что российская историческая память хранит «не столько отдельные события, сколько проблемы и вопросы экзистенциального плана»²⁰, у А.В. Матвеева, напротив, в центре выстраивания идентичности — событие.

*В.П. Ключева, Р.О. Поплавский, В.Я. Темплинг
Тюмень, ИПОС СО РАН*

¹⁹ *Караваева Л.* Александр Матвеев: Источник глаголет устами науки...

²⁰ *Богомяков В.Г.* Региональная идентичность... С. 13–14.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ МАТВЕЕВ

*Сборник научных трудов и воспоминаний
Посвящен памяти А.В. Матвеева*

Редактор	<i>Е.М. Зах</i>
Оператор компьютерной верстки	<i>М.В. Крашенинина</i>
Художник	<i>С.А. Иларионова</i>

ЛР № 020297 от 23.06.97. Подписано в печать 11.02.2014. Печать офсетная.
Бумага ВХИ. Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 13,1. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура «Arial». Тираж экз.
Заказ №

Оригинал-макет:
Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.

Отпечатано: